nonf_biography
sci_history

Михаил
Александрович
Смирнов
Составитель
http://coollib.net/a/88392

О Михаиле Кедрове

Книга посвящена Михаилу Сергеевичу Кедрову, видному партийному и государственному деятелю, соратнику В. И. Ленина. В ней собраны новые и ранее публиковавшиеся воспоминания, воссоздающие события жизни профессионального революционера, одного из первых издателей произведений В. И. Ленина, военного деятеля, члена коллегии ВЧК, активного организатора народного здравоохранения. Всесторонне одаренный человек, он отдал всего себя делу революции.

Книга адресуется массовому читателю.

1988

ru

a53

a53

OOoFBTools-2.3 (ExportToFB21), FictionBook Editor Release 2.6
10.01.2017
Владимир Черновол
OOoFBTools-2017-1-10-3-2-7-103
1.0

v. 1.0 — a53; OCR — Владимир Черновол

О Михаиле Кедрове: Воспоминания, очерки, статьи
Политиздат
Москва
1988
5-250-0011300

О Михаиле Кедрове: Воспоминания, очерки, статьи / Сост. М. А. Смирнов.— М.: Политиздат, 1988.— 255 с, ил. Политиздат Москва 1988

М. А. Смирнов
О МИХАИЛЕ КЕДРОВЕ
Воспоминания, очерки, статьи

О МИХАИЛЕ КЕДРОВЕ

Воспоминания,
очерки,
статьи

Москва
Издательство
политической литературы
1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге собраны из разных документальных источников воспоминания, очерки, статьи о Михаиле Сергеевиче Кедрове — соратнике Владимира Ильича Ленина. Публикации давних лет, вновь найденные и впервые написанные материалы рисуют яркий портрет профессионального революционера, коммуниста-ленинца, воина, чекиста, юриста и музыканта, историка и публициста.

Родился Михаил Сергеевич Кедров 12(24) февраля 1878 г. в Москве, в семье нотариуса. Еще в ранней юности он порвал с буржуазной средой, ушел из семьи. Заканчивал гимназию в Феодосии. Там же занимался в гимназическом кружке самообразования. Общение с рабочими-железнодорожниками, рыбаками и моряками способствовало воспитанию классового самосознания юноши. В 1897 г. Кедров поступил на юридический факультет Московского университета; одновременно занимался музыкой и изучением иностранных языков. За участие в студенческих волнениях его в 1899 г. исключили из университета. По той же причине он был лишен права заниматься и в ярославском Демидовском юридическом лицее. Преследуемый властями, Кедров под предлогом лечения несколько раз выезжал за границу. Побывал в Германии, Австрии, Италии, Дании, Швеции, в Балканских странах. В Швейцарии встречался с деятелями группы «Освобождение труда». Между поездками за границу вел нелегальную работу в Ярославле, Крыму, Нижнем Новгороде, Одессе. В 1901 г. стал членом социал-демократической партии. Вел пропаганду среди студентов Ярославля, сормовских рабочих. В Нижнем Новгороде был введен в состав партийного комитета — заведовал всей его техникой (архив, печать, конспиративные квартиры и пр.). После провала в конце 1901 г. выехал в Ярославль.

В марте 1902 г. Кедрова арестовали и водворили в тюрьму, «дабы, — по выражению ярославского губернатора, — не влиял вредно на других» [1]. Ему предъявлялось обвинение в активном участии в работе Северного комитета РСДРП, помощи партии материальными средствами. С этого времени и до победы Февральской революции Кедров находился под надзором царской охранки.

В постоянной борьбе с царизмом выковался непреклонный характер большевика, стойкого борца за дело рабочего класса, зрело мастерство конспиратора.

В конце 1904 г. Кедров после отбытия вологодской ссылки вернулся в Ярославль. Здесь он вместе с В. Р. Менжинским, Н. И. Подвойским и другими большевиками работал по сплочению рядов партии, подготовке рабочих к грядущим боям с самодержавием. В годы первой российской революции он активно выполняет партийные поручения в Ярославле, Москве, Костроме. Как член Костромского комитета большевистской партии занимается созданием и вооружением рабочей дружины.

«…На меня возложено было поручение закупить возможно больше оружия в Москве, — вспоминал Кедров. — Имел на руках когда-то выданное мне московским обер-полицмейстером полковником Треповым разрешение „на хранение на квартире одного револьвера с патронами“. Мне удалось, пользуясь этой бумажкой, закупить всю наличность ружейных магазинов Биткова (на Лубянке) и Зимина (на Тверской)…

Драгоценная покупка была тщательно упакована в три изящных чемодана… В Кострому добрался благополучно. С вокзала… чемоданы доставлены на квартиру начальника водных путей инженера Виткевича, жена которого сочувствовала большевикам… В тот же день все оружие было забрано оттуда и распределено по рукам».

Летом 1905 г. Кедров принимал участие в устройстве подкопа под Таганскую тюрьму для освобождения Николая Баумана.

В ноябре 1905 г. Кедрову поручается изготовление оболочек для бомб-македонок, которыми вооружались дружинники, участники вооруженного восстания.

В конце декабря полицейский агент донес в охранное отделение о том, что «в Перловке, в двухстах саженях от деревни Малые Мытищи, появилась фабричка, где производится выработка взрывчатых принадлежностей». «Фабричкой» был сарай дачи Шульц — сестры Кедрова, в котором Михаил Сергеевич оборудовал мастерскую по изготовлению оболочек бомб. Дача служила явкой и убежищем для революционеров, приезжавших со всех концов России по партийным делам. Охранка начала охоту за Кедровым. Сначала он скрывался в Костроме, а затем в Твери. Жандармское управление завело на него дело на привлечение к ответственности по статье 100 Уголовного Уложения, которая предусматривала смертную казнь через повешение. Фамилия Кедрова была внесена в «ведомость лиц, подлежащих розыску в пределах империи».
Вспоминая, что ему посчастливилось уйти от ареста и суда, Кедров писал: «После двухмесячного скитания по городам и весям благополучно прибыл в Петербург в январе 1906 года».
В Петербурге первое время Кедров проживал нелегально по паспорту рогачевского мещанина Михаила Сергеевича Иванова, приказчика по профессии. Обеспечив себе легальное прикрытие — учащийся курсов стенографии Сапонько на Невском проспекте, — приступил к выполнению партийного поручения: организации книжного издательства «Зерно». Издательство было открыто на подставное лицо — литератора Б. Б. Веселовского. Под вывеской «Зерно» на личные средства, полученные в наследство от отца, Кедров организовал издание и распространение по всей России партийной большевистской литературы. Особой заслугой Кедрова является первое издание Сочинений В. И. Ленина под общим названием «За 12 лет». Завершить издание не удалось, но выпуск 1-го тома Сочинений В. И. Ленина стал важным событием в жизни партии.

> Издательские дела шли хорошо. М. С. Кедров на свое имя снял квартиру. Сюда из Твери переехала его семья. Но участившиеся визиты полиции в издательство на Невском проспекте и в типографию, где печатались его издания, свидетельствовали, что «готовится удар». В мае 1908 г. охранка совершила налет на издательство. Кедрова арестовали. После длительного заключения в «Крестах»
> [2]
> ему удалось в конце 1911 г. выйти на свободу и эмигрировать с семьей в Швейцарию.

За границей Кедров поступил на медицинский факультет Лозаннского университета. В Берне Кедров знакомится с приехавшим туда Владимиром Ильичей Лениным. Между ними установились теплые, дружеские отношения.

> Весной 1916 г. после окончания университета Кедровы вернулись в Россию. «Недавно из Лондона выехал в Архангельск доктор Михаил Кядрев (Кедров)… друг Ленина, — торопился сообщить заграничный агент царской охранки, — от коего он мог получить специальные партийные поручения».
> [3]

Несмотря на предупреждение агента, тщательный обыск ничего не дал. Опытный конспиратор, Кедров доставил по назначению ленинское письмо.
После сдачи экстерном экзаменов за медицинский факультет в Харьковском университете (иностранный диплом в России был недействителен) Кедров начал работать в военном госпитале в городе Кашине Тверской губернии. Но вскоре в качестве врача уехал в действующую армию на Кавказский фронт. Он и там не оставляет революционную пропаганду, став одним из активных деятелей большевистской военной организации. На фронте его застала Февральская революция. Солдаты и рабочие избрали Кедрова председателем большевистского Совета в городке Шериф-Ханэ (Иран).
В мае 1917 года ЦК партии отозвал Кедрова в Петроград. Как делегат от военной организации Закавказья участвует во Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организации партии. Он один из руководителей военной организации, член Всероссийского бюро большевистских военных организаций, член редколлегии газеты «Солдатская правда». После ее закрытия Кедров организует издание газет «Рабочий и солдат», «Солдат». В последней

— публикуются резолюции VI съезда партии, провозгласившего курс на вооруженное восстание.
В сентябре 1917 г. ЦК партии большевиков посылает Кедрова в Западную Сибирь для налаживания и укрепления связи с местными большевистскими организациями.

> «В последних числах октября в Томске, — вспоминал он, — куда прибыл накануне, на одном из фонарных столбов я прочитал поздно вечером сообщение о перевороте и образовании Совета Народных Комиссаров во главе с Владимиром Ильичем Ульяновым (Лениным)»
> [4].

Приняв участие в формировании местного органа Советской власти в Омске, Кедров выехал в Петроград.
Он назначается заместителем народного комиссара по военным делам по отделу демобилизации (Демоб).

> Член коллегии Наркомвоенмора К. А. Мехоношин вспоминал, что при формировании коллегии «весьма сильно учитывали и „докторский“ чин Склянского и „капитана“ Леграна… Кроме этих двух товарищей у нас был еще один военный, врач Кедров, но его офицерское качество уж очень сильно затушевывалось столь резко выраженной у этого старого коммуниста партийной окраской»
> [5]
> .

В огромную, государственного размаха работу по демобилизации старой армии Кедров вносил дух большевистской партийности и принципиальности. Здесь раскрылись его выдающиеся организаторские способности.
Кедров не только руководил демобилизацией, но и внес свой вклад в создание новой, Красной Армии.

> С упразднением отдела по демобилизации члену коллегии Наркомата по военным делам Кедрову поручается руководство Военно-хозяйственным советом Красной Армии. В связи с угрозой интервенции на Севере Кедрова направляют в северные губернии РСФСР во главе Комиссии по ревизии военного хозяйства и обследованию всех сторон «деятельности и организации местных советских учреждений»
> [6]
> , проведению в жизнь декретов Советской власти. Мандат, подписанный В. И. Лениным, предоставлял Кедрову большие полномочия: отстранение от должности не соответствующих назначению работников, арест и предание суду виновных в преступлениях.

Во всех своих делах Комиссия опиралась на помощь рабочих, моряков, красноармейцев. В газете Наркомата по военным и морским делам, в губернских газетах было опубликовано за подписью Кедрова обращение «Ко всем гражданам!», в котором выражалась просьба оказывать Комиссии посильное содействие.

> Комиссия провела ревизию госпиталей и военных складов, приняла меры к усилению их охраны, форсировала вывозку из Архангельского порта оборонных грузов. За ходом вывозки грузов внимательно следил В. И. Ленин. В телеграмме Кедрову от 26 июня 1918 г. он требовал направить «все силы на ускоренную эвакуацию всех грузов из Архангельска»
> [7]
> . После указания В. И. Ленина военные запасы вывозились с «бешеной быстротой» по железной дороге (отменены пассажирские поезда) и по Северной Двине. Комиссия приняла меры к ускорению формирования управления Беломорского военного округа и первых частей Красной Армии. Она рекомендовала местным Советам провести немедленную национализацию банков, распустить городские думы и их управы, упразднить земства, всю

полноту власти сосредоточить в руках Советов. Исполкомы Советов были пополнены коммунистами.

Решительными мерами Кедров освободил советские и общественные организации от засилья антисоветских элементов, упорядочил финансовую систему в Северном крае, подготовил к обороне Архангельскую и Вологодскую губернии.
В конце июля Кедров доложил В. И. Ленину о результатах работы Комиссии.

В. И. Ленин высоко ценил Кедрова за его беззаветную преданность партии, революционную энергию, твердую волю. Когда началось вторжение интервентов на советскую землю, ЦК РКП(б) по согласованию с Наркоматом по военным делам назначил Кедрова командующим Северо-Восточным участком (СВУ) завесы
[8]
. В сложной обстановке под руководством В. И. Ленина Кедров организует отпор интервентам, создает оборону для разгрома врага. Вспоминая о тех днях, он писал: «И находясь в пути на Архангельск, и участвуя в первых стычках со вторгшимися в край англо-французами, я держал связь с Кремлем и чувствовал невидимую руку, которая направляла и руководила всеми военными операциями… Если удалось на первых же шагах парализовать наступление превосходящего по численности и по технике противника и расстроить его планы, то в этом прежде всего заслуга ЦК нашей партии в лице тов. Ленина. Задача была выполнена потому, что… твердая рука великого кормчего вела советский корабль к намеченной цели»
[9]
.

Осенью 1918 г. Кедров возглавил Комиссию ВЦИК, которой поручалось подробное ознакомление «с деятельностью всех советских учреждений в Курской губернии и принятие надлежащих мер к улучшению их деятельности в полном контакте с местными советскими органами», а также «всех необходимых законных мероприятий в области продовольственного дела» по мандату Народного комиссариата продовольствия.
Яркой страницей жизни Кедрова явилась его многолетняя работа в органах ВЧК. Руководитель Особого отдела, член коллегии ВЧК и член коллегии НКВД, полномочный представитель ВЧК на Южном фронте, в Северном крае, он всегда был примером беззаветной преданности партии, целеустремленности, дисциплинированности в работе, строгого соблюдения социалистической законности. Партия посылала Кедрова туда, где были нужны быстрота и решительность действий, революционная твердость и самоотверженность. По заданиям В. И. Ленина и Ф. Э. Дзержинского он выезжал на самые горячие участки борьбы с контрреволюцией. Умело руководил операциями по ликвидации вражеской агентуры, шпионских и антисоветских центров.
В 1920 г. Кедров, как полномочный представитель ВЧК по Северному краю, в составе специальной правительственной комиссии участвовал в ликвидации последствий интервенции на Севере, в расследовании злодеяний интервентов и белогвардейцев. Принимал участие в восстановлении органов Советской власти, в частности Рабоче-Крестьянской Инспекции, был делегатом Архангельской губернской партийной конференции, которая избрала его членом Архангельского губкома РКП(б). Во всех своих делах он, как всегда, обращается за помощью к массам. В местной газете публикуется заметка М. Кедрова «Рабочие, за метлу!», в которой он призывает рабочих сообщать в свою Рабоче-Крестьянскую Инспекцию об известных им фактах устройства негодяев и предателей на службу в советские учреждения, твердо помнить, «что только при напряженной работе всех рабочих возможно будет быстро наладить советский аппарат.
Так за работу же, товарищи рабочие! Беритесь за метлу!»
По заданию ЦК партии Кедров выезжал в Баку и помогал азербайджанским чекистам организовать борьбу с бандитизмом, подрывными элементами и акциями иностранных разведок. Наш лозунг, говорил Кедров чекистам, «как можно меньше репрессий, как можно больше революционной законности». При активном участии Кедрова чекисты Закавказья «свели почти на нет» бандитизм, организовали борьбу с хищением грузов на транспорте,

продолжали борьбу с организациями буржуазных националистов и эсеров. Активные главари этих организаций были арестованы.
В годы гражданской войны Кедров возглавлял Всероссийскую комиссию по борьбе с сыпным тифом, который был подлинным бичом на фронте и в тылу.
За мужество и отвагу, проявленные в годы гражданской войны, М. С. Кедров был награжден орденом Красного Знамени, за высокую бдительность, самоотверженное исполнение чекистских обязанностей — знаком «Почетный чекист».
В годы мирного строительства Кедров на хозяйственной работе. С мандатом Ленина, с высокими полномочиями, данными ему Советом Труда и Обороны, Кедров в голодном 1921 г. помогает организовать добычу рыбы в южной части Каспийского моря, направляет ее в голодающие районы. 12 сентября 1921 г. В. И. Ленин телеграммой в Баку предписывает Кедрову «сдать все дела по „рыбным операциям“» и выехать в Москву в распоряжение ЦК партии.
И на хозяйственном фронте он проявил себя как крупный организатор. В 1923 г. Кедров — уполномоченный Народного комиссариата путей сообщения на Крайнем Севере. Он выезжает на Новую Землю и на Печору, организует Печорское пароходство и работу местных органов власти, борется с остатками кулацких банд. После возвращения с Севера ему поручается возглавить Оргбюро объединения ВСНХ по обслуживанию промышленности и транспорта.
С 1926 по 1928 г. Кедров работал помощником Прокурора Верховного суда СССР. Ведал органами Военной прокуратуры и осуществлял надзор за судебной деятельностью Военной коллегии Верховного суда СССР. Он избирался секретарем партийной организации Верховного суда СССР и Прокуратуры Верховного суда СССР.
В 1928 г. Кедров возглавил Оргкомитет Всемирной спартакиады в Москве. Он был введен в Президиум Исполкома Красного спортивного интернационала. На этой работе Кедров проявил себя не только практиком-организатором, но и теоретиком международного рабочего спортивного движения.
На русском и нескольких европейских языках была издана брошюра М. С. Кедрова «Боевые задачи Красного спортивного интернационала». В ней, разоблачая роль буржуазного Люцернского спортивного интернационала, его секций и спортклубов как прислужников буржуазии, Кедров сформулировал основные задачи Красного спортинтерна:

> «В связи со все более обостряющимся кризисом капитализма, возросшей опасностью военного нападения империалистов на СССР, — писал Кедров, — перед всеми массовыми пролетарскими организациями, в том числе спортивными, стоят задачи высвобождения масс из-под влияния буржуазных, фашистских и социал-фашистских партий; создания сплоченной дисциплинированной спортивной армии, готовой пойти в бой против фашизма, всемерная защита СССР как оплота мирового революционного движения»
> [10]
> .

В Госплане РСФСР, где Кедров работал с 1932 по 1934 г., он был членом президиума и руководил сектором обороны, а затем отделом науки и техники. По словам товарищей, работавших вместе с ним в Верховном суде и Госплане, Кедров был обаятельным человеком. Простой и скромный, он никогда не кичился своими заслугами, в отношениях с товарищами был всегда ровным, внимательным и отзывчивым.
С 1934 г. Кедров директор Военно-санитарного института. Под руководством Н. Н. Бурденко занимался вопросами борьбы со злокачественными опухолями.
Вся жизнь Кедрова — непрерывное действие. Круг его интересов не ограничивался только исполнением поручений партии или служебных обязанностей. В свободное время он занимался музыкой, литературным творчеством. Ряд своих произведений он посвятил В. И. Ленину. Образ великого Ленина красной нитью проходит через многие его произведения. Об этом говорят названия его брошюр и глав в книгах: «Из Красной тетради об Ильиче», «Вождь Красной Армии», «Повсюду Ильич», «Ни шага без Ильича».
Выражая свои чувства к Ленину, возникшие после покушения террористки на жизнь вождя, Кедров писал:

«И вспыхнул огонь, ленинский огонь в каждом бойце, и огненной волной прокатилась по необъятному фронту непоколебимая клятва:
„Отомстим, победим!“
Ошиблись враги. „Ленин будет жить — такова воля пролетариата“ (слова петроградских рабочих).

Он, и раненый, оставался тем незримым вождем Красной Армии, который и в донских степях, и в Кавказских горах, и в архангельской тундре, и в сибирской тайге, через пески и дебри, через огонь и воду вел красные полки в бой, к верной славной победе»
[11]
.

Ряд своих книг («За советский Север», «Без большевистского руководства»), брошюр, статей в газетах и журналах Кедров посвятил отдельным эпизодам из истории революционного движения и гражданской войны. Написал он и две драмы — «Коммунистка» и «Три года», в которых нашла отображение героика гражданской войны.
Где бы ни работал Кедров, он жил интересами и делами страны социализма. Характерен такой пример. 1930 год. Вся страна занята социалистическим переустройством деревни, коллективизацией крестьянских хозяйств. В день 1 Мая Кедров пишет письмо в бюро Общества старых большевиков, в котором просит из причитающейся ему суммы гонорара за книгу «употребить 1000 рублей на приобретение трактора и присвоить ему имя лучшего бойца из старой гвардии — Ф. Э. Дзержинского».
Трактор был приобретен и направлен в подшефный Обществу Алексеевский район Воронежской (тогда ЦЧО) области…
Михаил Сергеевич Кедров был в 1938 г. оклеветан и трагически погиб в декабре 1941 г.
Кедров жил и боролся ради высокой цели — победы социализма, в которую он безгранично верил. Дела Кедрова живут в благодарной памяти народа. Его именем названы улицы в Москве и Ленинграде, в Архангельске, Ярославле и Вологде. Воды Мирового океана бороздит могучий теплоход «Михаил Кедров».
Годы идут, но остается в строю бойцов Михаил Кедров — отважный революционер, мужественный воин-чекист, верный ученик великого Ленина.

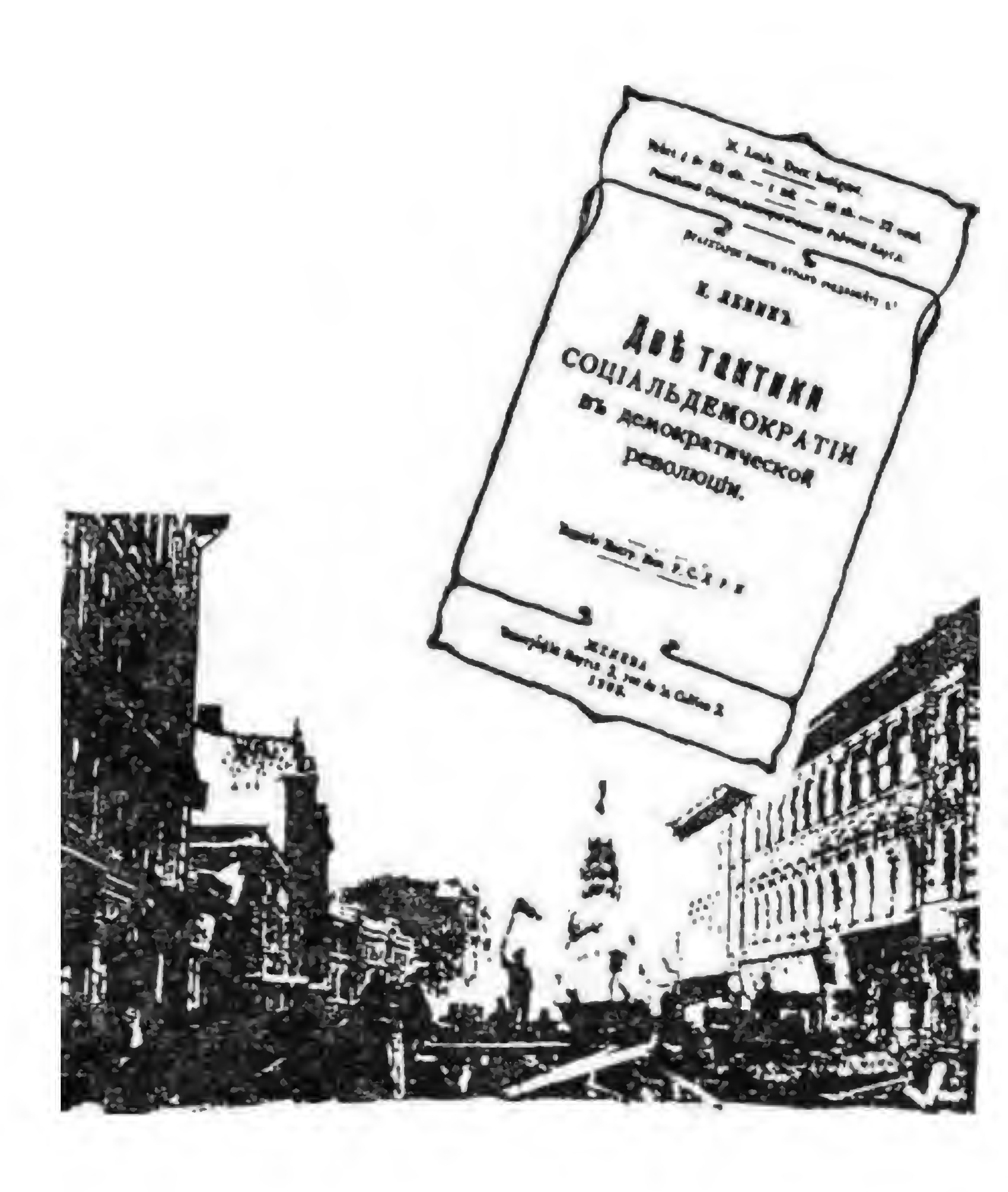
Григорий БЕЛЫХ,

ветеран партии

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

Хорош у нас, замечательно хорош тип старого большевика, воспитанного подпольем, тюрьмой и ссылкой, боями на митингах, на бесчисленных фронтах.

М. Горький

В. Н. Пластинин
. БОЛЬШЕВИК КЕДРОВ

Мне, автору этих строк, в 1919 г. было всего 10 лет, когда я впервые увидел М. С. Кедрова. …Защитного цвета армейская фуражка с твердым козырьком, гимнастерка, галифе, высокие сапоги. На широком ремне — мягкая зеленоватая кобура с браунингом. Смуглое, суровое, красивое лицо. Темные, живые, внимательные глаза. Таким он вошел в мою

мальчишескую жизнь, став моим отцом и воспитателем, вошел как человек, с которого я во всем брал пример… В детстве, в юности мне посчастливилось быть невольным очевидцем многих событий, связанных с его военной, партийной и государственной деятельностью.
…Семья известного московского нотариуса Сергея Кедрова имела собственный дом на 1-й Мещанской улице… Порядки в доме были строгие. Без дела никто не сидел. Мать немало времени уделяла воспитанию детей. Она любила музыку и сама обучала сына Михаила игре на рояле. Заниматься приходилось ежедневно и помногу.
Обстановка, царившая в доме Кедровых, устои и взгляды, типичные для буржуазной семьи того времени, тяготили юного гимназиста. В семье он не мог найти ответа на многие вопросы — об устройстве жизни, о социальном неравенстве. Этот медленно, но неуклонно нараставший внутренний протест закончился уходом Михаила из семьи. Последний класс гимназии он заканчивает уже не в Москве, а в Феодосии.
Проходит лето, и Михаил Кедров становится студентом юридического факультета Московского университета…
Изучение работ Маркса помогло Михаилу определить цель жизни — молодой студент решительно и твердо встает на путь борьбы за освобождение трудящихся, против капитала, против самодержавия.
Много лет спустя, в 1924 г., оформляя анкету и автобиографию при вступлении в Общество старых большевиков, Михаил Кедров сделал записи. Они рассказывают о том, как формировалось революционное мировоззрение молодого студента, выходца из богатой дворянской семьи.
Вот что писал М. С. Кедров в автобиографии:
«Увольнение из Московского университета за участие в студенческом движении (1899 г.). Участие в с.-д. кружке в Ярославле. Руководитель кружка — А. П. Доливо-Добровольский (1900 г.).
Один из организаторов студенческого исполнительного комитета, проведшего в марте (?) 1901 г. забастовку в Демид. юрид. лицее. Арестован в здании лицея (1901 г.). Исключен на 3 года (вскоре был восстановлен).
Один из руководителей студенч. движения в Ярославле. Член Ярославской организации РСДРП… В феврале арестован за проведение студ. забастовки в лицее… Исключен из лицея. Освобожден после 5-дневной голодовки. Выбыл в Симферополь, где принимал участие в работе с.-д. организации… В связи с арестами выехал в Москву в начале августа (прибл.). Спустя 2–3 недели арестован под Москвой, в Перловке, за причастность к Северному Союзу. 3-месячный курс самообразования в Таганской тюрьме. Высылка под особый надзор в конце года в Ярославль (1901–1902 гг.)…
Административная высылка в Хотин, а затем в Вологодскую губернию. Устраивал в пользу ссыльных концерты, лично участвуя в них (1903–1904 гг.).
В конце 1904 года выехал в Ярославль, первое время устраивал концерты в пользу партии. Ранней весной 1905 года переселился в Перловку под Москву, где наша дача служила явкой и убежищем для всех прибывающих со всей России по парт. делам, школой стрельбы, лабораторией по изучению взрывчатых веществ и пр.
Устраивал массовки. В августе по постановлению ЦК — один из организаторов подкопа (неоконченного) под Таганскую тюрьму для освобождения членов ЦК Баумана, Носкова и других, арестованных на квартире Л. Андреева… Снабжал московские пролетарские дружины оружием (браунингами, винчестерами и пр.).
В октябре в Костроме — организатор боевой дружины и член Костром. комит. РСДРП (Стопани (Карп), Киткин и др.) (1904–1905 гг.).
Был назначен организатором боевых дружин в Москве. Успешно выполнил поручение по вывозке винтовок Винчестера из Вологды. Незадолго до начала Московского вооруженного восстания был отозван для изготовления оболочек для бомб…

Разгром организации, бегство из Костромы, переход на нелегальное положение, привлечение по 100-й ст. Уг. Ул. (вооруженное восстание и изготовл. взрывч. веществ). — Под фамилией Иванов принял участие в организации в Твери концертов для партии (офиц. для безработных)…»
[12]

Начальный период революционной деятельности Михаила Сергеевича (1901–1906 гг.) полон эпизодов, характеризующих его, молодого большевика, как талантливого мастера конспирации, как умелого организатора-боевика.

Пластинин В.

Коммунист Кедров. Архангельск,

1969, с. 5—13

Н. С. Алексеева
. НЕСГИБАЕМЫЙ ЛЕНИНЕЦ

Днем притаивало, а ночь на 8 марта 1902 г. выдалась морозная. Лед замерзших лужиц с резким звуком ломался под ногами полицейских, нарушая ночную тишину Духовской [13]
улицы Ярославля.

Вот и дом Высоцкого. Полицейские остановились. У проживающего в доме студента IV курса ярославского Демидовского юридического лицея Михаила Кедрова предстояло произвести обыск.
Немного времени потребовалось полицейским для того, чтобы перевернуть все в скромно обставленной комнате. Письменный стол, книги, рукописи, комод, кровать, сундук были осмотрены с необычайной тщательностью.
Хозяин комнаты не протестовал против насилия, понимал: бесполезно.
Он сидел, склонясь немного вперед. Весь его вид, казалось, выражал невозмутимое спокойствие. Лишь большие… глаза явно насмешливо следили за действиями «блюстителей порядка». Обыск ничего не дал. Однако Кедров был арестован и отправлен в губернскую тюрьму.
Это был уже не первый арест молодого революционера. Кедров и впоследствии неоднократно подвергался тюремному заключению, преследовался царским правительством. Но никакие испытания не сломили стойкости несгибаемого революционера, закаленного бойца-ленинца.
Михаил Сергеевич Кедров среди своих сверстников выделялся начитанностью, глубоким интересом к социальным вопросам. Несмотря на свою молодость, Кедров уже несколько раз побывал за границей, познакомился с жизнью и культурой народов Германии, Франции, Италии, Дании, Балканского полуострова. Изучение жизни полного противоречий буржуазного Запада обостряло его критическое отношение к российской действительности, способствовало формированию революционного мировоззрения.
В Ярославле в это время развертывал свою деятельность «Северный рабочий союз». Кедров вступил в 1901 г. в лицейскую организацию РСДРП и вошел в студенческий комитет, став активным членом этой организации.
Активно работая в студенческом комитете, Кедров участвовал в составлении, печатании и распространении листовок и прокламаций. Он давал средства на печатание прокламаций, приобретение бумаги, гектографа и другие нужды комитета. Начиная с сентября 1900 г.

Михаил Кедров ежемесячно сдавал в кассу Ярославского комитета РСДРП от 200 до 300 рублей.
В марте 1901 г. Кедров принял активное участие в революционных «беспорядках» лицеистов, за что 87 человек, в том числе и он, были арестованы и неделю отсидели в ярославской губернской тюрьме. Через год, 7 марта 1902 г., на сходке лицеистов обсуждался вопрос об уличной демонстрации совместно с рабочими Ярославской большой мануфактуры. Михаил Кедров смело выступил против директора и инспектора лицея, явившихся закрыть сходку. И в результате вечером того же дня — исключение из лицея, а ночью — обыск и водворение в тюрьму.
Кедров ясно отдавал себе отчет в том, что повод, по которому попал в тюрьму, пустяковый и других мер наказания, кроме высылки, не повлечет. Но друзья сообщали ему о начавшихся арестах и допросах студентов. Это вызывало тревогу. Но что мог сделать человек, сидящий в одиночной камере? Его не пугали никакие трудности. Он объявил голодовку и отказался от прогулок.
3 апреля 1902 г. Михаил был освобожден из тюрьмы «в связи с тем, что в течение пяти дней не принимал никакой пищи и стал впадать в обморочное состояние».
А на другой день Кедрова выслали из Ярославля в Московский уезд на станцию Перловка, где проживали его родственники.
Отсюда Кедров выехал на юг. В течение лета он путешествовал по Крыму и городам Черноморского побережья Кавказа. Это не было путешествием с целью развлечения, а вынужденная необходимость: не дать возможность цепким лапам жандармов снова схватить его.
Он оказался прав в своих предположениях. Весной и летом 1902 г. жандармерия раскрыла студенческий и Ярославский комитеты РСДРП, принимая оба за одну организацию. В апреле 1902 г. произошел провал «Северного рабочего союза».
В ходе следствия по всем этим делам начала выясняться истинная роль М. С. Кедрова. В мае 1902 г. начальнику жандармского управления Таврической губернии полетели письменные и телеграфные требования об обыске, допросе и аресте Кедрова. Жандармы все лето разыскивали его, установили наблюдение за домом в Перловке. Когда Михаил Кедров вернулся… был арестован и заключен в московскую тюрьму.
Выйдя из тюрьмы 29 октября, после двухмесячного предварительного заключения, Кедров испрашивает разрешение приехать в Ярославль. Ему хотелось повидаться с друзьями и особенно с Ольгой Августовной Дидрикиль, с которой он был давно дружен. Их взаимное чувство крепло, и вскоре они поженились…
Сразу же после свадьбы супруги Кедровы уехали… Много тяжелых минут пережил Михаил Сергеевич в связи с заключением жены в одесскую тюрьму по требованию ярославской жандармерии. Не окрепшая после недавнего продолжительного тюремного заключения, беременная Ольга Августовна тяжело заболела. Лишь энергия и находчивость Михаила Сергеевича, собравшего не один консилиум врачей, избавили жену от тюрьмы.
Из Одессы Кедровы приехали к родственникам Ольги Августовны в Новгородскую губернию. Сюда поступило извещение о приговоре по делу о ярославских революционных организациях. Кедров высылался в «избранное» им место жительства на три года. Он немедленно подал прошение, чтобы отбыть ссылку под гласным надзором полиции по месту жительства, каковым считал город Ярославль.
Ярославский губернатор временно разрешил ему поселиться в городе, оговорившись, что «продление разрешения будет зависеть от его поведения и образа действий». Но это было сплошным лицемерием. Разрешая Кедрову поселиться в Ярославле, губернатор одновременно просил департамент полиции удалить его из города. «Кедров, — писал он, — является одним из самых деятельных участников местного противоправительственного движения, имеет большие связи с местным студенчеством и со всеми местными неблагонадежными элементами; как человек состоятельный, он оказывает денежную поддержку своим единомышленникам. При этом считаю долгом присовокупить, что я считаю весьма желательным скорейшее его удаление из этой местности».
Михаил Сергеевич принужден был отбывать срок наказания в Вологде. Только через год с лишним он смог снова вернуться в Ярославль.

В первые месяцы 1905 г. Михаил Сергеевич работает агитатором при Ярославском комитете РСДРП, выступает на собраниях и митингах. С осени 1905 г. он живет в Костроме. Здесь совместно с А. М. Стопани организует боевую дружину.
Вооруженная рабочая дружина взяла на себя охрану митингов рабочих. Обычно митинги тогда заканчивались демонстрациями: рабочие с развернутыми знаменами и дружина с винчестерами на плече шли по улицам города и дружно пели «Смело, товарищи, в ногу», «Варшавянку» и другие революционные песни.
Во главе дружины Кедров участвует в схватке с казаками и черносотенцами, проводит ряд боевых операций.
В начале января 1906 г. в связи с грозившим ему арестом М. С. Кедров вынужден был скрыться из Костромы…

Солдаты революции.

Очерки об участниках революционного движения

в Ярославском крае.

Ярославль, 1963,
с.
35–40

В. И. Новоселов
. У РОЯЛЯ МИХАИЛ КЕДРОВ

М. С. Кедров приехал в Вологду за две недели до торжественного открытия здесь Пушкинского народного дома, которое состоялось 10 октября 1904 г. Народный дом назвали именем великого поэта потому, что подписка на его строительство началась в 1899 г., когда Россия праздновала 100-летие со дня рождения А. С. Пушкина.
Пушкинский народный дом, что стоял на Большом бульваре у пересечения улиц Дворянской и Пятницкой (сейчас здесь находится Вологодский ТЮЗ), был в те дни в центре внимания… Здесь и прошли первые музыкальные концерты административно-ссыльного Кедрова.
…Поздний вечер. Деревянные улочки окраин утопают во мраке, лишь кое-где они тускло освещены керосиновыми фонарями. Но центр города и Большой бульвар освещают электрические фонари. Яркий свет заливает вестибюль и концертный зал Пушкинского народного дома: в начале 1904 г. в Вологде вступила в строй первая электрическая станция.
В Народный дом идут с окраин рабочие главных железнодорожных мастерских, ремесленники, приказчики. Занавес еще не поднят. У рояля высокий, смуглый молодой человек с открытым и умным лицом, черно-смоляной шевелюрой и аккуратной бородкой. На нем ладно сидящая, но изрядно поношенная серая студенческая тужурка юридического ведомства. Это двадцатишестилетний политссыльный Михаил Кедров.
Сегодня у Михаила Сергеевича приподнятое настроение: наконец-то удалось перевестись из бессарабского городка Хотин в Вологду… Здесь второй год живут под гласным надзором полиции товарищи по ярославскому подполью — Мария Дидрикиль и Екатерина Новицкая. Несколько дней назад поменяла астраханскую прописку на вологодскую другая

соратница Кедрова по революционной борьбе в Ярославле — Ольга Афанасьевна Варенцова.
Хорошее настроение в эти дни и у жены Михаила Сергеевича Ольги, она не только вернулась в родную Вологду, но и встретила здесь свою сестру Марию.
К организации в Вологде бенефисов для пополнения партийной кассы большевиков имели прямое отношение сестры-вологжанки Дидрикиль. Об этом говорит их переписка.
В одном из писем из Ярославля в Вологду осенью 1904 г. Нина Дидрикиль договаривалась с сестрой Марией о проведении «благотворительного» концерта певца из Ярославля. Причем местом концерта прямо назывался Пушкинский народный дом. В другом письме Нина сообщала: «Если надумаете устраивать концерты впредь, обращайтесь к некоему Потайсову (если не перепутала фамилию), студенту здешнего лицея, управителю малороссийского студенческого хора. Переговоры вел он и с радостью исполнит всякие просьбы в этом роде…»
Сейчас мы знаем, что речь шла о Николае Ильиче Подвойском, который учился тогда в Демидовском юридическом лицее (ныне Ярославский государственный университет), имел бас и руководил студенческим хором. Подпольная кличка большевика Подвойского в то время была Гулак (в честь украинского певца и композитора Гулак-Артемовского). Возможно, Нина Дидрикиль из конспиративных соображений исказила в письме фамилию своего будущего мужа Николая Подвойского. Семья Подвойских образовалась в 1906 г.
Однако вернемся к концерту Кедрова в Вологодском народном доме.
Дом-то, конечно, именовался народным. Но Михаил Кедров знает, что первые ряды в зрительном зале сверкают погонами офицеров, золотым шитьем вицмундиров чиновников, бриллиантами и мехами их дам.
Вот под окном в полоске электрического света мелькнул элегантный экипаж на бесшумных «дутиках». Это — тройка застоявшихся рысаков с ветерком подбросила к белоснежным колоннам портала Пушкинского народного дома его превосходительство губернатора Ладыженского с супругой и дочерьми. Господин губернатор играет в либерала, и довольно тонко. Об этом мы знаем сегодня из воспоминаний А. В. Луначарского. Сейчас губернатор с семьей сядет в первый ряд, и поднимется занавес. А во втором ряду сидит запойный офицер — жандарм могучего телосложения, что допрашивал гласноподнадзорного Кедрова несколько дней назад.
Вот он склонился к очаровательной спутнице и доверительно шепчет ей секреты бенефицианта: «Сын богача, потомственный дворянин, дважды исключен из императорских университетов, был в побеге, стал изгоем. Сейчас мы разберемся, какой он музыкант, этот мазурик». Жандарм не знает, что было предварительное прослушивание концерта, что впечатление об игре осталось единодушным и не случайно на концерт пожаловал сам губернатор. Но не для этих людей зазвучит сейчас музыка. Михаил Кедров будет играть для миловидных, скромно одетых женщин с гладкими прическами — для Ольги Варенцовой, Марии Дидрикиль и Екатерины Новицкой. Он будет играть для простых вологжан, что пришли в свой Народный дом. А самое главное — для тех, кого нет в этом зале. Ведь только в Вологде сегодня около сотни ссыльных товарищей. Они остро нуждаются в материальной помощи.
Едва ли предполагают эти господа, сидящие в уютных креслах перед занавесом темно-вишневого бархата, что через год, осенью 1905 г., этот зал станет местом бурных политических митингов. Исчезнут аксельбанты и вицмундиры, бриллианты и дорогие меха. А те, кто сегодня сидят в последних рядах, заполнят весь зал. Именно здесь, в этом зале, молодой железнодорожник Владимир Панов в декабре 1905 г. предложит собравшимся выпустить пар из паровозов, приготовленных на станции Вологда для перевозки воинских эшелонов, предназначенных для подавления народной революции. И предложение Панова будет немедленно принято. В Народном доме будет проводить совещание и хранить оружие боевая дружина большевиков. А 1 мая 1906 г. «дом крамолы» загорится, подожженный черносотенцами.
…Однако господин губернатор с семьей уже заняли свои места. Пора начинать бенефис. Вот медленно поднимается занавес. В зале выжидательная тишина. Молодой человек в студенческой тужурке сдержанно поклонился и сел у рояля. Пальцы пианиста приблизились к клавишам. Через секунду зал заполняет этюд Фридерика Шопена…

Семья Кедровых находилась в вологодской ссылке менее трех месяцев. Следует отметить, что политссыльный М. С. Кедров был здесь под гласным надзором полиции, а жена его Ольга — под особым.
В конце 1904 г. М. С. Кедров с женой и сыном Бонифатием переехали из Вологды в Ярославль. После долгой волокиты была удовлетворена просьба М. С. Кедрова о предоставлении ему возможности продолжить учебу в Демидовском юридическом лицее.
В начале 1905 г. Кедров устраивает в Ярославле «концерты в пользу партии»… Затем концертно-финансовая деятельность Кедрова отошла на второй план. Партия использовала его в качестве боевика в Москве, в Костроме. На его счету были подкоп под Таганскую тюрьму, снабжение оружием и обучение московских пролетарских дружин, экспроприация для них боеприпасов и взрывчатых веществ.
В начале 1906 г. организация большевиков Костромы была разгромлена. Тогда — под угрозой неизбежного ареста — М. С. Кедров перешел на нелегальное положение и уехал в Тверь. Здесь под именем пианиста Иванова Кедров опять устраивал концерты, вырученные деньги шли в большевистскую кассу…

Красный Север,

1984, 10 августа

В. Колмаков
. МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О 1905–1907 ГОДАХ В ВОЛОГДЕ

…В начале апреля 1905 г. я приехал в Вологду из Ярославля, где работал в качестве пропагандиста, на пасхальные каникулы. Вместе со мной ехал А. В. Мальцев со своей семьей из Новой Александрии, где он учился. В вагоне, куда мы попали, очутились также жены некоторых политических ссыльных, ехавшие к мужьям.
Приехав в Вологду, мы узнали, что здесь готовится еврейский погром… Ссыльные и местная учащаяся революционная молодежь… спешно готовились дать отпор реакционным элементам города… Было добыто оружие. Вооружением руководила местная социал-демократическая организация (большевиков)…
Весь город был поделен на участки и районы: последних, насколько припоминаю, было шесть. В каждом районе был свой начальник и руководитель. На его обязанности лежала организационная часть. Вооруженные группы — двое с револьверами, третий с винчестером — дефилировали по улицам города… Был на каждый день условленный пароль, чтобы узнавать своих, а также условный знак на рукаве или груди, менявшийся ежедневно. В случае какого-либо инцидента или погрома группы данного района должны были соединиться и идти на выручку… В случае крайней необходимости допускалась возможность пустить в ход оружие.

…В августе 1905 г. я снова был в Ярославле. Из Москвы приехал для закупки оружия для дружинников… тов. М. Кедров
[14]
. Он находит очень мало оружия в Ярославле, и потому возникает вопрос о закупке его в Вологде. После переговоров со мною, как знакомым с Вологдой и ее революционными деятелями, мне предложили ехать туда для закупки оружия.

Револьверы и патроны, а частью и винчестеры мы совместно со студентом Александром Александровичем Маториным купили в магазине Пинуса, постепенно перетащили их на

квартиру Маторина, на Никольскую улицу, а затем, запаковав в плетеные корзины, отвезли на вокзал под видом домашних вещей.
На вокзале произошел маленький казус. Я отправлял на предъявителя домашние вещи в Петербург, а Маторин — в Москву, как было условлено с Кедровым.
Железнодорожные жандармы зорко уже в то время следили за отправкой багажа, и наш груз привлек их внимание: захотели проверить. Но на выручку явился наш знакомый, бывший реалист Калагастов, служивший в багажной конторе и приходившийся племянником или внуком жандарму Калагастову. Он выразил желание помочь жандармам и стал осматривать наши «вещи». А тем временем кто-то еще привез багаж, и жандармы переключились на него и стали копаться в вещах. У нас сверху в корзины были положены домашние вещи, и жандармы, увидев, что Калагастовым корзины уже просмотрены, успокоились.
Я же все время… беспокоился: как дойдут эти «домашние вещи» до адресата. Наконец дней через 10 товарищ Я. В. Принцев получил от М. С. Кедрова успокоительное письмо, что как в Москве, так и в Петербурге «домашние вещи» получены благополучно…

Сборник статей

о революционном движении

1905–1907 гг.

в Вологодской губернии.

Вологда, 1925, с. 122–125

А. М. Стопани

. ИЗ КОСТРОМСКИХ ВОСПОМИНАНИИ

Вернулся в «родные леса» перед «октябрьскими днями» 1905 г. Период от октября 1905 г. до осени 1906 г. можно считать организационно-собирательным.
Возможности: довольно сильная боевая дружина. Ее командир — М. С. Кедров, а идейный руководитель — Лаврентий Гастев… Типография, своя легальная газета, свой легальный книжный склад и магазин Совета рабочих депутатов… Наше издание «Северный рабочий» шло не только по всей губернии, но и в соседние (Ярославль, Ив. — Вознесенск, Вологду, даже Архангельск).

Пролетарская революция,

1925, № 9, с. 196–197

В. Л. Миловидов
. ОРГАНИЗАТОР БОЕВОЙ ДРУЖИНЫ

Партийный архив Костромского обкома КПСС хранит протоколы заседаний губернской комиссии по проведению празднования 20-й годовщины первой русской революции. Листаем их… «Просить центральное бюро Общества старых большевиков пригласить в Кострому на торжественное заседание 21–22 января 1926 года, посвященное событиям 1905 года, А. М. Стопани, Н. И. Подвойского, М. С. Кедрова…»
Именно Михаила Сергеевича Кедрова, видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства, неоднократно выполнявшего ответственные поручения В. И. Ленина. Что связывало М. С. Кедрова с Костромой?
Шло лето 1905 г. В стране бурно нарастал подъем революции. Чувствовался он и в Костромской губернии, являвшейся тогда одной из промышленных в России. Из 70 тыс. рабочих губернии бастовало в 1905 г. свыше 65 процентов. Более месяца продолжалась летом всеобщая стачка текстильщиков Костромы. Этой борьбой руководили большевики. Их организация настолько окрепла, что Костромская группа РСДРП, ранее входившая в состав Северного комитета, с конца июня 1905 г. была выделена в самостоятельный комитет.
Состоявшаяся в июне 1905 г. Костромская конференция групп РСДРП обсудила решения III съезда партии, признавшего одной из главных и неотложных задач партии организацию вооруженного восстания и поручившего местным партийным комитетам принять самые энергичные меры к формированию боевых сил пролетариата. Конференция решила при каждом партийном комитете организовать особую боевую группу из членов местной организации, представитель которой входил бы в партийный комитет. Боевая группа должна была приобретать оружие, создавать особые подгруппы для захвата арсеналов, типографий, банков, правительственных учреждений, для освобождения арестованных, изучать оружие, способы постройки баррикад, тактику партизанской борьбы и широко распространять эти знания среди рабочих.
И вот по заданию партии в октябре 1905 г. в Кострому приезжает М. С. Кедров. За его плечами уже опыт революционной работы в Ярославле, Нижнем Новгороде, Москве и других местах, а также вологодская ссылка…
В Кострому Михаил Сергеевич прибыл из Москвы. С весны 1905 г. он находился на семейной даче в Перловке под Москвой. Эта дача была убежищем и местом явки для прибывающих с разных концов России партийных работников. На даче большевики учились владеть оружием, изготовлять бомбы. Не случайно много лет спустя Михаил Сергеевич назвал дачу в Перловке школой стрельбы и лабораторией по изучению взрывчатых веществ. М. С. Кедров снабжал оружием московские пролетарские дружины. В это время он по заданию ЦК организовывал подкоп под Таганскую тюрьму для освобождения Н. Э. Баумана и других революционеров.
В Костроме М. С. Кедров поселился на Никольской улице, в доме Кравченко. Работавшие в губернском земстве большевики помогли Михаилу Сергеевичу поступить на временную службу в лесной статистический отдел. Но эта работа не столько давала средства к жизни (хотя у М. С. Кедрова уже была семья), сколько являлась хорошим прикрытием его нелегальной революционной деятельности. Михаил Сергеевич стал одним из руководителей Костромской партийной организации. Он член Костромского комитета РСДРП и организатор боевой дружины…

Создание боевых дружин при местных комитетах партии стало неотложной задачей. В. И. Ленин писал в октябре 1905 г. в Боевой комитет при Петербургском комитете РСДРП: «Основывайте
тотчас
боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и
у рабочих особенно,

и т. д. и т. д. Пусть тотчас же организуются отряды от 3-х до 10, до 30 и т. д. человек. Пусть тотчас же вооружаются они сами, кто как может…»
[15]

Костромской комитет был особенно озабочен приобретением оружия для дружинников. Об этом, в частности, свидетельствуют его расходы. Если весной 1905 г. в кассовом отчете Костромской группы не было статьи расхода на оружие, то в июле она появляется, а осенью, особенно в октябре 1905 г., становится самой большой по сравнению с другими статьями расхода комитета.

Активная работа костромских большевиков под руководством М. С. Кедрова по созданию дружины не могла остаться не замеченной жандармами. И действительно, начальник Костромского губернского жандармского управления сообщал в департамент полиции: «По имеющимся сведениям, местный комитет Российской социал-демократической рабочей партии летом настоящего года (1905 г. — Авт.)
неоднократно пытался организовать боевую дружину»
[16]
.

Создание боевой дружины в Костроме было ускорено событиями 19 октября 1905 г. В этот день митинг, созванный большевиками на центральной площади города для разоблачения царского манифеста, был разогнан черносотенцами.
Позже Михаил Сергеевич вспоминал об этом дне: «Черносотенно настроенная толпа, вооружившись ножами, кольями, чем попало, врезалась в собравшиеся массы. Свалка, давка, паника. Все, кто мог, разбегались по улицам… Я оказался в хвосте колонны, которая бежала по улице, ведущей в фабричный район… Мы были вооружены и решили прикрывать „отступавших“. Вслед за нами гналась многочисленная толпа. Раздавались отдельные выстрелы, летели увесистые булыжники».
Костромской комитет принял энергичные меры по защите рабочих от черносотенцев. Он организовал специальное бюро по формированию боевой дружины, которое возглавил М. С. Кедров. Он и другие большевики провели в губернской земской управе собрание служащих, учащихся, рабочих, поддержавшее предложение комитета о создании дружины. М. С. Кедров организовал среди присутствовавших сбор денег на вооружение пролетариата.
В эти дни Михаил Сергеевич активно выявлял возникшие на фабриках и в учебных заведениях боевые группы и проделал громаднейшую работу по сведению их в единую боевую организацию. Благодаря смелым и решительным действиям М. С. Кедрова, К. Волкова (Николая Ивановича), Н. П. Лапшина и других большевиков дружина была создана в течение 19–21 октября 1905 г. «В желающих поступить в дружину недостатка не было», — писал в своих воспоминаниях ее активный участник В. П. Горицкий. Сказалась большая работа, проведенная ранее большевиками в массах.
Первое выступление дружины, прибывшей для охраны митинга, произошло 22 октября 1905 г. В самый разгар митинга появились казаки и стали разгонять собравшихся. Во время завязавшейся перестрелки дружинников с казаками был убит их сотник. «Первый дебют дружины», — назвал это событие участвовавший в нем М. С. Кедров. Хотя дружинники и вынуждены были отступить, но их сопротивление показало, что в дальнейшем казаки и полиция не могут безнаказанно устраивать расправу над рабочими.
После 22 октября происходит быстрый рост дружины. По свидетельству М. С. Кедрова, в ноябре 1905 г. в ней насчитывалось уже около 300 человек. Боевая дружина состояла из двух основных отрядов — рабочего и городского, сформированного преимущественно из интеллигенции. Отряды делились на десятки, начальники которых входили в боевой комитет, возникший позже из бюро по формированию дружины. При боевой дружине действовал также отряд сестер милосердия, организованный М. М. Стопани, работавшей в земской больнице фельдшером. В этот отряд входила и жена Михаила Сергеевича — Ольга Августовна Кедрова… член партии с 1902 г. Отряд сестер милосердия был создан для

ухода за ранеными дружинниками и участниками революционных выступлений. Сестры милосердия прошли специальную практическую подготовку.
С ростом дружины остро встал вопрос о ее вооружении, но для этого требовались средства. За несколько дней Михаилу Сергеевичу удалось собрать среди земских служащих, боявшихся черносотенных погромов, 1000 рублей на приобретение оружия.
На собранные деньги Костромской комитет партии поручил М. С. Кедрову закупить оружие в Москве. Михаил Сергеевич с честью выполнил это ответственное партийное задание…
М. С. Кедров организовал также производство холодного оружия и бомб в Костроме. В мастерской одной из фабрик изготовляли железные костыли, весившие по пять фунтов, конец расплющивали наподобие копья. На одном из заводов Костромы рабочие отлили даже небольшую пушку. В мастерской делали и чугунные бомбы. Для производства взрывчатого вещества М. С. Кедров достал и изучил «Химию» Д. И. Менделеева, «Подрывное дело», «Взрывчатые вещества» и другие книги.
В своих воспоминаниях Михаил Сергеевич подробно описал процесс изготовления самодельных бомб. Водопроводные трубы разрезались на небольшие части, на оба конца навинчивались крышки, а внутрь вставлялась стеклянная трубочка с серной кислотой. Весь цилиндр заполнялся бертолетовой солью. При его бросании трубочка разбивалась, происходила реакция серной кислоты с бертолетовой солью, раздавался оглушительный взрыв, и металлическая оболочка бомбы разлеталась на куски. Испытание таких бомб не раз устраивали в лесу, за городом. Но изготовление самодельных бомб было небезопасным для жизни занятием. Об одном из таких случаев вспоминал позже М. С. Кедров. Преждевременный взрыв при изготовлении бомбы ранил дружинника Павла Лебедева, которого пришлось даже поместить в больницу. Взрыв повредил и его квартиру на Загородной улице. Встревоженная взрывом полиция, прибывшая на квартиру П. Лебедева, обнаружила не только революционные листовки, но и оружие, и даже две чугунные самодельные бомбы. В тот же день вечером дружинники похитили П. Лебедева из больницы и уберегли его от неминуемого ареста.
Большое внимание Михаил Сергеевич уделял обучению дружинников военному делу. Большинство из них не умели обращаться с оружием, а некоторые небрежно к нему относились. У дружины был свой клуб, в котором продлись занятия по военному делу и другая работа. Дружинники несли охрану в городе, чаще всего в ночное время, защищали митинги и демонстрации от налета казаков, черносотенцев и полиции…
Костромской комитет РСДРП и Совет рабочих депутатов, готовя массы в восстанию, большие надежды в его проведении возлагали на боевую дружину. Ответственный секретарь комитета А. М. Стопани и другие руководящие работники признавали позднее, что дружина была сильная, неплохо вооруженная и организованная, а «во главе стояли такие надежные товарищи, как М. С. Кедров, К. Волков (Николай Иванович), Н. П. Лапшин и др.».
После поражения Московского восстания дружина переходит на нелегальное положение. В Костроме, как и в других городах, усиливаются репрессии.
Над М. С. Кедровым и другими руководителями партийной организации и дружины нависла серьезная опасность. Положение осложнялось еще тем, что в квартире Михаила Сергеевича жила сестра жены, участница революционных событий в Ярославле и Москве — Нина Августовна Дидрикиль, работавшая в костромской нелегальной партийной типографии. В связи с черносотенным погромом партийный комитет решил надежнее укрыть свою типографию. Под покровом темной осенней ночи Михаил Сергеевич с помощью Нины Августовны перенес типографское оборудование в свою квартиру.
В квартире М.С.Кедрова жил и Н. И. Подвойский. Их связывала давняя дружба, совместная боевая работа в Ярославской партийной организации. Н. И. Подвойский, зверски избитый в Ярославле черносотенцами и полицейскими в октябрьские дни 1905 г., по решению Ярославского комитета РСДРП был нелегально переправлен в Кострому, к М. С. Кедрову. И вот в один из дней января 1906 г. на квартиру М. С. Кедрова нагрянули жандармы, имея предписание не только Костромского, но и Московского губернских жандармских управлений произвести обыск и арестовать Михаила Сергеевича. Властям стала известна его революционная деятельность в Москве и Костроме. Только по счастливой случайности

его не оказалось дома. Жандармы обнаружили на квартире Михаила Сергеевича Н. И. Подвойского и задержали его.
М. С. Кедров покидает Кострому… Но оставалась созданная М. С. Кедровым боевая дружина, которая и после его отъезда активно действовала и совершала смелые боевые операции…
Деятельность М. С. Кедрова в 1905 г., как одного из руководителей костромских большевиков и организаторов боевой дружины, — яркий этап в его жизни, жизни солдата революции, как скромно называл себя Михаил Сергеевич. Таким он и остался в благодарной памяти костромичей.

Их жизнь — борьба.

Очерки.

Ярославль, 1077, с. 61–67

Е. Х. Фраучи
. МОЙ ДЯДЯ МИША

Михаил Сергеевич Кедров был человеком интереснейшей биографии и трагической судьбы. Он происходил из старой дворянской семьи, род которой был записан в 6-й книге русского дворянства. Отец его, Сергей Александрович, содержал в Москве нотариальную контору, слыл традиционным хлебосолом и меценатом. Один из предков этой разветвленной семьи, высокопоставленный военный, влюбился в красавицу из цыганского хора и, невзирая на скандал в офицерском обществе и высшем свете, женился на ней, потеряв все воинские чины и привилегии. Как видим, вольнодумство в этой семье имело давние корни.
Прабабка-цыганка обладала большой музыкальностью и превосходным голосом. Эти качества вместе со своими жгуче-черными глазами и волосами цвета воронова крыла она передала своим потомкам.
Среди братьев и сестер Михаила Сергеевича мы встречаем скрипачей, пианистов, певиц, но по большей части все они были незавершенными музыкантами. Только любимый брат Михаила — Бонифатий Сергеевич был скрипачом-артистом.
Михаила Сергеевича с десятилетнего возраста отдали в гимназию.
Он продолжал заниматься и музыкой, начав эти занятия еще с раннего детства со своей матерью. Она хорошо играла на рояле.
В гимназии преподавание велось на немецком языке, и Михаил Сергеевич изучил его в совершенстве. А французскому — детей обучали дома, как это было принято в той среде.
После окончания гимназии Михаил Сергеевич в 1897 г. поступил в Московский университет. Он успешно занимался, но в 1899 г. был исключен за участие в студенческих «беспорядках» и выслан из Москвы в Ярославль. Там он поступает в Демидовский юридический лицей и знакомится с вихрастым подвижным как ртуть студентом — Николаем Ильичом Подвойским. Вскоре оба включаются в подпольную работу марксистского кружка А. М. Стопани. Встретив друг в друге полное взаимопонимание и общность идеалов, они и решают поселиться вместе на Власьевской улице. Их соседом оказался Александр Дидрикиль. Таким образом, возник «пансион трех холостяков».

После смерти родителей

[17]
М. С. Кедров оказался одним из наследников значительного состояния. Он получает свою долю наследства и целиком передает в партийную кассу кружка на дело революции.

…Не успели мы, ребята, утром попить молока с сыром, как увидели через раскрытое окно столовой идущую по дорожке парка Нину, и, что было особенно любопытно, — она шла не одна! Рядом с ней шагал высокий и очень черноволосый молодой человек с небольшой бородкой. Черные блестящие глаза и смуглое лицо делали его похожим на цыгана.
Мы высыпали на террасу и немедленно были замечены гостем.
— Это мои племянники, — сказала Нина. Ее спутник оживился.
— Бегите сюда, давайте познакомимся!
Мы как горох посыпались по лестнице, шлепая босыми ногами по ступеням, и очутились рядом с незнакомцем. А Нина называла наши имена. Черноволосого она нам представила как своего и дяди Сашиного товарища и предложила называть его «дядя Миша».
Это был М. С. Кедров.

Вместе с нами дяде Мише был представлен пес Валет и маленький лохматый Бобик, в густой шерсти которого постоянно гнездились блохи. Дядя Миша немедленно дал ему кличку Блохарь и принялся возиться с собаками, чем вызвал у нас неподдельный восторг и любовь. Мой брат Артур
[18]
с гордостью рассказывал о талантах Валета и всячески старался склонить симпатии дяди Миши в его сторону. А Михаил Сергеевич во время этой возни пришел в такой азарт, что встал на четвереньки и залаял на собак с таким неподражаемым искусством, что те поджали хвосты и пустились наутек. Впрочем, впоследствии они выказывали ему все признаки собачьей привязанности и верности.

А когда за нашим огромным столом на террасе собралась вся семья и Михаил Сергеевич с непревзойденным искусством и с соответствующей мимикой принялся рассказывать интересные истории, он покорил всех. Мы слушали его затаив дыхание, а папа потом говорил нам: «У этого молодого человека блестящий ум, но он большой фантазер!» А мама подумала: уж не жених ли это Нинин?
Вечером все пошли в белый зал. Михаил Сергеевич сел за рояль и долго играл. Мы не знали, что он исполнял. Позже мама сказала, что это были соната Бетховена и «Лесной царь» Шуберта.
Долго нас не могли загнать в постели в тот летний вечер. А утром со мной произошло одно забавное приключение.
После завтрака мы все влюбленными глазами и с затаенной надеждой смотрели на дядю Мишу, думая сейчас же отправиться вместе с ним на прогулку. Но Нина очень серьезно сказала нам, чтобы мы шли гулять одни, а с дядей Мишей ей нужно поговорить об очень важных делах.
Что это за важные дела? Вопрос был жгуче-любопытен. И вот, когда все дети побежали в парк, я незаметно проскользнула в детскую, зашла за занавеску, разделявшую комнату на две части, и быстро залезла под свою кровать. Нина и дядя Миша, усевшись за нашу парту у окна, принялись вполголоса что-то обсуждать. Беседа их мне показалась странной, и понять в ней какой-нибудь смысл мне оказалось недоступно. Я улавливала только отдельные непонятные слова: «провал», «Кресты», «в предварилке» — и знакомые имена: Мери, Леля, Саша.
Мне сделалось очень скучно, надоело лежать неподвижно на полу, и я стала понемножку шевелиться, старалась как-нибудь незаметно выбраться на свободу. Этот шорох был услышан собеседниками, голоса их за партой сразу смолкли.
— Что это? — спросил дядя Миша.
Нина поднялась и отправилась за занавеску. Конечно, она меня обнаружила и вытащила из-под кровати. Вероятно, у меня был очень смущенный и встрепанный вид, так как Михаил Сергеевич принялся хохотать.

— Она нас провела, — говорил он среди хохота.
А Нина озабоченно спросила:
— Что же мы теперь должны делать?
Дядя Миша, не переставая смеяться, отвечал:
— Да ничего, ровно ничего. Ну-ка, расскажи, о чем мы говорили? — обратился он ко мне.
Я упорно молчала, так как действительно ничего не могла рассказать…

> К 1900 г. сестры Дидрикиль: Мария (Мери), Ольга (Леля) и Нина уже приобщились к революционной работе. Они участвовали в марксистском кружке, организованном А. М. Стопани, и выполняли отдельные его поручения
> [19]
> . С наибольшей энергией и серьезностью к своим новым обязанностям отнеслась младшая из сестер — Нина (она была гимназисткой последнего класса)…

В комнатке сидели две сестры: Мери и Нина, углубившиеся в чтение. Только что вернулась из поездки в Петровское Леля. Она вошла оживленная, свежая от мороза и бросила у дверей чемоданчик. Нина отложила книгу, говоря полушутя-полусерьезно:
— Наконец-то! Михаил Сергеевич справляется о тебе каждый день. Как же так ты уехала, ничего ему не сказав?
— А ну его! — ответила небрежно Ольга. — Он такой неистовый!
— Он любит тебя, — поправила Нина. — Когда же ваша свадьба?
— Ах, Нина, мне что-то не хочется выходить замуж. Иди лучше ты за него.
Нина вспыхнула и вскочила:
— Но хочешь — не иди, а я-то тут при чем?..
Леля рассмеялась.
— Да, по-моему, ему все равно, что я, что ты.
— Какую чепуху ты говоришь, — обиделась Нина. — Ты его не уважаешь, если так думаешь. Он хороший человек и достоин не только уважения, а и чего-то большего (она не хотела произнести слова «любви»).
— Да я просто пошутила, — сказала Леля, слегка смутившись. — Весной поедем в Перловку, там и обвенчаемся. Да, кстати: и Сашина свадьба будет вместе с нашей.
Ранней весной 1903 г. на подмосковной станции Перловская состоялись две скромные свадьбы. На даче Кедровых, в которой давно никто не жил, тетя Мери приготовила свадебный обед.
Михаил Сергеевич был под надзором полиции и не имел права находиться в столичных городах. Вскоре после свадьбы Кедровых отправили в ссылку, в маленький бессарабский городишко Хотин.
Дядя Саша с женой вернулись в Ярославль.
В канун 1904 г. молодые Кедровы, возвращаясь из Хотина, заехали к нам в Ждани. Это были наши первые гости! Они поселились в пристроенной к дому бревенчатой комнате. Она была очень светлая и пахла свежей смолой. Одно окно захватывало балкон. Через него мы, дети, то и дело с балкона ныряли в комнату. Мы по-прежнему обожали дядю Мишу и всеми силами детских душ стремились быть к нему поближе.
Он, как и в первый свой приезд, в Юрино, был с нами ласков и казался нам необыкновенно интересным и забавным. В этот приезд он исключительно много играл на пианино, иногда без конца повторяя один и тот же пассаж, доводя исполнение до блеска. Как сейчас, помню его игру за упражнениями: вот он сидит, немного повернувшись в сторону. В правой руке у него газета, а левая с удивительной быстротой носится по клавиатуре, по 60 и более раз повторяя какой-нибудь сложнейший фрагмент из Бетховена, Шопена. Иногда это бывали обыкновенные гаммы и арпеджио, в исполнении которых он стремился достичь абсолютной точности ритма и чистоты звучания. Его упорство, его целеустремленность буквально нас поражали. Но вот легкий поворот на стуле — и у него уже в левой руке газета, а правая легко и стремительно выписывает какой-нибудь сложный музыкальный узор. При этом ведь он не смотрит на свои руки, он все время читает газету. Нам это казалось чудом. Эти ежедневные регулярные занятия продолжались с небольшими перерывами на завтрак и обед в течение всего месяца, пока Кедровы гостили у нас.

Пришло время их отъезда, и с грустью мы попрощались с дорогими гостями.
Не успели Кедровы приехать в Ярославль, как Михаила Сергеевича схватили и выслали в Вологду.
В конце 1904 г. Михаил Сергеевич был «по высочайшему повелению» освобожден из ссылки и возвратился в Ярославль, где вместе с Мери жила его жена Ольга Августовна и воспитывала маленького сына Бонифатия.
Но недолго наслаждался Михаил Сергеевич семейным очагом. Революция звала его. Он нелегально выезжает в Москву.
…В один из самых темных вечеров поздней осени в дверь нашего флигеля постучали. Саша-быструшка, наша домработница, пошла открыть дверь, и вместе с ней весь заляпанный грязью вошел дядя Миша с велосипедом в руках. Все оживились. Мама ахнула и всплеснула руками, папа долго тряс ему руку, его сразу окружили и засыпали вопросами: «Каким образом? И поездов таких нет! Почему не сообщили? Мы бы встретили».
— Саша, ставь самовар!
Дядя Миша смеясь рассказал, как он прорывался сквозь облаву. Все вокзалы были оцеплены, уехать поездом было невозможно. Вот и пришлось всю дорогу из Москвы шпарить на велосипеде.
Но не прожив и двух месяцев дома, он получает задание выехать в Кострому. Там вместе с А. М. Стопани возглавить Костромскую большевистскую организацию.
Главнейшей ее задачей было создание среди рабочих боевых дружин и оснащение их оружием. Михаил Сергеевич решает заняться местным производством оружия, которое по своим боевым качествам, конечно, не могло быть первоклассным. Поэтому, не переставая производить ею кустарным способом, Михаил Сергеевич осуществляет закупку боевого оружия…
Революция шла на убыль, начинались годы тяжелой реакции. Вот когда многим пригодились наши Ждани!
В один из прекрасных солнечных дней весны 1907 г. из Ярославля прикатила семья Кедровых с двумя мальчуганами.
Они поселились в пустующем летнем доме, на так называемой «даче». Сиреневая аллея вела к этому деревянному двухэтажному дому с крытым балконом на южную сторону. В первом этаже было пять комнат, во втором — всего две, и там каждое лето мы, фраучата, устраивали себе спальню. Здесь был упоительный свежий и прохладный воздух. Со стороны балкона была открытая лужайка, окруженная кустами сирени и акации. На ней устроили площадку для крокета. Михаил Сергеевич был страстным любителем этой игры.
Как-то за обедом зашел разговор о политических событиях. Мы с замиранием слушали, с какой убийственной иронией смертоносно разбивал наш дядя Миша высокопарные газетные статьи Милюкова и Родзянко, превращая их в пыль. Папа лукаво улыбался и говорил:
— Россию, эту старую колоду, не так легко сдвинуть, царизм врос в нее глубокими корнями. Вы, милейший человек, фантазер.
— Но эта колода уже сгнила, — парировал дядя Миша, — она скоро развалится.
— Вот тогда и «будем посмотреть», — шутя отвечал папа.
И все дружно хохотали, а мы влюбленными глазами смотрели на дядю Мишу и ловили каждое его слово.

В скором времени из Петербурга прибыл совсем незнакомый нам человек с рыжеватой бородкой. Он привез два огромнейших и очень тяжелых чемодана, которые с трудом вытащили из тарантаса. Вся босоногая команда ребят бросилась провожать нового гостя на летнюю дачу. Человек этот назвался Николаем Семеновичем Ангарским. Впоследствии мы узнали, что настоящая его фамилия была Клестов
[20]
. Дядя Миша его встретил по-приятельски, очень радушно и не без удовольствия. С этих пор дядя Миша стал с ним часто уединяться, и хотя Ангарский был включен в одну из крокетных команд, но игрой с его приездом стали заниматься гораздо реже. Мы, словно спутники, потерявшие орбиту, блуждали вокруг да около уединявшихся

друзей. Иногда обрывки их разговора долетали до внимательных ребячьих ушей. Мы поняли, что речь шла об организации какого-то книжного издательства.

Ангарский был большой скептик, он постоянно сомневался, а дядя Миша, наоборот, был очень воодушевлен идеей организации издательства, которое под видом выпуска художественной литературы могло бы издавать и нелегальную марксистскую литературу. Они с Ангарским подолгу совещались на балконе, что-то прикидывали или подсчитывали, иногда с их губ слетали слова «Куприн», «Арцыбашев», а потом дядя Миша вскакивал со скамьи и заявлял: «Ну, довольно! Пойдемте играть в крокет». Ребята только и ждали этого сигнала. Ангарский неохотно поднимался, а мы их уже брали в кольцо, крик, гам: чур, я в команде дяди Миши! И я! И я! Мы все хотели быть только в его команде. Но дядя Миша нас сейчас же отрезвлял.
— Э-э! Нет, ребята, так нельзя. Против кого же мы будем сражаться? Против одного Николая Семеновича? Но один в поле не воин. Отдадим ему мальчиков. Атюк (Артур) отличный игрок, Рудя тоже молодец. А уж девочек я возьму в свою команду.
Мы с сестрой Ниной играли довольно слабо, от нас пользы было мало, так что дяде Мише приходилось одному сражаться с тремя игроками.
И здесь М. С. Кедров проявлял необыкновенный задор и юношеский азарт. Он играл экспансивно, красиво, вдохновенно и весело. Его шуточки веселили всех. Ангарский с его капризным характером часто вступал с ним в споры из-за какого-нибудь удара, а иногда среди игры бросал молоток и уходил с площадки. Дядя Миша в шутку иногда называл ею «кисейной барышней». Щелчки шаров и удары молотков слышались по всему парку. Чуть-чуть приседая и низко держа ручку молотка, дядя Миша быстро вскидывал глаза — на шар, на ворота, еще на шар, еще на ворота, а потом точный удар — и шар пролетает двое ворот и мышеловку! За десять ударов он проходил все ворота — туда и обратно.
В течение лета М. С. Кедров вместе с Ангарским дважды выезжал в Петербург по делам будущего издательства. Необходимые связи были установлены, помещение подыскано.
Помню, как Михаил Сергеевич вынашивал идею дать концерт в Боровичах. Позже мне стало известно — делалось это для пополнения партийной кассы.
Концерт этот, составленный из прекрасных классических произведений, действительно состоялся в зале Дворянского собрания города, но невежественная публика, мало понимавшая настоящую музыку, не пошла на этот концерт. Кроме нескольких человек — любителей и жданских обитателей, в зале никого не было. Несмотря на это, вся программа была добросовестно сыграна, Крейцерова соната была исполнена с блеском.
Лето стояло жаркое, мы уходили спать в светелку летней дачи, где жили Кедровы и многие гости. Лежа на свежем сене и жуя зеленые яблока, заранее сунутые под подушку, мы, три сестры, прислушивались к музыке, доносящейся снизу. Занолли, жена Бонифатия Сергеевича, и дядя Миша музицировали. Потом раздавались звуки скрипки: это солировал Бонифатий Сергеевич. Незаметно мы засыпали, а утром веселая тетя Леля поднималась в нашу светелку и стаскивала с нас одеяла. Мы вскакивали, слегка перепуганные, а тетя Леля говорила: Вера — сонная! Нина — печальная! Женя — сердитая! Идите скорее вниз. Ваш дядя Миша собирается организовать экскурсию в лес! Сна как не бывало!
Брали самовар, корзины с продуктами и корзины для грибов. Все грузились в лодку, и Артур вместе с Иваном Ильичом Подвойским (братом Николая Ильича) переправляли компанию через быструю, бурливую Мету в лес.
И хоть грибов там было немного, все мы были необыкновенно счастливы. Самовар весело дымил шишками, молодежь разбредалась. Дядя Миша скрупулезно рылся в земле, извлекая еще не вылезшие на свет грибы. Тетя Мери и мама варили в самоваре яйца и готовили бутерброды…
Михаил Сергеевич Кедров находился в зените своих духовных и физических сил. Ему исполнилось 30 лет, и он был полон энергии. В его черных как смоль блестящих волосах не сквозил ни один седой волосок, а черные глаза всегда были непроницаемо загадочны.
Отдыхая в Жданях, он то и дело связывался с Ангарским, который должен был закончить в Петербурге дела по издательству: Михаил Сергеевич поручил ему вести переговоры с авторами.

В июле он уехал, но недели через две, уже в августе, опять приехал, чтобы забрать свою семью.
Там уже издательство «Зерно», как назвал его дядя Миша, развернуло работу полностью, магазин был завален литературой. Ангарский бегал по типографиям, принимал литераторов, заключал договоры, был правой рукой Михаила Сергеевича.
Дядя Миша опять оказался у нас. Он сидит, ссутулясь над столом, и пишет удивительные закорючки. Мы, ребята, не сводили глаз с его пера. А дядя Миша изучал стенографию. Он просил нас диктовать ему что угодно и как можно быстрее. Рука его как будто бы неторопливо скользила по бумаге, но все наши фразы мгновенно были записаны. Мы, конечно, не очень верили, что все нами произнесенное так и записано. А как проверить? Ведь прочесть ничего нельзя. Впоследствии он начал знакомить со стенографическими знаками и Артура. А в тот день, упражняясь, он нас поддразнивал и весело смеялся.
Тетя Леля гладила белье. Вдруг она сказала:
— Михаил, посмотри, в каком виде твои рубашки, просто можно в «крючки» играть.
Она нарочно зацепила пальцем за дырку, послышался треск.
Дядя Миша вскочил.
— Ея, что ты делаешь?
Она расхохоталась.
— Тебе надо шить новые рубашки, раскошеливайся. В старых ходить уже невозможно.
— Что ты, Ея! Их немножко бы зачинить, и прекрасные рубашки будут. Особенно эта, которую мне еще Нина вышила.
— Нет, нет, давай деньги, я поеду в Боровичи и куплю материал.
Уже сдаваясь, дядя Миша ультимативно заявил.
— Только не дороже чем по семь копеек аршин.
Тут тетя Леля покатилась со смеху и, глядя на меня, воскликнула:
— Женя, ты слышала? Материал по семь копеек! Ха-ха-ха!
Но дядя Миша уткнулся уже опять в тетрадь.
Мы с грустью проводили их через несколько дней на вокзал…
В мае 1908 г. в Ждани приехала поправившаяся после родильной горячки Ольга Августовна Кедрова с двухмесячным третьим сыном Игорем.
Создалось такое положение, что после ареста мужей и разгрома «Зерна» и Нина и Ольга со своими детьми не были устроены на предстоящую зиму. Дядя Саша взял на себя инициативу. Он понимал, что оставить на зиму всех на попечении моего отца, уже пожилого и больного человека, нельзя. Было решено временно подыскать подходящий в аренду дом и перевезти туда до возвращения Кедрова и Подвойского их жен с детьми и тетю Мери. Дядя Саша нашел живописное и запущенное имение Лунево в Тверской губернии на высоком берегу Волги…

> Михаил Сергеевич был не только музыкантом, но и блестящим полемистом. Он наголову разбил все наивные доводы учительницы. Вначале она злилась, выходила из себя и его ненавидела, потом она раздумывала и плакала. Потом у нее появился интерес к Михаилу Сергеевичу и ко всему тому, что он говорил ей. Наконец она почувствовала себя им покоренной и осознала свою отсталость. Для нее началась новая эра познания мира. Через призму доводов Михаила Сергеевича ее собственное рутинное мировоззрение начало преломляться, и в конце концов и монархизм и религия были отвергнуты. Не знаю, много ли найдется агитаторов, которые смогли бы в такой короткий срок переформировать ум, психику человека и вложить совершенно новое содержание в его жизнь. А с Евгенией Александровной Дидрикиль
> [21]
> именно так и произошло. Злые языки говорили, что попросту Евгения Александровна влюбилась в Кедрова. Но если бы даже это и было так — результат оставался бы положительным: из отсталой рутинерки с монархическими идеалами он сумел выковать передового человека и будущего члена партии, посвятившего всю свою жизнь идеям Ленина.

Помню, как она грустила при мысли, что Михаил Сергеевич находится в заточении. С необыкновенной лаской и любовью относилась она к его детям. Письма дяди Миши были всегда полны каких-то удивительных рассказов. Они будили ребячью фантазию, и я помню, что всегда с воодушевлением принималась сочинять ему ответные письма. В одном письме он мне написал: «Ты умеешь хорошо рассказывать, начинай писать маленькие рассказы — о чем хочешь, — у тебя получится!»

После освобождения Михаил Сергеевич побывал у нас в Петровском, это было летом 1912 г. Как всегда, радушно и тепло встретили его мои родители. Михаил Сергеевич был очень задумчив в этот свой приезд и все вспоминал Ждани: «Здесь совсем не то». Дня через два он уехал, как оказалось — надолго. Моим родителям он сообщил о скором отъезде всей семьи в Швейцарию.

Он записал адрес родственников моего отца. Поделился своими планами: за границей решил заняться медициной. Хотел воспользоваться свободным временем.

Христиан Петрович одобрительно кивал головой и с необыкновенной лаской глядел на него. После отъезда Кедрова он сказал, ни к кому не обращаясь:

— Какой удивительный человек! Ведь он специально приехал, чтобы проститься с нами.

Осенью 1912 г. в большой и неуютной псковской квартире Эдуарда Августовича Дидрикиль было очень шумно…

Потеряв три года тому назад свою жену, Екатерину Васильевну, Эдуард Августович вел уединенную жизнь вдовца, работая инспектором сельского хозяйства и ведя большую научную работу в области почвоведения. Целыми вечерами он сидел за рукописями, читал гранки, правил корректуру, проводил опыты. Дома у него была и лаборатория.

В своей единственной дочери Елене он души не чаял, но она была еще слишком мала, чтобы ему помогать. Поэтому, когда приехала к нему я, он очень обрадовался и, зная мою грамотность, засадил за корректуру…

В один прекрасный день раздался звонок, и вся передняя заполнилась гостями. Дядя Миша! Тетя Леля! И — самое главное — три двоюродных брата, три черноглазых веселых мальчика! Все они вместе отправлялись в Швейцарию, им предстояло увидеть много интересного, незнакомого.

Весь дом ожил. Началась беготня, шум. Дядя Эдуард тепло и радушно принял свою сестру, племянников и зятя.

В гостиной стоял рояль, Михаил Сергеевич долго и увлеченно играл до самого вечера. Все мы его просили об этом.

Здесь, в Пскове, надо было выполнить последние формальности с документами, и когда все было готово, шумная семья распрощалась со всеми нами и укатила из Россия.

Семья Кедровых поселилась в Лозанне.

Подросшие мальчики начали ходить во французскую школу, а их отец, как и обещал, поступил в Лозаннский университет и занялся изучением медицины.

В каникулярное время Михаил Сергеевич старался познакомить своих сыновей с достопримечательностями страны и приучал их к туризму. Вся семья отправлялась пешком на знаменитые швейцарские озера, они осматривали по пути живописные курортные городки, старинные замки.

Находясь дома, Михаил Сергеевич по вечерам по-прежнему занимался музыкой. К Кедровым приехала тетя Мери с Женей.

Иногда послушать музыку заходил к Кедровым Владимир Ильич Ленин, который находился в это время в Лозанне. Однажды Женя встретилась с ним у Кедровых. Михаил Сергеевич представил ее Владимиру Ильичу, совершенно откровенно заявив при этом, что эта образованная девушка знает несколько языков, но, к сожалению, страшная рутинерка и сколько он ни бьется, никак не может вывести ее на дорогу к марксизму.

Владимир Ильич очень добродушно и весело расхохотался, пожимая руку смущенной тети Жени и внимательно разглядывая ее. Потом он сказал, что это не беда. Коли посеяны хорошие семена, то они все равно взойдут. И он попросил дядю Мишу сесть за инструмент и сыграть «что-нибудь из Бетховена».

Личность Владимира Ильича произвела на тетю Женю неизгладимое впечатление. Впоследствии она говорила, что эта встреча решила всю ее дальнейшую судьбу…

В 1916 г. — после окончания Лозаннского университета, с дипломом врача — Михаил Сергеевич решил вернуться на родину. Через линию фронта в Россию было попасть нельзя. И вот многочисленные русские, жившие в Швейцарии, получили возможность пробраться на родину морским кружным путем.
Путешествие было длительным и небезопасным, и наконец в мае 1916 г. пароход «Курск» пришвартовался в Архангельском порту. Кедровы переехали в Москву, где была цела их квартира, и Михаил Сергеевич начал устраиваться на работу по новой своей специальности. Врачи нужны всегда, а во время войны — особенно, но, как и предполагал дядя Миша, его диплом признать не захотели и предложили сдать снова экзамены. Осуществить это требование большого труда не составляло. Сдав экзамен в Харьковском университете, он получил русский документ, был взят на воинский учет и направлен начальником военного госпиталя в город Кашин Тверской губернии. Вскоре в Кашин переехала и вся его семья.
Революционные события разворачивались с потрясающей силой, армия бежала с фронта, трон шатался, и все с нетерпением ждали минуты, когда он рухнет.
Работая в 1916 г. в Воронеже, я вдруг под осень в яркий и теплый день получила от дяди Миши телеграмму, где он сообщал, что проездом в Азербайджан будет стоять в Воронеже такого-то числа несколько минут и просил выйти к поезду. Взглянув на часы, я поняла, что поезд уже подходит, и бросилась на вокзал. Дядя Миша в военной форме стоял у вагона и сейчас же увел меня в купе. Он все время шутил, звал меня ехать в этом же поезде в Азербайджан — там работа будет гораздо интереснее!
Минут десять мы поболтали, и поезд тронулся, я едва успела выскочить на перрон. Когда он возвратился из своей командировки — я не знаю, но после Февральской революции он уже был в Петербурге. Туда же приехал и вызванный им с Урала мой брат Артур.
Михаил Сергеевич Кедров постепенно и упорно выковывал из Артура Фраучи революционера и члена партии…

Публикуется впервые

В. Н. Пластинин

. БОЛЬШЕВИСТСКОЕ «ЗЕРНО»

В своих воспоминаниях Кедров ни слова не говорит о финансовой основе возникновения издательства «Зерно». А дело обстояло следующим образом. Михаил Сергеевич, приехав в Петербург, сообщил партийному центру о своем решении использовать полученное им наследство на нужды партии. Решение это возникло просто и естественно. Еще в студенческие годы он вносил деньги в партийную кассу, тратил большие суммы на приобретение оружия. Теперь же, в Петербурге, на деньги, унаследованные от отца, было организовано издательство.
И издательство и книжный склад разместились в доме 110, на Невском проспекте…
Дом имел ряд неоспоримых для конспирации удобств. Черный ход связывал контору и склад с разветвленной системой проходных дворов с выходом на разные улицы. Транспортировка литературы облегчалась близостью Николаевского (ныне Московского) вокзала.
Владение книжным складом было оформлено на имя одной из сестер-большевичек Дидрикиль — Марии Августовны. В работе издательства принимали участие также и ее сестры — Ольга Августовна и Нина Августовна…
На помощь Кедрову пришли опытные пропагандисты-профессионалы: ярославцы Н. И. Подвойский, Н. С. Ангарский (Клестов), С. С. Данилов, воронежцы М. С. Ольминский и Н. Н. Батурин, москвич Н. А. Рожков.

Задача предстояла трудная. Надо было в условиях нарастающей разнузданной столыпинской реакции наладить легальное издание нелегальной литературы. Это требовало смелости, находчивости, а подчас и большой выдумки, хитрости. Первым пробным камнем, брошенным в царскую цензуру, был выпуск «Календаря для всех». Совершенно невинное, далекое от политики название. Но содержание!..

«Календарь» представлял собой, как и следовало ожидать, форменную нелегальщину. В первый же день представления его в цензуру он был запрещен к распространению и подлежал конфискации. Впрочем, явившейся для наложения ареста полиции удалось захватить всего несколько десятков экземпляров, предупредительно оставленных ей на съедение. Вся же масса «Календаря», 60 тыс. экземпляров, давно уже гуляла по фабрикам и заводам, по казармам и крейсерам.

При случае рассказывая об этом, Михаил Сергеевич невольно улыбался, вспоминая растерянные физиономии опростоволосившихся полицейских. Первая проба удалась! А главное — был установлен деловой контакт издательства с Владимиром Ильичем.

— Успех с «Календарем» утвердил нашу мечту приступить к изданию ленинских трудов, — говорил Михаил Сергеевич. — Ведь статьи Ленина можно было видеть только на страницах зарубежных «Искры», «Зари» и «Пролетария».

И вот наконец готовится выпуск первого в истории партийной печати трехтомного Собрания сочинений Владимира Ильича под названием «За 12 лет» (в противовес, как пояснял Михаил Сергеевич, незадолго перед тем вышедшему в свет сочинению Г. В. Плеханова «За 20 лет»).

В ноябре 1907 г. вышел 1-й том. Опыт у руководителей издательства в сбережении от конфискации изданной партийной литературы уже имелся. Как и в случае с «Календарем», почти весь тираж 1-го тома первого ленинского Собрания сочинений был перевезен на легальный склад и тем самым спасен.

В декабре 1907 г. на имя М. С. Кедрова было получено письмо от В. И. Ленина, находившегося в то время в Финляндии. Со свойственной ему авторской точностью и скрупулезностью Владимир Ильич выяснял сроки и возможности завершения работы над 2-м томом. Это письмо… приводим полностью:

«Уважаемый товарищ! Согласно нашему условию, материал для II тома должен быть сдан к 1/X, для III — к 10/X. Первый том задержался. 12 листов для II я сдал, дальнейшие 7 готовы и еще дальнейшие (около 5 или 7) могу сдать очень скоро. Но я хотел бы знать, нужен ли Вам действительно так быстро весь этот материал? приступите ли Вы тотчас к набору? сдали ли Вы уже в набор 12 листов II тома? задержится издание, если я позже представлю конец II тома? Если да, я могу представить конец II тома немедленно, если Вы этого хотите. Но у меня есть план: написать в заключение II тома большую работу о распределении земли в России (по новым данным, статистическим, 1905 г.) и о муниципализации (приняв во внимание IV том „Капитала“ или „Theorien über den Mehrwert“, вышла тоже в 1905 году). Я думаю, эта вещь представила бы большой интерес для публики и была очень своевременна. Материалы для работы почти все у меня уже подобраны и частью уже обработаны. Для окончания надо несколько недель; надеюсь, что смогу в несколько педель написать эту работу.

> Итак, сообщите мне: желаете ли Вы представления II тома немедленно без этой новой статьи — или предпочитаете, чтобы II том был представлен, примерно, через месяц — полтора с новой статьей»
> [22]
> .

Михаил Сергеевич, конечно, согласился на второй, более полный вариант. Вскоре Н. С. Ангарский (Клестов) по поручению руководителя издательства выехал в Финляндию, где встретился с Лениным. Рассказав Владимиру Ильичу об обстановке, в которой работает издательство, Ангарский получил от Владимира Ильича согласие на издание еще некоторых его работ. О том, какое значение В. И. Ленин придавал в то время легальным изданиям, можно судить по его письму к А. М. Горькому, написанному в начале 1908 г. Ильич писал:

«Легальные сборники, разумеется, должны быть; наши товарищи в Питере в поте лица трудятся над ними, и я трудился, после Лондона, сидя в Квакале (Куоккала. — Ред.).
Если можно, —
все
усилия надо приложить, чтобы их поддержать и сборники эти продолжить»
[23]
.

А продолжать становилось все труднее. В начале 1908 г. издательство выпустило сборник, посвященный 90-летию со дня рождения Карла Маркса. В этом сборнике была напечатана и статья Владимира Ильича «Марксизм и ревизионизм». В период между 11 и 18 января 1908 г. увидела свет 1-я часть 2-го тома Сочинений Владимира Ильича (Вл. Ильина) под заглавием: «Аграрный вопрос», часть 1. В том вошли X и XI главы книги «Аграрный вопрос» и «Критика Маркса». Тираж 1-й части 2-го тома был 3 тыс. экземпляров. Но тучи сгущались.
Чтобы оградить деятельность издательства от всяких случайностей, а также группу основных работников издательства от всякого рода полицейских «неожиданностей», принимался ряд предосторожностей. Об одной из них нельзя не рассказать. Еще до выхода ленинского тома «За 12 лет» руководство «Зерна» стало подыскивать фиктивного редактора-издателя на случай конфискации и привлечения к ответственности. Этому конспираторскому приему Михаил Сергеевич посвятил несколько строк в своих воспоминаниях…
Предчувствуя неминуемый арест, Михаил Сергеевич утроил свою энергию. Запрятав в более или менее надежные хранилища большие тиражи партийной литературы, он выехал в Москву на поиски книжного магазина, через который можно было бы организовать распространение некоторых изданий. А в это время в Петербурге полиция форсировала события. Тщательный обыск в книжном складе издательства принес давно ожидаемые ею результаты: более 16 тыс. экземпляров книг и брошюр явно революционного содержания. Возвратившись в Петербург, Михаил Сергеевич нашел II. И. Подвойского и передал ему для расплаты с авторами 1270 рублей. В последних числах апреля 1908 г. руководитель издательства «Зерно» был арестован.
Следствию удалось установить, что ряд грузов, отправленных в свое время Кедровым из Петербурга в разные города России, состоят исключительно из нелегальной политической литературы. На одно обвинение наслаивалось другое. Целый год, пока велось следствие, Михаил Сергеевич провел в стенах одиночной камеры в знаменитых «Крестах».

Интересный документ о деятельности издательства «Зерно» обнаружили в архиве ленинградские историки И. Лейберов и В. Муштуков. В октябре 1908 г. начальник Петербургского губернского жандармского управления вынужден был констатировать, что «книжный склад „Зерно“… являлся складом социал-демократической литературы, причем, имея тесную связь в лице служащих в складе с членами Центрального Комитета РСДРП, выполнял загородные заказы по транспортированию в провинциальные города и села партийной литературы»
[24]
. Суд, состоявшийся в 1910 г., приговорил Кедрова к заключению в крепости на два с половиной года.

Так организатор партийного издательства «Зерно» стал узником одного из тюремных казематов. Будучи человеком необычайной воли и высокой требовательности к себе, Михаил Сергеевич с первых же дней установил жесткий для себя, почти спартанский режим. Еще в детстве врачи обнаружили у него врожденный порок сердца и напророчили скорую смерть. Однако образ жизни без каких-либо излишеств, умение организовать свой рабочий день и постоянный, по возможности и обстоятельствам, контроль над собой, видимо, серьезно компенсировали сердечную недостаточность.

Кедров превратил свою камеру в тюремный университет. Друзья и товарищи снабжали его книгами, он получал газеты. Штудируя «Капитал» Маркса, для отдыха переключался на книги по медицине, изучению которой отдавал все больше и больше времени. Не только часов, но и минут не оставалось на праздные размышления. А в этом и заключался смысл организации тюремного бытия. Чтобы сохранить повседневную работоспособность, свести до минимума воздействие тюремного режима на здоровье, Михаил Сергеевич нашел радикальное противоядие в закаливании организма, в ряде постоянно повторяемых физических упражнений.

Помнится, где-то во второй половине 20-х годов Михаил Сергеевич пробыл несколько дней в Ленинграде. Потянуло его к знакомым тюремным камерам. В разговор у камеры в «Крестах», завязавшийся между ним и товарищами, его сопровождавшими, неожиданно вмешался стоявший неподалеку немолодой уже надзиратель. Извинившись, он спросил Михаила Сергеевича:

— Скажите, а не сидели ли вы у нас здесь при царе? Мне кажется, я вас помню.

— Да, сидел, — ответил Михаил Сергеевич. — А почему вы меня запомнили?

— Как же! Вы в любую погоду, зимой и летом, выходили на прогулку во двор босым. В камере много, очень много читали, да и руками размахивали.

Веселым смехом всех участников разговора закончилась эта необычная и никем не предусмотренная встреча.

Но вернемся к концу 1911 г. Узник отбыл полный срок заключения и вышел на волю. Соблюдая необходимые предосторожности, Михаил Сергеевич после отбытия… одиночного заключения тотчас же приступил к ликвидации громадных книжных запасов, и в первую очередь нелегальных. «За 12 лет» предложил Петербургскому комитету… Часть конфискованной литературы вынужден был продать на макулатуру, так как никто не решался принять ее на хранение. Большую часть революционной литературы удалось сложить на склад писчебумажной фабрики «Сокол», где она благополучно дождалась Февральской революции.

Примерно летом 1913 г., при первой личной встрече М. С. Кедрова с В. И. Лениным, собеседники заговорили о деятельности издательства «Зерно». Владимира Ильича интересовало многое: судьба издательства и последней его рукописи «Аграрная программа русской социал-демократии», с кем из товарищей Михаил Сергеевич встречался в тюрьме. Михаил Сергеевич рассказал Ильичу, что «разгром издательства произошел не без участия провокатора…». О рукописи Михаил Сергеевич мог сказать только то, что он держал ее в своих руках на допросе и что она была уничтожена в 1908 г. специальным определением Петербургской судебной палаты (к счастью, черновик рукописи сохранился у Владимира Ильича).

Итак, издательские дела были закончены. В конце 1912 г. Михаил Сергеевич, воспользовавшись несогласованностью действий полиции Москвы и Петербурга, вместе с семьей выехал в Швейцарию. В Россию он вернулся с поручением Ильича весной 1916 г.

Подъем, 1966, № 4, с. 140–144

М. М. Глазунов, Б. А. Митрофанов

. ПЕРВЫЙ ИЗДАТЕЛЬ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

…Издательство начало работу с выпуска брошюр на политические темы, составлявшихся из статей «Искры». Затем оно приступило к подготовке «Календаря для всех», в котором предполагалось публиковать и нелегальные материалы. Проспект издания «Календаря» был направлен В. И. Ленину с просьбой написать статью о конгрессе II Интернационала, состоявшемся в Штутгарте. Статья под названием «Международный социалистический конгресс в Штутгарте» от В. И. Ленина была получена и вместе с другими работами,

освещавшими заседания II Государственной думы (внешнеполитические вопросы, работу профессиональных союзов, стачечное движение, хронику революционной борьбы в России), опубликована в «Календаре», вышедшем в октябре 1907 г…

Выходу в свет «Календаря» и успешному его распространению, несмотря на нелегальный характер многих помещенных в нем материалов, способствовала продуманная в деталях организация издания. Кедров, предвидя запрещение «Календаря», договорился с владельцем типографии на выгодных для него условиях о том, что нужное количество экземпляров будет направлено в цензуру не сразу, а через несколько дней после отпечатки. Благодаря этому успели распространить почти весь тираж на заводах, фабриках и в воинских частях…

Первый удачный опыт… укрепил уверенность в возможности издания и распространения и большевистской литературы, и в первую очередь Собрания сочинений Владимира Ильича…

Получив согласие В. И. Ленина, издательство приступило к подготовке первого трехтомного собрания его сочинений под общим названием «За 12 лет».

В предисловии к 1-му тому В. И. Ленин писал: «Предлагаемый читателю сборник статей и брошюр охватывает период с 1895 по 1905 год. Темой соединяемых здесь вместе литературных произведений являются программные, тактические и организационные вопросы русской социал-демократии».

В 1-й том вошли работы В. И. Ленина «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и др. В ноябре 1907 г. 1-й том Сочинений вышел из печати, однако вскоре был конфискован полицией. Но значительную часть тиража, заблаговременно вывезенную из типографии, удалось спасти и распространить по нелегальным каналам.

«Чтобы обезопасить 2-й том Сочинений Владимира Ильича от конфискации, — вспоминал Кедров, — издательство „Зерно“ решило разбить его на две части. В 1-го часть 2-го тома включить все легальные статьи, во вторую часть — статьи из нелегальных изданий и написанные после 1905 года…»

В январе 1908 г. удалось выпустить в свет трехтысячным тиражом 1-ю часть 2-го тома Сочинений Владимира Ильича под заглавием «Аграрный вопрос»…

А в конце апреля 1908 г. на книжном складе издательства и в типографиях, а также у издателей произвели обыски. В одной из типографий полиция изъяла рукопись 2-й части книги В. И. Ленина «Аграрный вопрос» и несколько пачек напечатанных листов этой работы.

Но обнаруженная полицией литература была лишь небольшой частью того, что к этому времени уже попало к читателям. К тому же полиции не удалось найти все места ее хранения.

13 мая 1908 г. Петербургское жандармское управление возбудило уголовное дело «Об обнаружении в книжном складе „Зерно“ в доме за № 110 по Невскому проспекту нелегальной литературы»…

В условиях одиночного заключения Кедров находит возможности к налаживанию связей, к спасению оставшихся на тайных складах изданий.

Приговором Петербургской судебной палаты 26 октября 1910 г. он был осужден к двум с половиной годам заключения в крепости. Твердая воля, оптимизм, умение найти применение своим знаниям и силам в любых условиях помогли ему перенести тяготы заключения.

Социалистическая законность,

1978, № 4, С. 48–49

Р. И. Петрушанская
. СПОДВИЖНИКИ ЛЕНИНА — МУЗЫКАНТЫ

…Жизнь, полная приключений и романтики — романтики борьбы. Те, кому довелось слышать игру М. С. Кедрова, говорят, что пианист он был темпераментный, ярко выраженного романтического склада.
Итак, июль 1913 г. Берн, куда Владимир Ильич Ленин привез в одну из клиник заболевшую Надежду Константиновну. На концерте, устроенном кассой взаимопомощи русского студенчества, Ленин подошел к Кедрову, выступавшему в качестве пианиста, и сказал усмехаясь:
— А хорошо вы играете, я и не предполагал в вас таких талантов!
Уходя сказал:
— Как-нибудь зайду к вам, музыку послушать.
«Действительно, через несколько дней Ильич пришел, — вспоминал Кедров. — Настолько просто по-товарищески держал себя, что через какие-нибудь полчаса ребята мои уже обступили его со своими игрушками и делами…
В тот вечер мне пришлось много играть. Больше всего нравилась Ильичу музыка Бетховена. Его соната — Патетическая… и его увертюры „Кориолан“ и „Эгмонт“. Но комментарии к музыке, которые мною не совсем удачно делались, вызывали иронические замечания со стороны незабываемого слушателя: „Только без комментариев“. С большой охотой слушал Ильич также некоторые произведения Шуберта — Листа („Лесной царь“, „Приют“), прелюдии Шопена, но не нравилась ему чисто виртуозная музыка…
„Замечательно играет!“ — отзывался Ильич о моей игре…

> Думаю, не в моей игре, которая не заключала в себе ничего особенного, а в самом Владимире Ильиче и его настроении лежала разгадка… — вспоминал М. С. Кедров. — Несколько раз Владимир Ильич заходил к нам слушать музыку. В последний раз, вероятно в праздничный день, Ильич пришел с Корнблюмом. Он был в хорошем настроении и много острил. Просил сыграть те же сонаты и увертюры, которые я уже не раз ему играл. Сидел он на балкончике, откуда открывался чудеснейший вид на белоснежные вершины…»
> [25]

…Отшумел Октябрь. В один из первых месяцев после Октября пришлось М. С. Кедрову выступать в петроградском солдатском клубе, организованном большевиками. Что сказать людям, идущим, может быть, завтра на фронт? Кедров сел за рояль.
— Я хочу сыграть для вас «Лесного царя» Шуберта — Листа. Когда-то эту музыку любил слушать наш Ильич…
Жизнь оставляла мало времени для занятий музыкой. Работа в ВЧК, разъезды по стране, по фронтам.
…В сентябре 1918 г. Кедров, назначенный председателем Чрезвычайной комиссии по разгрузке товарных составов на московских станциях, еженедельно ходил отчитываться к В. И. Ленину. Однажды в конце беседы Ленин внезапно спросил:
— А вы продолжаете заниматься музыкой?
— Немного, да и то после часу ночи.
— Хотелось бы мне вас послушать, — сказал Владимир Ильич…
М. С. Кедров, С. И. Гусев, П. А. Красиков, Инесса Арманд. Друзья Ленина. Товарищи по борьбе, они делили с ним горький хлеб эмиграции, тяготы борьбы. Революция была их призванием, они творили ее, шли неустанно к ее победе через этапы, ссылки, изгнание. Им помогала музыка.
Удивительные это были люди! Обладатели разнообразнейших знаний, знатоки и пропагандисты марксизма, теоретики революции и одновременно се практики, отчаянные храбрецы. Люди беспредельной честности, высокой морали… Молодые, влюбленные в жизнь, они готовы были каждую минуту пожертвовать ее ради дола.

Они останутся в памяти нынешнего и грядущих поколений как вечно молодые рыцари революции.

Музыкальная жизнь,

1970, № 6, с. 1–2

Е. А. Волкова

. ВСЕ БОГАТСТВО ДУШИ — ЛЮДЯМ

Знают ли жители города Кашина, что в их небольшом и тихом городке жил и работал врачом военного госпиталя в 1916 г. революционер-большевик, борец революции Кедров Михаил Сергеевич?

Знакомство мое с Кедровым произошло зимой 1911 г. в Москве в семье Ж. Ю. Дидрикиль, племянница которой была замужем за ним. В один из вечеров у Жозефины Юрьевны собрались подруги ее дочери по курсам, пришли и Кедровы, Михаил Сергеевич и его жена Ольга Августовна с тремя детьми, из которых старшему было семь лет. Гостей собралось порядочно. Разговоры велись о работе на курсах, на политические темы. М. С. Кедров много играл на пианино, шутил, но на политические темы говорил мало и о текущих событиях высказывался сдержанно.

После ухода гостей Дидрикиль рассказала мне, что Михаил Сергеевич за революционную деятельность подвергся суду по статьям 129 и 102, сулившим каторжные работы, но был заключен в «Кресты», где отбыл одиночное заключение. Теперь освобожден, но находится под надзором царской охранки.

В начале 1914 г. от моей хорошей знакомой Евгении Александровны Дидрикиль я получила предложение поехать вместе с ней на летние каникулы в Швейцарию, в семью Кедровых. Я с радостью дала согласие, и мы стали готовиться к нашему заграничному путешествию. Поговаривали глухо о войне, но разговоры эти не остановили нашего намерения. В начале июня мы с заграничными паспортами и с билетами отправились из Риги в Берлин. Там мы пробыли сутки, осмотрели, что успели, а затем с билетами до Берна пересекли Южную Германию, проехали в Базель и очень скоро оказались в Берне, где были радушно встречены. После отдыха отправились на промышленную выставку, бегло осмотрели ее и поспешили на поезд в Лозанну, куда и приехали через два часа, ночью. Нас встретили Кедровы.

На другой же день мы начали знакомиться со Швейцарией. Начали с Женевского озера, к которому пришли всем обществом. В ближних прогулках с нами ходили и дети. Они уже знали много интересных мест, были неутомимы и своей смелостью при лазании по отвесным скалам часто — с непривычки — пугали нас. Но потом мы привыкли и больше не удерживали их.

Михаил Сергеевич занимался с детьми, двух старших сыновей готовил в русскую школу. Старший — Бонифатий — уже учился во французской школе, а в свободное время много играл на пианино, с увлечением исполнял Шопена, Шуберта и русскую классическую музыку.

Всей семьей мы ездили еще раз в Берн на выставку и на осмотр города, любовались Монбланом, были в Монтрэ, осмотрели Шильон, подземелье, где 7 лет томился Бонивар. Время шло быстро, и мы уже планировали возвращение в Россию другим маршрутом. И вдруг…

2 августа мы с Евгенией Александровной отправились на одну из лесных горных площадок, где было небольшое озеро с удивительного цвета бирюзовой водой. Экскурсия совершалась

пешком, было очень интересно. Примерно за километр от дома нас встретила чета Кедровых, лица их были тревожные. Они сообщили нам, что объявлена война… Сразу мы почувствовали себя отрезанными, отдаленными от родины. Померкла красота серебряных вершин Альп и голубых озер. Швейцария вдруг стала чужой, холодной.
«Ну что же, — утешали нас Кедровы, — будете жить с нами: мы ведь не поедем теперь, если бы и можно было: мы вернемся в обновленную Россию, а война должна ускорить это событие».
Было морально тяжело переживать первые вести с войны, известия о жертвах во Франции. Газет из России уже не поступало. Русские, застигнутые войной, толпились в консульстве: обсуждались возможные маршруты отправки домой. В конце августа было объявлено, что в Геную в ближайшие дни прибывает трансатлантический пароход «Курск», которому дано задание вывезти всех экскурсантов.
Путь от Генуи до Архангельска продолжался почти месяц. В конце сентября мы вернулись домой. Кедровы остались в Швейцарии. У меня с семьей Кедровых наладилась переписка, которая шла через Швецию, Францию и Швейцарию. Письма шли долго, но все же мы знали друг о друге. Кедровы писали, что в 1916 г. они собираются в Россию. Потом из-за почтовых затруднений переписка оборвалась.
Летом 1916 г. я проводила летний отпуск в Кашине. В июле (не помню числа), часов в одиннадцать, возвращаясь с почты, я совершенно неожиданно встретила М. С. Кедрова. Мы оба были так поражены встречей, что, посмотрев один на другого, разошлись, но Михаил Сергеевич обернулся и спросил: «Елена Андриановна, ведь это вы!» Я, конечно, не предполагала, что могу встретить в Кашине кого-либо из Кедровых. Он сказал, что утром приехал из Москвы, куда они благополучно возвратились из Швейцарии. В комитете Союза городов, ведавшем устройством военных госпиталей, ему предложили на выбор работу военврача в нескольких городах. Он выбрал Кашин, куда пожелала его жена. Сообщил, что приедет в Кашин, как только подыщет для них квартиру, в чем и просил помочь ему. Квартиру (в три комнаты) удалось найти в тот же день в доме Посулихина-Шаркова на улице, теперь носящей имя М. Горького.
Кашинский военный госпиталь во время первой мировой войны размещался в доме, где теперь находится районный исполнительный комитет. Оба этажа его были заполнены больными и ранеными солдатами. В Кашинский госпиталь направляли ревматиков, с хирургическими операциями, контуженых, нервнобольных. Медперсонал состоял из одного врача, фельдшера и сестер. Работы было много.
С первых же дней Михаил Сергеевич начал добиваться от городской думы, состоящей главным образом из кашинских купцов, мер к улучшению содержания и лечения больных. По его методу для ревматиков были устроены паровые камеры; для больных с хирургическими операциями созывались консультации с участием славного кашинского хирурга Твердовского Степана Ивановича. У Кедрова с ним сложились хорошие, дружеские отношения. Для больных Михаил Сергеевич завел настольные игры: шашки, домино, шахматы. Он умел найти время для игры в шашки и в шахматы с больными. Устраивались недальние прогулки: на берег Кашинки, на ближнее поле, в них обязательно участвовал сам Кедров. На привалах читал Чехова и других писателей. Ходил с больными в кино. В лазарете Михаил Сергеевич проводил весь день, а иногда и всю ночь.
Такое внимание и чуткое отношение со стороны врача к «нижним чинам», как называли тогда бойцов, не могло остаться не замеченным кашинскими жителями и «отцами города» — купцами и духовенством. Среди больных за Кедровым утвердилось определение «большевик», что и было верно.
Прошли лето и зима 1916 г. В начале 1917 г. Кедровы стали говорить об отъезде из Кашина. Первым распрощался со своими больными Михаил Сергеевич. Он уехал на Кавказский фронт для работы по борьбе с распространившейся среди войск тифозной эпидемией. Там он встретил Февральскую революцию.
С этого времени М. С. Кедров всецело отдался подготовке войск к выступлениям в дни Октября.
Чуткий и доступный, без тени зазнайства, всегда бодрый и оптимистически настроенный человек, внимательный и глубоко понимавший состояние и психологию больного врач;

неутомимый и высокообразованный, беззаветно преданный делу революции борец-революционер, М. С. Кедров всего себя отдавал делу служения людям, делу коммунизма.

Публикуется впервые

В НАРОДНОМ КОМИССАРИАТЕ ПО ВОЕННЫМ И МОРСКИМ ДЕЛАМ

Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться…

В. И. Ленин

М. А. Смирнов
. ВО ГЛАВЕ ДЕМОБА

В мае 1917 г. М. С. Кедров приехал в Петроград и направился прежде всего на квартиру к Ленину. Владимир Ильич встретил его радушно, интересовался положением на малоизвестном Кавказском фронте.

М. С. Кедров сразу включился в работу Военной организации партии, принял активное участие в открывшейся 16 июня Всероссийской конференции военных организаций большевиков. С докладами по текущему моменту и аграрному вопросу выступил В. И. Ленин. Конференция приняла резолюцию «Цели и задачи Военной организации» и избрала руководящий орган — Всероссийское бюро фронтовых и тыловых военных организаций при ЦК РСДРП («Военка»), председателем бюро избрали Н. И. Подвойского, а членами — В. И. Невского, К. А. Мехоношина, М. С. Кедрова и других.

Вместе с Подвойским Кедров организует издание органа Военной организации — газеты «Солдатская правда» и входит в состав редакции. После закрытия газеты Временным правительством организует издание газеты «Рабочий и солдат». 10 августа ее дальнейшее печатание было прекращено. Но уже 13 августа вышел первый помер газеты «Солдат». Одним из ее организаторов стал М. С. Кедров.

Эта газета оказалась счастливее «Рабочего и солдата» и дожила до Октября.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию Кедров встретил в Омске. В Сибирь он выехал в сентябре по заданию партии для установления связей с большевистскими организациями сибирских городов. Прикрытием этого задания была командировка для участия в размещении беженцев.

В Петроград он возвратился в середине ноября и через неделю, 23 ноября, постановлением Совнаркома за подписью В. И. Ленина М. С. Кедров был назначен товарищем (заместителем) народного комиссара по военным делам по отделу демобилизации старой армии (Демоб).

> Вопрос о демобилизации старой армии был одним из острейших. Старую армию В. И. Ленин назвал больной частью русского государственного организма. «Чем скорее мы ее демобилизуем, тем скорее она рассосется среди частей, еще не настолько больных, тем скорее страна сможет быть готовой для новых тяжелых испытаний»
> [26]
> . Задача состояла не только в том, чтобы провести демобилизацию старой армии, но и создать новую, советскую армию, способную защитить завоевания революции.

25 ноября в газете «Армия и Флот Рабочей и Крестьянской России» была опубликована за подписью «К.» статья Кедрова: «Проект образования особого ведомства по общей демобилизации армии и промышленности». В ней излагалась структура и функции отдела демобилизации и его фронтовых органов. Подчеркивалось, что эти функции «заключаются в проведении на местах выработанного центром общего плана (демобилизации)».

В газете появился специальный раздел: «Демобилизация армии». В нем была напечатана вторая статья М. С. Кедрова — «Военно-политическая сторона демобилизации армии». Охарактеризовав бесплодную деятельность учреждений Временного правительства по демобилизации армии, Михаил Сергеевич изложил несколько вариантов порядка проведения демобилизации. Особо подчеркивалась необходимость тщательной подготовки железнодорожных перевозок демобилизованных и грузов, повышения роли солдатских комитетов и т. д.

28 ноября в Петрограде под председательством М. С. Кедрова открылось совещание представителей от фронтов и флота по демобилизации армии. Совещание выделило из своего состава оргбюро по подготовке съезда по демобилизации.

Руководствуясь указанием Ленина, совещание приняло резолюцию, в которой подчеркивалась необходимость до начала общей демобилизации «приступить к увольнению возможно большего числа сроков (призыва)».

Всеармейский съезд по демобилизации армии открылся в декабре 1917 г. В его работе приняло участие 230 делегатов с решающим голосом (по одному из каждого дивизионного, армейского и флотского комитетов), в том числе 119 большевиков, и 42 делегата с совещательным голосом.

В передовой статье газеты «Армия и флот…», посвященной открытию съезда, говорилось: «Как полагают многие прибывшие делегаты, съезду надо решить в первую голову вопрос, кто должен остаться после общей демобилизации, чтобы нести необходимую государственную службу, пока не будет организована новая, народная армия. И только

решив вопрос, кто останется, съезд сможет приступить к решению вопроса о демобилизации».
Вопрос о создании новой армии стал необходим. М. С. Кедров предлагал образовать совершенно особого вида армию, типа «социалистической гвардии», из одних рабочих промышленных районов, без всякого участия крестьян…

> На своем первом заседании съезд создал комиссии (секции) по вопросам будущего устройства армии и по демобилизации. В дни работы съезда Совнарком заслушал доклад Н. В. Крыленко «О переходных формах устройства армии в период демобилизации». Затем вопрос обсуждался на коллегии Наркомвоена с участием комиссий по демобилизации. На заседании присутствовал В. И. Ленин. Выслущав нескольких делегатов с фронта, Владимир Ильич огласил составленную им анкету и попросил представителей армий ответить на поставленные им вопросы. Эта анкета, по воспоминаниям М. С. Кедрова, «состояла из нескольких десятков вопросов. Здесь были сконцентрированы все существенные признаки, определяющие боеспособность армии: численность, вооружение, связь, техника, боевые запасы, обмундирование, продовольствие, дисциплина. Помню, был также особый вопрос о состоянии конского состава… И субъективные моменты — настроение солдат, интересы… не были упущены»
> [27]
> .

Большинство делегатов высказалось «за какой угодно мир».
Судя по анкете, уже в эти дни В. И. Ленина занимали вопросы, связанные с созданием новой армии.
Уже во время работы съезда с одобрения В. И. Ленина было решено двинуть на фронт красногвардейские отряды и немедленно приступить к формированию 10 корпусов новой армии. Эти корпуса, формировавшиеся главным образом из рабочих Петрограда, Москвы, Промышленного центра (Московский военный округ), должны были укрепить фронт старой армии на период демобилизации и создания в тылу новой армии.

> Общеармейский съезд по демобилизации в своей резолюции выразил уверенность, что новая, социалистическая армия, необходимая для защиты революции, будет создана. В. И. Ленин, приветствуя решения съезда, в письме к «общеармейскому съезду по демобилизации армии» писал:
> «Дорогие товарищи!..
> Я горячо приветствую уверенность, что
> великая задача создания социалистической армии,
> в связи со всеми трудностями переживаемого момента, и несмотря на эти трудности,
> будет решена вами успешно»
> [28]
> .

Вскоре после окончания работы Всероссийского съезда был принят декрет Советского правительства о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии (15 января 1918 г.). Ее формирование шло одновременно с демобилизацией десятимиллионной старой армии. Решения съезда послужили мощным средством сплочения солдатских масс вокруг большевистской партии, руководством к действию для всех органов по демобилизации в центре и на местах. Вся огромная организаторская работа по подготовке и проведению демобилизации легла на плечи Демоба во главе с М. С. Кедровым. В этом огромном деле раскрылись его выдающиеся организаторские способности. В короткий срок был создан работоспособный аппарат. М. С. Кедров впоследствии вспоминал, что рядом с партийцами, солдатами-фронтовиками, рабочими работали инженеры, врачи, бывшие офицеры и даже генералы. Настоящим подвигом была проведенная в конце декабря комиссарами Демоба перепись армии. М. С. Кедров имел полное основание заявить в те дни, что «комиссариат

имеет… обширный и работоспособный аппарат (Демоба), который справился с такой задачей, как перепись всей армии…».

Из числа рабочих Путиловского и других петроградских заводов были подобраны эмиссары и направлены в важнейшие прифронтовые и тыловые железнодорожные узлы: Псков, Бологое, Минск, Смоленск, Брянск, Киев, Одессу и др. Эти эмиссары сыграли большую роль в организации солдатских масс, установлении порядка и организованности. Действовали в союзе с местными районными комитетами, созданными из представителей партийных, советских и железнодорожных организаций. Эти комитеты заботились о продовольственном снабжении эшелонов с демобилизованными, об охране станций и путей. Отдел по демобилизации разработал и опубликовал подробную инструкцию эмиссарам, в которой излагались их обязанности и права.

Проведенная партией большевиков и Советским правительством организованная и планомерная демобилизация старой армии сорвала планы контрреволюции, рассчитывавшей, что стихийная демобилизация старой армии приведет к разгулу анархии. Аппарату Демоба во главе с Кедровым, опиравшемуся на армейские партийные организации, солдатские комитеты в частях и соединениях, удалось направить стихию демобилизации в русло организованности и тем самым отсечь «больную часть» от здорового организма, а боеспособные элементы старой армии направить на создание новой, Рабоче-Крестьянской Красной Армии. При демобилизации удалось сохранить тяжелое вооружение, конский состав.

Органы Демоба разъясняли возвращавшимся с фронта домой солдатам идеи Октябрьской революции, роль Советов как органов новой, народной власти. Прибывшие в родные места солдаты стали активными проводниками политики Коммунистической партии и Советской власти, создателями органов Советской власти, командирами в отрядах Красной гвардии.

В феврале 1918 г., в самый разгар демобилизации, когда многие части и соединения были сняты с фронта и расформированы, германские империалисты предприняли коварное наступление. В тяжелой борьбе с кайзеровскими войсками рождалась и крепла Красная Армия. В условиях этой трудной борьбы была завершена демобилизация старой армии. 20 марта 1918 г. был упразднен отдел по демобилизации.

Для руководства боевыми действиями Красной Армии на фронте в первых числах марта 1918 г. был образован Высший военный совет. Всеми мероприятиями по материальному обеспечению Красной Армии руководил Военно-хозяйственный совет во главе с членом коллегии народных комиссаров по военным делам М. С. Кедровым.

Совместно с Инспекцией наркомата (ее возглавил Н. И. Подвойский) Военно-хозяйственный совет проверил состояние военного хозяйства и эвакуированного имущества в Орловской, Курской и Тамбовской губерниях.

> На основе материалов проверки была подготовлена и направлена по телеграфу на места директива Советского правительства за подписями В. И. Ленина и Я. М. Свердлова. В телеграмме разъяснялось, что право распоряжения эвакуируемым военным имуществом принадлежит только Советскому правительству, что всякое самочинное распоряжение местных властей этим имуществом должно быть прекращено, как действие не только вредное, но и преступное.

Тогда же Советское правительство решило проверить скопившееся военное имущество в Архангельском порту и вместе с тем все хозяйство, принадлежащее военному ведомству в северных губерниях. При обсуждении этого вопроса в Совнаркоме в связи с нависшей угрозой иностранной военной интервенции на Севере было решено направить в северные губернии (Ярославскую, Вологодскую и Архангельскую) специальную «Советскую ревизию» во главе с уполномоченным Совнаркома комиссаром М. С. Кедровым.

Публикуется впервые

А. П. Кладт
. С МАНДАТОМ ЛЕНИНА

Мандат за подписью В. И. Ленина был вручен Михаилу Сергеевичу Кедрову 23 мая 1918 г., после совместно принятого Совнаркомом РСФСР и ВЦИК постановления о ревизии местных учреждений РСФСР, или, как дословно говорилось в постановлении, «выяснения положения дела, устранения беспорядков и преступлений, восстановления нормального хода государственно-общественных дел». Свою работу «Советская ревизия» должна была начать с оказания помощи местным Советам северных губерний, прежде всего Архангельской. На то имелись серьезные причины. Империалистические круги Антанты весной 1918 г. начали интервенцию на советском Севере, замаскировав ее так называемым «словесным соглашением» с эсеро-меньшевистским большинством Мурманского Совета якобы с целью защиты побережья от немцев. 6 марта первые 170 солдат английской морской пехоты высадились с крейсера «Глори» и разместились в береговых казармах Мурманска. Советский Север привлекал интервентов своими естественными богатствами, которые можно было вывозить за границу через Мурманск и Архангельск. Отсюда сравнительно близко было до Петрограда и Москвы — революционных центров России. На мурманских и в особенности на архангельских складах находились большие запасы боеприпасов, военного имущества, угля и других грузов, завезенных сюда союзниками во время мировой войны. «Мирные» заявления Антанты «о помощи многострадальному русскому народу» никого не обманывали.

Советская власть на Севере в то время не располагала ни военным флотом, ни в достаточной степени вооруженными силами. Кое-где на местах в ожесточенной борьбе с буржуазно-кулацкими элементами и их защитниками — правыми эсерами она еще только устанавливалась. Для эвакуации военных грузов Совнарком в марте 1918 г. направил в Архангельск правительственную комиссию (Чрезвычайную комиссию по разгрузке Архангельского порта — Чкорап) во главе с членом коллегии Комиссариата по демобилизации старой армии С. Н. Сулимовым. Однако комиссия не смогла до конца выполнить задание, сломить сопротивление находившихся там консулов стран Антанты, меньшевиков и эсеров из Архангельского Совета, контрреволюционных элементов из администрации железной дороги и порта, которые саботировали отправку грузов. 18 мая, в тот день, когда Совнарком и ВЦИК вынесли решение о посылке «Ревизии», в Москве была получена телеграмма из Архангельска: «Сегодня вечером взрывом бомбы разрушен автомобиль Чкорапа в районе Смольного Буяна. Тяжело раненный красногвардеец охраны умер в больнице… Настроение красногвардейцев в связи с террором крайне нервное…»
[29]

Через несколько дней специальный поезд с «Советской ревизией» во главе с М. С. Кедровым покинул Ярославский вокзал в Москве. Для Михаила Сергеевича это было не первое партийное задание…

Первую остановку поезд с «Советской ревизией» сделал в Ярославле, вторую — в Вологде. Сотрудники «Ревизии», состоявшей из 11 секций (военной, финансовой, продовольственной и др.), работали быстро и действовали решительно: в Ярославле очистили от чуждых элементов аппарат продорганов, в Вологде провели национализацию местных филиалов частных банков. Однако в этих городах «Ревизия» не задержалась. 21 мая германская подводная лодка потопила промысловое судно «Харитон Лаптев» в районе мыса Святой Нос. Союзники и их «друзья» из Мурманского Совета сразу же начали с демагогической целью кричать о «германской угрозе» всему краю. Под этот шум в

Мурманском порту рядом с «Глори» стали на якоря французский крейсер «Адмирал Об», американский — «Олимпия» и английский пароход «Порто», имевший на борту батальон пехоты. Кроме того, в районе Печенги находился английский крейсер «Кокрейн», десант с которого был высажен в Кандалакше. В районе Мурманск — Кемь находилось 1,5 тыс. разагитированных агентами Антанты бывших военнопленных сербов, подозрительно долго дожидавшихся там пароходов для отправки на родину. Общие сухопутные силы Антанты насчитывали здесь около 4 тыс. человек.
28 мая поезд с «Советской ревизией» стал на станции Архангельск-Пристань. В тот же день Кедров и его помощники провели совещание с руководителями архангельских большевиков. Разговор был предельно откровенным. Собравшиеся говорили о напряженном положении в городе и губернии. Оторванность Архангельска от центра революционной России, отсутствие политически грамотных советских и партийных кадров, засилье меньшевиков и эсеров крайне затрудняли выполнение стоявших перед местными Советами задач. В городе фактически все дела решала городская дума, в которой заседали эсеры и бывшие гласные. В губернии не успели принять своевременные меры к завозу хлеба, так что его запасы были ограниченны. Купечество в городе и кулачество в деревне спекулировали на продовольственных затруднениях. В результате саботажа предпринимателей лесозаводы работали с перебоями, в промышленности росла разруха. Безработицу и голод меньшевики использовали для антисоветской агитации. «Ревизия» Кедрова совместно с архангельскими большевиками наметила экстренные меры по укреплению Советской власти. «Надо усилить влияние большевиков, идти на фабрики и заводы, — сказал М. С. Кедров, подводя итоги совещания. — Обратиться к беднейшим слоям крестьянского населения. Объяснить обстановку в стране, задачи, стоящие перед Советами. Без привлечения к своей работе самых широких слоев трудящегося населения мы ничего не сделаем. Одновременно ударить по врагам революции. Наладить деятельность Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, активизировать организацию вооруженных сил, провести новые выборы в местных Советах».
Не теряя времени, все секции «Ревизии» приступили к работе. Трудились круглосуточно, оставляя несколько часов на сон. Когда отдыхал М. С. Кедров, никто не знал. Его высокую фигуру в военной гимнастерке, перетянутой ремнем, видели везде. На судостроительно-ремонтном заводе в Соломбале он приводил конкретные факты о связях меньшевиков и эсеров с контрреволюцией; рабочих Маймаксы убедил создать боевую дружину и заняться военным обучением. Вечером он принимал трудящихся города с жалобами и заявлениями, а ближе к ночи выслушивал доклады сотрудников «Ревизии». Через несколько дней после приезда Кедров обратился к трудящимся города с просьбой оказать делу «Ревизии» свое посильное содействие…
«Ревизией» был собран значительный материал о деятельности советских учреждений, и она перешла к решительным действиям. Прежде всего финансовому отделу губисполкома было приказано немедленно провести в жизнь декрет Совнаркома от 20 декабря 1917 г. о прекращении платежей по купонам и дивидендам. Гласным городской думы и членам управы предлагалось в трехдневный срок внести в казну деньги за незаконно оплаченные купоны по городским займам. За саботаж мероприятий Советской власти городская дума была распущена, о чем Кедров известил население приказом, в котором разоблачил уловки думцев. Функции думы и ее имущество передавались отделам губисполкома. Целиком был сменен состав городской продовольственной комиссии, отпускавшей частным торговцам пудами муку, крупу и сахар, в то время как рабочие получали овес, да и то по карточкам. В комиссию направили представителей от рабочих. На предприятиях был усилен рабочий контроль над производством. Перед Высшим советом народного хозяйства «Ревизия» поставила вопрос об окончательной национализации всех лесопромышленных предприятий Архангельской губернии.

6 июня 1918 г. Архангельский Совет получил телеграмму за подписями В. И. Ленина и Г. В. Чичерина, в которой Председатель Совнаркома и нарком иностранных дел категорически требовали не допускать высадки на советском Севере десанта союзников. «Содействие и благожелательное отношение к нарущающим нейтралитет

иностранцам было бы преступлением и срывом Брестского мира», — говорилось в телеграмме
[30]
. Выполнение такого указания предполагало создание советских вооруженных отрядов на Севере. Декретом СНК от 4 мая 1918 г. был учрежден Беломорский военный округ, но он располагал крайне незначительными силами, большую часть которых составляла красногвардейская охрана железной дороги. В самом Архангельске находилась Отдельная латышская пулеметная команда из рабочих, эвакуировавшихся сюда из Прибалтики в первые годы мировой войны. Формирование двух полков шло вяло, так как губернский, уездные и волостные комиссариаты по военным делам, призванные заниматься данным вопросом, к приезду «Ревизии» еще только начинали работу, а до них этими делами ведал военно-морской отдел губисполкома, не имевший специалистов. Под руководством Кедрова военная секция «Ресизии» совместно с начальником штаба округа бывшим генералом А. А. Самойло осуществила организацию военных комиссариатов, сформировала при них отделы снабжения, привлекла к работе военных специалистов.

…Все рождалось заново, в условиях немыслимого беспорядка. Достаточно сказать, что губернский военкомат имел сотрудников гораздо больше, чем красноармейцев в тех частях, которые он должен был формировать. Английскому и французскому консулам, явившимся с претензиями по поводу вывоза военных грузов, М. С. Кедров порекомендовал заняться улучшением торгово-экономических связей с Советской Россией и предупредил, что во избежание вооруженного конфликта в прибрежных водах Архангельска не должно появляться ни одно иностранное военное судно.
15 июня прошли перевыборы Архангельского Совета рабочих депутатов. В результате мероприятий, осуществленных «Ревизией» по укреплению Советской власти, и поддержки маймаксанских рабочих перевыборы завершились убедительной победой большевиков. В новый «городской Архангельский Совдеп вошли 168 большевиков, 34 левых эсера, 38 правых эсеров, 28 меньшевиков, 19 беспартийных, — докладывали архангельские большевики в ЦК партии. — Голосами коммунистов и левых эсеров на первом пленарном заседании принята резолюция о недопущении меньшевиков и правых эсеров в исполком. Поднят вопрос об исключении их вообще из Совдепа. Они покинули заседание». В городе все более чувствовалась твердая большевистская рука. Рабочие, еще недавно довольно сочувственно слушавшие на митингах меньшевистских и эсеровских ораторов, призывавших столковаться с англичанами и «получить от них хлеб», теперь принимали резолюции, приветствующие вновь избранный Совет. «Поддерживать его всеми мерами, — говорилось в одной из них, — вплоть до применения вооруженной силы, если потребуется она, против всех тех смутьянов, которые, работая в Советах, всеми силами стараются подорвать таковые…» «Ревизия» завершала свою работу, и М. С. Кедров торопился в Москву, чтобы доложить Совнаркому о положении дел на севере страны. Однако отъезд пришлось отложить…

На 21 июня было назначено открытие II губернского съезда Советов. Незадолго до этого в Архангельске была получена телеграмма Г. В. Чичерина. Наркоминдел предупреждал: «Возможны враждебные действия англичан и их союзников. В связи с чехословацким движением надо быть готовым к отпору». Как бы подтверждая реальность угрозы, председатель местного Совета из Кеми сообщил, что у них уже появился англо-французский отряд. На совещании в губисполкоме, где присутствовал новый окружной комиссар, бывший поручик старой армии, большевик Л. И. Геккер, Кедров заявил: «Север не отдавать!» Совещание решило: принять все необходимые меры политического, хозяйственного и военного характера, просить Петроград послать для помощи Кемскому Совету регулярные войска, просить съезд Советов предоставить губисполкому право в случае нужды объявить мобилизацию в губернии. В эти напряженные дни Кедров принимает срочные меры по обороне Архангельска и выполнению задач, возложенных на него Совнаркомом. 22 июня район Архангельска и порта был объявлен на военном положении. Командующим всеми сухопутными и морскими силами в районе назначили А.

А. Самойло. Командующим флотилией Северного Ледовитого океана временно был назначен бывший адмирал Виккорст.
Подготовка к губернскому съезду отнимала много сил и у архангельских большевиков, и у всех работников «Ревизии». Трудно было точно предсказать, как поведут себя делегаты уездов и волостей, учитывая, что на местах соглашатели всех мастей, опираясь на кулачество и бывших офицеров, вели контрреволюционную агитацию, направленную на подрыв авторитета исполкома Советов.

«Сегодня открылся губернский съезд Совдепов, — писали представители ЦК партии Метелев, Васильев и Сулимов 21 июня В. И. Ленину. — Руководство в наших руках благодаря товарищам „Советской ревизии“. Предстоит колоссальная организационная работа. В воскресенье решен отъезд „Ревизии“. С отъездом товарищей рухнет все дело съезда. Необходимо категорическое распоряжение тов. Кедрову остаться на три-четыре дня до окончания съезда»
[31]
.

По распоряжению ЦК партии Кедров остался в Архангельске. Съезд закончился принятием большевистской резолюции, несмотря на то, что примерно половина делегатов находилась под влиянием эсеров. Съезд выразил доверие ЦК РКП(б) и СНК и избрал губисполком, в который вошли 14 большевиков и 11 левых эсеров. После съезда Кедрова задержали дела Чкорапа. Проверка деятельности комиссии показала, что грузопоток увеличился, однако темпы вывозки грузов в связи со складывающейся обстановкой уже не удовлетворяли. Кроме того, были вскрыты факты хищения грузов в порту. Кедров побывал у железнодорожников и моряков. На железной дороге был организован Военно-революционный комитет во главе с большевиком И. В. Василевским, который перестроил всю работу на военный лад. В порту сменили охрану, с помощью рабочих города создали новые бригады грузчиков. На Северной Двине работу по эвакуации грузов возглавил А. Н. Васендин, член партии с 1905 г. Все лица, уличенные в преступлениях, отдавались под суд, а Чкорап ликвидировали. Это была крайняя мера, с которой в горкоме партии кое-кто не соглашался, боясь, что она отразится на разгрузке порта. 26 июня пришла телеграмма из Москвы. «Архангельск, Кедрову. Эвакуация, разгрузка не должны прерываться. Сообщите, кто руководит этой работой. Курьер не приехал. Сообщите, когда приедете с докладом лично. Все силы на ускоренную эвакуацию всех грузов из Архангельска.
Ленин, Свердлов»
[32]
.

Работу по разгрузке порта Кедров поручил специально созданной Межведомственной комиссии, правильно рассчитав, что каждый представитель заинтересованного ведомства будет драться за «свои» грузы и уж, во всяком случае, постарается, чтобы они были отправлены поскорее. В течение 15 дней работали днем и ночью. Мобилизовали все население и все подвижные средства сплава по Северной Двине. Впоследствии союзники удивлялись, с какой чистотой удалась эта работа большевикам. Они констатировали, что, кроме некоторого имущества, которое можно было оспаривать, им ничего не оставили. Все остальное было спасено и сложено на Сухоне, в Котласе и в тех пунктах, на которые в дальнейшем были устремлены взоры союзников. 3 июля стало известно, что миссия чрезвычайного комиссара Мурманского и Беломорского краев С. П. Нацаренуса, посланного Совнаркомом в Мурманск, чтобы улучшить обстановку в связи с предательской политикой Мурманского краевого Совета, не увенчалась успехом. Англо-французские войска оккупировали всю северную часть Мурманской железной дороги, включая Кемь, разоружили охрану и, продвигаясь южнее Кеми, арестовывали советских работников. «Мурманский Совдеп,

не подчиняясь моим приказаниям, — сообщал Нацаренус, — вступил в самостоятельное соглашение с англо-французами, порвал с рабоче-крестьянской властью, пополнив тем самым ряды врагов революции»
[33]
.

М. С. Кедров срочно выехал в Москву. 5 июля прямо с вокзала он позвонил в Кремль, но Председателя Совнаркома в кабинете не застал. В Москве тогда работал V Всероссийский съезд Советов, и В. И. Ленин в тот день выступал с отчетным докладом от имени Совнаркома РСФСР. С трудом пробравшись в Большой театр, Кедров окунулся в накаленную атмосферу заседания съезда. Часто прерываемый то взрывами аплодисментов большевистских делегатов, то злобными выкриками лидеров партии левых эсеров, вслед за чем в зале возникал неимоверный шум, В. И. Ленин говорил о том громадном шаге вперед, к социалистическому строительству, который сделало Советское государство, используя передышку, полученную в результате заключения Брестского мира. В перерыве Кедров известил Владимира Ильича о своем приезде и был принят им после окончания вечернего заседания…
6 июля в Москве вспыхнул контрреволюционный мятеж левых эсеров. Кедров принял участие в его подавлении, а затем по заданию Наркомвоена руководил комиссией по расследованию поведения некоторых воинских частей Московского гарнизона во время мятежа. 13 июля он вернулся в Архангельск и совместно с новым составом губисполкома энергично взялся за подготовку к обороне.

Л. И. Геккер срочно выехал в Ярославль на подавление белогвардейского мятежа, и Кедрову пришлось взять на себя решение военных вопросов. Подкрепления, о присылке которых он договорился с Наркомвоеном в Москве, поступали плохо. Прибыл только (на должность командующего сухопутными войсками) бывший полковник Потапов с небольшой группой военспецов и конный отряд горцев во главе с бывшим ротмистром Берсом. 2 июля Архангельский губисполком на основании решения губернского съезда Советов объявил частичную мобилизацию населения в Красную Армию. Собирались создать полнокровную дивизию. В уезды для оказания помощи военным комиссариатам и Советам выехали члены губисполкома и коммунисты-агитаторы. Однако в большинстве уездов меньшевистско-эсеровские и кулацкие элементы сорвали мобилизацию, а в Шенкурском уезде агенты «Союза возрождения»
[34]
с помощью эсеров подняли антисоветский мятеж.

Интервенты через свою агентуру знали о ничтожно малых вооруженных силах Советской власти в Архангельске и вели себя откровенно нагло. 14 июля красноармейцы, патрулировавшие в районе Летнего берега, задержали двух подозрительных, при обыске у которых были найдены оружие, инвалюта и карта побережья. Доставленные к Кедрову, они развязно заявили ему, что просят передать их английскому консулу в Архангельске Дугласу Юнгу. После того как Кедров объяснил им, что они задержаны в зоне, где объявлено военное положение, и могут быть расстреляны как шпионы, задержанные стали более разговорчивы. Они назвали себя (один оказался английским офицером Масспартом, другой — сербом Иличом) и сбивчиво объяснили, что их послал штаб английского командования на Мурмане, чтобы промерить глубину Солзенской бухты и проверить, сохранилась ли дорога из села Солзенского в Исакогорку, минуя Архангельск. Лазутчиков посадили в тюрьму. Кедров предложил предпринять разведку. «В ту же ночь вышли в море, — писал он, — в указанном направлении на ледоколе „Горислав“. И что же! Действительно обнаружили пароход, но не английский, а русский буксир „Митрофан“, захваченный англичанами на Мурмане и отправленный ими в разведку под трехцветным царским флагом. Судно мы забрали и привели в Архангельск. На борту его задержали

английский отряд морской пехоты под командой офицера с крейсера „Аттентив“… Несколько дней спустя в той же Солзенской бухте появилось новое судно — на этот раз английский военный транспорт, который, прибыв на место, недолго думая, приступил к высадке десанта. Спущено было несколько вельботов. Погружены войска… Небольшой отряд красноармейцев, руководимый тов. Поскакухиным, зорко охранял побережье. Он допустил непрошеных гостей возможно ближе к берегу и встретил их таким убийственным огнем из винтовок и пулеметов, что только немногим удалось вернуться на судно»
[35]
.

Будучи в Москве, Кедров также договорился о присылке в Архангельск специалистов по организации минирования побережья (должен был выехать член коллегии Наркомата по морским делам И. И. Вахрамеев с отрядом моряков). Однако никто не приезжал. 18 июля Кедров отправил в Наркомвоен телеграмму: «Если считаете необходимым оборону Архангельска, прошу немедленно сделать распоряжение об отправке в Архангельск комсостава и возвращении ответственных работников из Ярославского района, в частности Геккера. Вахрамееву немедленно выехать со специалистами и необходимыми принадлежностями»
[36]
. И. И. Вахрамеев и А. И. Геккер вскоре прибыли. Вахрамеев — без моряков, но зато с приказом, согласно которому штаб Беломорского военного округа переводился в Вологду, а в Архангельском районе создавался Совет обороны. Геккер передал Кедрову просьбу Г. В. Чичерина выехать в Вологду и помочь местным товарищам эвакуировать находящийся там дипломатический корпус
[37]
. «Я никогда не был дипломатом», — удивленно сказал Кедров.

«Насколько мне известно, вы по профессии врач и, кроме того, прекрасный музыкант, однако стали ревизором и неплохо разбираетесь в военных вопросах, — улыбаясь, заметил Геккер. — В Москве мне говорили, что иностранные консулы считают вас „неудобным“ человеком. Мне кажется, что их „отзыв“ очень понравился Чичерину».

«Неудобным» человеком М. С. Кедров прослыл у дипломатов не зря. Английское и французское консульства в Архангельске тайно сколачивали контрреволюционные силы и пытались оказать прямое давление на губисполком. Найдя предателей в Мурманске, они надеялись отыскать их и в Архангельске. Решительное устранение большевиками из исполкомов Советов эсеров и меньшевиков, ряд операций по ликвидации тайных складов оружия, арест скрывавшихся белогвардейцев и, наконец, принудительная высылка из Архангельска бывших сербских и итальянских военнопленных, на которых интервенты рассчитывали как на будущих своих солдат, отодвигали со дня на день намеченные сроки захвата Архангельска. Особенно расстроили планы консулов арест шпиона Масспарта и последующие события. Охрана тюрьмы перехватила посланную Масспарту записку, в которой говорилось, чтобы тот не болтал лишнего и немного потерпел, так как союзники скоро возьмут город. В результате расследования был арестован командир полка, бывший офицер Иванов, завербованный английской разведкой. Военно-полевой суд приговорил его к расстрелу. Напрасно консулы пытались убедить Кедрова в том, что служба у «союзников России» не является изменой. Он утвердил приговор. «Командир Первого Советского Архангельского полка Иванов, — сообщал он В, И. Ленину, — за предательство и сношения с англичанами приказом моим расстрелян. Арестованные вооруженные офицеры и солдаты английской армии, прибывшей с Мурмана, следуют в Москву. Протоколы дознания высылаю»
[38]
.

Отдав приказ о создании Совета обороны Архангельского военного района (председатель И. И. Вахрамеев, члены: Потапов, Виккорст, Бутенко, П. Т. Шилкин, К. И. Пронский, С. К. Попов), Кедров вместе с Самойло выехал в Вологду. Здесь было непривычно тихо. Хотя с мятежом в Ярославле было покончено, Вологда оставалась на военном положении. «Обманчивая тишина, — информировал Кедрова его старый знакомый по Москве, член ВЦИК Иванов, командированный сюда для борьбы с контрреволюцией. — Город переполнен бывшими чиновниками, купцами, священниками. Много бывших офицеров в штатском. Распускают самые невероятные слухи. Трутся около посольств. Мы еще мало знаем, но имеются данные, что в городе существует контрреволюционная организация, связанная с посольствами».
Для выдворения из Вологды дипкорпуса была образована комиссия, в которую вошли: чекист Иванов, губернский продкомиссар Ш. З. Элиава и только что прибывший из Москвы А. А. Медведев, предъявивший мандат о назначении его губвоенкомом. Комиссия явилась к послам и заявила, что Председатель Совнаркома В. И. Ленин обеспокоен безопасностью дипкорпуса и просит дипломатов переехать в Москву. Послы отказывались, но члены комиссии были настойчивы. Латышские стрелки помогли работникам посольств и их семьям погрузиться в поезд. Уже на вокзале Фрэнсис заявил, что они подчиняются, но едут… в Архангельск. В Архангельске дипкорпус тоже не задержался. Председатель губисполкома С. К. Попов, предупрежденный М. С. Кедровым, решительно заявил Фрэнсису, что он не может обеспечить их безопасность, так как город находится на военном положении, и предложил послам вернуться в Москву. Послы предпочли ехать в Кандалакшу, то есть в район, уже оккупированный войсками интервентов.

В конце июля 1918 г. в Вологду приехал Геккер, назначенный командующим Вологодским тыловым районом. Он рассказал, что после занятия интервентами Соловецких островов активизировалась деятельность их флота. Положение в Архангельске тревожное, Вахрамеев просит подкреплений, на первый случай хотя бы отряд моряков. Встревоженный Кедров вновь выехал с докладом в Москву. «На Северном вокзале, — вспоминал Кедров, — встречает меня специально посланный Ильичей товарищ с сообщением, что товарищ Ленин ждет меня. Десяток минут спустя нахожусь в Кремле, в кабинете Ильича. Владимир Ильич в очень хорошем настроении. Когда я докладываю, он то и дело вставляет какое-нибудь лукавое словцо и слегка подшучивает надо мной. Но не только подшучивает. Он уже все обнял, взвесил, решил… Было решено предоставить мне некоторую воинскую часть, также несколько орудий и пулеметов, с которыми я через 2–3 дня выехал в Архангельск»
[39]
.

Кедрова сопровождал небольшой отряд моряков под командованием Н. Т. Антропова. «В конце июля я был вызван в Наркомат по морским делам, — пишет Антропов, — и получил распоряжение в 48 часов отобрать самых надежных моряков до 200 человек и с ними выехать в Архангельск под командованием наркома Кедрова. Приказ был выполнен в срок, и мы отдельным поездом выехали, имея силу 200 моряков, 30 латышских стрелков и 8 пулеметов „максим“»
[40]
. 1 августа Кедров прибыл в Вологду. Здесь его ожидали две телеграммы за подписью Архангельского губвоенкома А. Г. Зеньковича. В одной из них сообщалось: «Онега занята англичанами, которыми обстреляны из пулеметов советские учреждения. Английские солдаты заняли Подпорожье, в 25 верстах вверх по реке. Исполком и военный комиссариат выехали в Чекуево. Винтовки, пулеметы, патроны остались в Онеге. Просим дать поддержку». Текст другой телеграммы был еще более тревожным: «В половине девятого утра над Архангельском летало два гидроплана, которые сбрасывали провокационные листки. В двух милях от Мудьюга стоят четырехтрубный крейсер и двухтрубный транспорт… Объявлено осадное положение…» «Мирные»

заверения «союзников» кончились. Захватив Мурманск, а затем Кемь, Кандалакшу и Онегу, они подошли к Архангельску.

Военные силы в Вологде были незначительны [41], а медлить нельзя было ни минуты. Совещание в губкоме партии постановило образовать Совет обороны во главе с А. И. Геккором, объявить в городе осадное положение и одобрило предложение М. С. Кедрова о формировании коммунистического вооруженного отряда. По телеграфу был передан приказ в Архангельск командующему Потапову о защите порта до конца, а Вахрамееву и Зеньковичу сообщено о выезде «поезда Кедрова» в Архангельск. Наибольшей угрозой явилось продвижение интервентов по старинному тракту Онега — Чокуево — Обозерская. В случае успеха противник мог отрезать Архангельск и выйти на подступы к Вологде. Учитывая это, Кедров направил в Наркомвоен срочную депешу: «Для обороны против английского десанта необходимо немедленно двинуть на станцию Обозерская 1500 штыков…» Уже поздно ночью Кедров телеграфировал В. И. Ленину: «В Вологде объявили осадное положение… Необходимы подкрепления. Еду в Архангельск». Подобные телеграммы с просьбой о помощи поступали в Совнарком отовсюду; Республика Советов находилась тогда в кольце фронтов. Главную опасность представлял в то время Восточный фронт. В соответствии с этим началась переброска войск с запада на восток. В такой обстановке найти даже 1,5 тыс. бойцов для нужд другого фронта казалось невыполнимой задачей. Однако, предвидя возможность соединения интервентов на севере с белочехами на востоке, В. И. Ленин принял меры по оказанию помощи большевикам Севера.

1 августа из Кремля в адрес комиссара штаба Петроградского военного округа Б. П. Позерна отправили телеграмму: «Вы знаете, конечно, что англичане взяли Онегу, а сегодня их крейсеры начали нападение на окрестности Архангельска. По-моему, необходимо спешно перевести войска из Петрозаводска в Вологду по ряду соображений. Ответьте Ваше мнение. Ленин». Вслед за тем Владимир Ильич позвонил заместителю наркома по военным делам Э. М. Склянскому и попросил выяснить возможности использования авиации для обороны Архангельска. По указанию В. И. Ленина Высший военный совет дал распоряжение Позерну о немедленном изменении маршрута 2-го отряда моряков, подготовленного к отправке на Восточный фронт. Отряд двинули на станцию Обозерская. Обо всем этом Кедров еще ничего не знал. Поезд его двигался к Архангельску. Связь на станциях была неустойчивой. Во второй половине дня 2 августа на станции Емца М. С. Кедров встретил эшелон с ценными грузами, вывезенными из-под Архангельска. Эшелон охранял небольшой отряд красногвардейцев во главе с И. В. Василевским, который передал Кедрову последнюю телеграмму Зеньковича, полученную из Исакогорки. Губвоенком сообщал, что он не смог удержать станцию. Присоединив людей Василевского к своему отряду, Кедров выехал дальше. На рассвете 3 августа «поезд Кедрова» прибыл на станцию Тундра, забитую эшелонами: то были группы советских войск, покинувших Архангельск. Вместе с ними эвакуировались железнодорожники с семьями и часть рабочих. М. С. Кедров и моряки Н. Т. Антропова подоспели своевременно. Несмотря на раннее время, на станции бурлил митинг. Возбужденная толпа окружила Вахрамеева, приказавшего начальнику станции не пропускать ни одного эшелона, и требовала дальнейшего отступления. Моряки быстро разоружили собравшихся. Затем выступил Кедров. Речь его была краткой: «Сегодня вы поддались панике, завтра вам будет стыдно. Я приказываю вам сражаться. Интервенты не пройдут! Кто с нами, пусть отойдет вправо, желающие отступать — влево». Красноармейцы подтянулись, но все стояли в нерешительности. Тогда Кедров повторил свои слова и добавил: «Желающие могут ехать в Вологду. Трусы нам не нужны». Сначала один, затем другой, третий, и наконец все отошли вправо…

Оставляя за собой взорванные мосты и железнодорожные стрелки, отряд Кедрова 4 августа вернулся на Обозерскую. Из Вологды сообщали, что В. И. Ленин обеспокоен и требует поддерживать с ним регулярную связь. «И находясь в пути на Архангельск, — писал впоследствии Кедров, — и участвуя в первых стычках со вторгшимися в край англо-французами, я держал связь с Кремлем и чувствовал невидимую руку, которая направляла и руководила всеми военными операциями… Когда затем мы попали в белогвардейскую зону и на двое-трое суток связь с Москвой была порвана, Ильич в течение целой ночи сам вызывает к прямому проводу вологодских товарищей — Ветошкина, Элиаву, Саммера и информируется у них о положении дел и выясняет судьбу нашего поезда». Кедров известил В. И. Ленина о новостях: «Предательство телеграфистов ст. Исакогорки, предупредивших противника о нашем приближении, заставило наши части под давлением артиллерии противника, а также гидропланов отойти в полном порядке до разъезда 626-й версты… Необходима немедленно артиллерия. Саперное подрывное имущество. С артиллерией можно рассчитывать занять Исакогорку. Кедров»
[42]
. В Наркомвоен С. И. Аралову, в Петроград Б. П. Позерну, в Вологду А. И. Геккеру (в соответствии с распоряжением В. И. Ленина от 1 августа) М. С. Кедров направил телеграмму: «Просьба сообщить, какие последовали распоряжения о присылке пехоты и артиллерии»…

На Обозерской в течение суток был образован штаб войск Архангельского района во главе с Э. Ленговским…

Боевая жизнь штаба налаживалась. 5 августа Кедров направил в Москву первую оперативную сводку: «На архангельском направлении без перемен. Наши части заняли позицию у станции Холмогорской. На онежском направлении после боя наступление противника приостановлено. Сделано распоряжение об открытии пассажирского движения до Няндома»…

М. С. Кедров и его помощник А. В. Эйдук решили ехать за помощью к В. И. Ленину. 9 августа они прибыли в Москву. «Ильич встретил нас, — пишет Кедров, — сверх всякого ожидания, очень гневно. Но в его гневе чувствовалось доброе, товарищеское отношение… Я улучил момент и, захлебываясь, одним залпом, передал, что в Обозерской организован штаб, что на фронте нам лично сейчас делать нечего, что предполагаем перенести штаб фронта в Вологду и что всего двое суток решили потерять, чтобы при содействии Ильича сломить наблюдающийся саботаж и волокиту.

— Как это — двое суток? — перебил Ильич. — Когда вы выехали? Когда будете на месте? Ответил.

— Все-таки не нужно было ехать, могли бы написать обо всем… Что же вам нужно? — уже спокойно спросил Ильич»
[43]
. Эйдук достал заготовленную докладную записку с перечнем самого необходимого для вновь образованного фронта. В. И. Ленин внимательно прочитал записку и написал на ней предписание для Высшего военного совета:

«Немедленно дать просимое;
сегодня же отправить из Москвы;

дать мне тотчас
имена
6 генералов (бывших) (и адреса) и 12 офицеров генштаба (бывших), отвечающих за точное и аккуратное выполнение этого приказа, предупредив, что будут расстреляны за саботаж, если не исполнят.

М. Д. Бонч-Бруевич должен мне письменно тотчас через самокатчика ответить на это.

Председатель СНК
В. Ульянов (Ленин)»
[44]
.

Этот документ Кедров вручил военному руководителю Высшего военного совета М. Д. Бонч-Бруевичу. Бонч-Бруевич тут же связался с заведующим оперативным отделом Наркомвоена С. И. Араловым, позвонил в ВСНХ и отдал необходимые распоряжения помощникам. Он подробно расспросил М. С. Кедрова о положении на фронте, дал ряд советов о ведении боевых операций в труднодоступной местности, характерной для Севера с его лесными чащобами, болотами и топями. К концу беседы кедровская записка, лежавшая на столе, пестрела его пометками. Указанные в записке потребности фронта в людях и военном снаряжении разбиты на пункты в соответствии с довольствующими органами Красной Армии. Против каждого пункта (всего их оказалось 10) была поставлена фамилия того сотрудника Высшего военного совета, которому поручался контроль за исполнением. Затем каждому из них была вручена копия докладной записки с предписанием В. И. Ленина, а в конце указано его задание
[45]
.

Днем Кедров успел побывать во многих военных ведомствах, а вечером его пригласили на заседание Высшего военного совета. Председательствовал Э. М. Склянский. Повестка дня была большая, но в связи со срочным отъездом Кедрова первым обсуждался вопрос об образовании Северо-Восточного участка отрядов завесы с включением в него Архангельского района. Были определены границы фронта. Кедрова утвердили командующим войсками. Он пытался возражать, ссылаясь на отсутствие военного опыта, но Склянский сказал, что его назначение согласовано с В. И. Лениным и, кроме того, члены Совета считают, что в такой сложной обстановке нужна прежде всего твердая рука опытного организатора. «Все распоряжения о немедленной отправке войск и военного снаряжения на Архангельский фронт сделаны, о чем я доложил Владимиру Ильичу», — добавил М. Д. Бонч-Бруевич.
Время пребывания М. С. Кедрова в Москве истекало. В половине третьего ночи 10 августа он явился на Ярославский вокзал. В салон-вагоне его ожидали работники Высшего военного совета, контролировавшие ход выполнения указаний В. II. Ленина, и Эйдук. «Прошу доложить», — сказал Кедров. «Разрешите по порядку, — попросил Эйдук, открывая блокнот, весь испещренный записями. — По п. 1-му: грузится в эшелон 2-й артдивизион особого назначения. Отправление завтра в 14.00. По п. 2-му: Позерн сообщил о выделении двух зенитных батарей. Отправление 12 августа вечером. По п. 3-му: переговоры с Петроградом вел Я. М. Свердлов. 12 августа в Вологду выезжает тысяча моряков. Командир Андреев. По п. 4-му: дан наряд Могилевской дивизии о выделении одного эскадрона. Время отправления требует уточнения. По п. 5-му: три гидроплана грузятся в Петрограде. Командир авиаотряда Будилов. По п. 6-му: два часа назад из Москвы ушел эшелон № 182, с которым отправлены 50 шоферов и мотоциклистов, три грузовых автомобиля „фиат“ и 50 пудов бензина. По п. 7-му: команды самокатчиков и подрывников формируются и будут направлены в Вологду 13 августа вечером. По п. 8-му: противогазы уже доставлены и погружены в наш вагон. По п. 9-му: командиров направлено 5 человек. Один уже здесь, четверо выедут 12 августа. Группа солдат-добровольцев для рискованных операций формируется и будет подготовлена через 5–6 дней». «По п. 10-му: я был в ЦК партии, — сказал Кедров. — Обещали подослать коммунистов-пропагандистов для работы среди населения». «Можно ехать?» — спросил Эйдук. «И как можно быстрее, — ответил Кедров. — Фронт не ждет». Вновь на пристанционных путях в Вологде стал «поезд Кедрова». На этот раз надолго…

Вопросы истории,

1971, № 10, с. 120–131

В. Н. Пластинин
. ПОСЛАНЕЦ ЛЕНИНА

Сразу же по прибытии в Архангельск «Советская ревизия» во главе с М. С. Кедровым посетила исполком городского Совета.
«Положение в исполкоме — плачевное, — с горечью подчеркивал во время беседы большевик А. Гуляев. — Работы практически никакой нет. Меньшевики и эсеры, в руках которых находится исполком, ограничивают свои дела здесь лишь получением жалованья. И все вопросы решают в городской думе, которая идет в сторону контрреволюции».
Дальнейшее расследование подтвердило, что в городской думе сконцентрировались силы контрреволюции. Вечером 10 июня был заслушан доклад о результатах проверки работы этого органа и принято решение о ее роспуске.
«Нужна ли пролетариату и беднейшему населению города Архангельска такая, не стоящая за его интересы, а потворствующая капиталистам соглашательская дума? Нет, такая дума ему не нужна, — говорилось в приказе, подписанном Кедровым. — Предлагаю губисполкому совместно с финансовой секцией „Ревизии" приступить в срочном порядке к ликвидации Архангельской городской думы, как учреждения, не соответствующего духу и организации Советской власти».
Вся полнота власти в Архангельске перешла в руки вновь избранного Совета и его горисполкома. Однако гласные думы не хотели сдаваться. На страницах эсеровских и меньшевистских газет появились призывы к рабочим не подчиняться приказам «Советской ревизии», организовать «независимую от представителей внешней власти рабочую организацию». За контрреволюционные действия более 40 гласных городской думы было арестовано. На буржуазию города наложили контрибуцию. С этого времени городской Совет стал действительной властью в Архангельске.
Твердость, настойчивость Кедрова, его деятельные меры по укреплению Советской власти встречали ожесточенное сопротивление имущих классов. Но ничто не поколебало преданности большевика, боровшегося за выполнение директив Ленина…
«Советская ревизия» помогла закончить разгрузку Архангельского порта. Более 40 млн пудов каменного угля, огромное количество боеприпасов и продовольствия получила Советская Республика с Севера.
Работа «Советской ревизии» способствовала укреплению обороноспособности не только Севера, но и всей республики. «Не будь этой комиссии, — вспоминал позднее один из участников гражданской войны на Севере, — Архангельск пал бы по крайней мере месяцем или полутора месяцами раньше, как раз в момент Ярославского восстания, подготовленного с участием дипкорпуса».

Незабываемые имена,

Архангельск,

1967, с. 133–142

А. А. Самойло
. ШКОЛА КЕДРОВА

> …Кедров со свойственной ему энергией и решительностью принялся за выполнение возложенных на него задач. Немедленно была прекращена всякая деятельность городской думы, попытавшейся опубликовать обращение к рабочим с призывом ликвидировать Советскую власть и ее представителей. Начата была большая работа по оздоровлению морально-политического настроения среди рабочих 25 лесопильных заводов. Чрезвычайной комиссии по разгрузке Архангельского порта (Чкорап) было объявлено от имени Совнаркома задание немедленно разгрузить артиллерийские склады с военным имуществом и срочно вывезти его в Котлас и на Сухону, невзирая на противодействие находившихся еще в Архангельске иностранных представителей. [46]

Иностранные представители Фрэнсис, Линдлей и Нуланс вместе с Сполайкевичем (серб), Торетто (итальянец) и Марумо (японец) стремились противодействовать этим мероприятиям, подкупая население продовольствием… Лишь в середине июля, после ликвидации восстания в Ярославле, удалось выпроводить их из Архангельска.
Примерно в то же время состоялось секретное совещание в исполкоме, по решению которого народный комиссар М. С. Кедров своим приказом № 134 ввел в районе всего Архангельского порта, города и его окрестностей военное положение, назначил меня временно командующим сухопутными и морскими силами в этом районе (с политическим комиссаром при мне от местного исполкома тов. Куликовым), возложив временное командование флотилией Северного Ледовитого океана на начальника военно-морского отдела Целедфлота.
Одновременно тем же приказом мне было предложено принять все меры к приведению сухопутных сил в боевую готовность, а командующему морскими силами — привести в такую же готовность флот и береговые батареи.
На меня же возлагалась ответственность за эвакуацию взрывчатых веществ из складов и за взрыв последних (если не удастся эвакуировать их до десанта интервентов).
Непосредственным исполнителем и эвакуации и взрыва был назначен артиллерист Костевич, мой давний знакомый…
Костевич… развил такую изумительную энергию по вывозу снарядов и взрывчатых веществ в Котлас по Двине и на Сухону по железной дороге, что Кедров выхлопотал ему в награду 3 тыс. рублей…
Большая и весьма положительная роль в укреплении советского строя на Севере принадлежала М. С. Кедрову. Если говорить коротко, Кедров в кратчайший срок и на моих, что называется, глазах освободил советские, партийные и общественные организации от засилья неблагонадежных элементов, укрепил морально-политическое состояние в многочисленных рабочих организациях, на заводах и фабриках, руководил ликвидацией ряда восстаний, разогнал контрреволюционные организации в Вологде и в тыловых районах Севера, пресек ряд измен во всех областях политической, партийной, военной и общественной деятельности.
Решительными мерами Кедров сохранил для Советской власти огромные материальные ценности, сосредоточенные во время империалистической войны в Мурманске и Архангельске, упорядочил финансовую систему Северного края, подготовил к обороне Архангельск и Архангельскую губернию, обеспечив фланги обороны на востоке и на западе…
Много сделал Кедров и для укрепления военного аппарата вновь создаваемой регулярной армии, установил крепкую связь его с местными организациями.

Он непосредственно руководил начальными военными действиями, задержав продвижение интервентов, занявших Архангельск, на Вологду вдоль железной дороги и Северной Двины.
Что касается лично меня, то я навсегда сохранил глубокое, искреннее уважение к этому человеку, моему первому наставнику в трудных условиях организационной работы в Беломорском военном округе, а затем и в 6-й армии. Ему я обязан многочисленными советами по обороне Северного края от интервентов и белогвардейцев.
Не могу также забыть, как горячо он одобрял впоследствии, уже в Москве, мое желание подать заявление о вступлении в партию…

> Центр в предвидении десанта приказал Кедрову принять на себя командование над всем Северо-Восточным районом, для чего с 20 июля перенести свое пребывание в Вологду, а непосредственную оборону Архангельска возложить на специально командированного главкомом комдива Потапова
> [47]
> и приданных ему сотрудников. Во исполнение этого приказания Кедров, Геккер и я (в качестве начальника штаба района) переехали в Вологду, передав оборону Архангельска Потапову.

Последний принял на себя руководство обороной города и вместе с изменником Виккорстом — все меры к «надежной» встрече интервентов: к установке батарей на острове Мудьюг, к закладке минных полей на двинском фарватере, к затоплению на нем наших ледоколов, к возложению охраны города на надежную часть, к установлению наблюдения за прилегающим к Архангельску побережьем, наконец, к соответствующему размещению в городе его гарнизона в целях обороны. Это были именно те меры, которые обсуждались и были приняты на совместном с нами секретном совещании Архангельского исполкома в присутствии Потапова и Виккорста.
Мы с Кедровым, уже будучи в Вологде, с негодованием узнали, как легко интервенты при содействии этих изменников совершили свою высадку.
1 августа Архангельск, по существу, беспрепятственно перешел в руки интервентов, так как батареи на острове Мудьюг, не примененные к местности, были тотчас же сбиты огнем (неприятельских) крейсеров «Аттентив», «Кокрейн» и «Адмирал Об», минные поля обезврежены тральщиками, затопленные (не на фарватере и не взорванные вследствие негодных запалов Костевича) ледоколы «Микула» и «Святогор» подняты, охрана города оказалась порученной 1-му Архангельскому батальону, только что перед самым десантом бунтовавшему против Советской власти, сам Потапов в момент десанта из города скрылся, его помощник полковник Берс был более озабочен судьбой денежного ящика, с которым и перешел к англичанам, наконец, красноармейская часть была предусмотрительно размещена на левом берегу Двины и не могла помешать десанту англичан, благополучно высадившемуся на правом берегу. Губернский военный комиссар Зелькович, пытавшийся организовать оборону на левом берегу, у станции Исакогорка, был обойден с фланга в тыла французским и английским десантами на побережье и убит. Члены исполкома, застигнутые врасплох (Павлин Виноградов находился в этот момент в Шенкурске на усмирении мятежа, поднятого при поддержке Фрэнсиса эсерами), поспешно эвакуировались на пароходах по Двине в Котлас.
После занятия Архангельска интервентами остатки красноармейских отрядов отошли от города. Кедров поспешал с отрядом на помощь им из Москвы по железной дороге, но был остановлен интервентами.
Так началась интервенция англо-американцев у нас на Севере. Одновременно она происходила и на Дальнем Востоке, и в Сибири при участии японцев.
Интервенты из Архангельска выдвинули свои войска к югу: по железной дороге к станции Обозерской, а по Северной Двине — в район Сельцо — Тулгас — Троица.
Мы со своей стороны закрепились у станции Емца. Противник, хваставшийся, что через 10 дней после высадки будет в Вологде, за всю осень 1918 г. смог продвинуться только на 70 верст.

Вновь установившийся фронт соприкосновения с интервентами шел в границах: на севере — линия огня, на западе — по восточной стороне Онежского озера (позже эта граница уже шла по восточному побережью Ладожского озера) — Вытегра до Белозерска и Череповца, на юге — по линии железной дороги Данилов — Буй — Галич — Вятка, на востоке — по железной дороге Вятка — Котлас, река Вычегда до ее верховьев и далее на восток до реки Печоры и Уральских гор.

В начале августа наши боевые силы на этом фронте, подчиненные Кедрову, не превосходили 2 тыс. штыков. С 1 сентября численность войск дошла до 5 тыс., а к октябрю, считая тыловые части, превысила 8 тыс.

Я состоял тогда начальником штаба. Начальниками других отраслей военного управления были назначены члены комиссии Кедрова, все они показали себя отличными работниками на боевом фронте в эти тяжелые для нас дни.

Самой яркой фигурой этого начального периода войны был Павлин Виноградов — сын рабочего Сестрорецкого завода, сам работавший еще мальчиком на заводе, а затем ставший учителем. Рано примкнув к революционерам, он подвергался гонениям и тяжелым репрессиям со стороны царского правительства. Это был человек неукротимой энергии и храбрости, не останавливавшейся ни перед чем решимости, необычайной прямоты характера, всегда готовый без оглядки пожертвовать собой на пользу дела.

Накануне десанта Виноградов заявил французскому консулу Эберту, обнаглевшему в своих требованиях во время посещения им исполкома: «Господин консул, аудиенция кончена; прошу оставить зал исполкома!»

Услышав, что члены Шенкурского исполкома осаждены в казармах мятежными эсерами и меньшевиками, он, не медля ни минуты, отправился их освобождать. Возвращаясь по Ваге и узнав о бегстве членов Архангельского исполкома в Котлас из захваченного интервентами Архангельска, Павлин Виноградов на своем пароходе поспешил в Котлас, вернул пароход с малодушно бежавшими членами исполкома, по дороге организовал их для отпора интервентам, даже не зная сил и средств противника, выдвинувшегося из Архангельска вверх по реке для захвата Котласа. В ночной встрече с врагами Павлин Виноградов атаковал их своими двумя пароходами, расстреливал в упор из пулеметов и пушчонок. Остановив, таким образом, движение ошеломленных этим нападением интервентов, он преградил им дорогу в Котлас, заполненный до отказа эвакуированными из Архангельска запасами. Он не счел даже для себя возможным толком узнать о судьбе жены и ребенка, вывезенных из города.

В бою против флотилии англичан на Северной Двине (несколько ниже устья Ваги) он лично вел огонь из пушки, прислуга которой была перебита. 8 сентября герой был смертельно ранен осколком неприятельского снаряда…

Работа вместе с М. С. Кедровым и под его руководством, хотя и непродолжительная по времени, явилась для меня большой школой.

Часто наши беседы с Михаилом Сергеевичем в его вагоне на запасных путях Вологодской станции, в котором он жил со своим маленьким сыном, длилась далеко за полночь. Эти беседы приносили мне громадную пользу, помогая ясно понять политику Советской власти и партии…

Как в Бресте Михаил Николаевич Покровский, так на Севере Михаил Сергеевич Кедров и Михаил Кузьмич Ветошкин были моими партийными просветителями. По их моральным качествам я рисовал себе впервые тип настоящего коммуниста.

Самойло А. А. Две жизни.

М., 1958, с. 216–226

И. В. Василевский

. НА ОХРАНЕ СЕВЕРНОЙ МАГИСТРАЛИ

В полдень 2 августа 1918 г., проверяя посты, я услышал пулеметные очереди с правого берега Северной Двины. Присмотревшись внимательно, увидел показавшиеся вдали на реке военные корабли. Буквально через несколько минут на станции появились какие-то вооруженные люди. Они стали окружать наш отряд. Завязалась перестрелка. По моему сигналу поезд, набирая скорость, отправился со станции. Уходить пришлось под обстрелом белогвардейцев.

За 10 минут стоянки на Бакарице нам удалось подтащить и прицепить к поезду шесть платформ, груженных орудиями. В Исакогорке простояли около двух часов. Находившийся здесь губернский военком А. Г. Зенькович сообщил мне, что интервенты заняли Экономию, Архангельск и теперь их десант через Бакарицу направляется к Исакогорке.

— Немедленно двигайтесь к станции Емца, — приказал военком. — Там где-то недалеко находится Кедров со своим отрядом. Постараюсь связаться с ним по телеграфу.

Наш поезд отправился дальше. В Исакогорке остались еще два воинских эшелона с красноармейцами. Зенькович намеревался задержать их для организации обороны Исакогорки, пока подойдет отряд Кедрова.

Только успел состав выйти на семафор, как над вагонами появились три гидросамолета с английскими опознавательными знаками и обстреляли поезд из пулеметов. Наши бойцы ответили винтовочными выстрелами. Самолеты сбросили бомбы, но, к счастью, ни одна из них не попала в состав. Через несколько часов мы благополучно добрались до Емца. Дежурный по станции сообщил мне, что наш поезд задерживается до особого распоряжения.

Вскоре со стороны Вологды подошел воинский эшелон во главе с М. С. Кедровым. Меня тотчас же вызвали к нему.

— Куда и с какой целью идет ваш поезд? — спросил меня Михаил Сергеевич, пристально глядя мне в глаза.

Я объяснил, что выехал с Исакогорки по приказу Зеньковича, подробно рассказал все, что мне было известно о положении в Архангельске, об обстреле и бомбежке поезда. Выслушав мой доклад, Кедров встал из-за стола, подошел ко мне, крепко пожал руку.

— Вот, товарищ Василевский, читайте, что о вас сообщил Потапов, — с этими словами Михаил Сергеевич передал мне телеграфный бланк. Читаю:

«Вологда. Наркому „Советской ревизии“ М. С. Кедрову.

Примите меры. Против вас двигается поездом восставший отряд под командой комиссара Василевского. Потапов».

Прочитав эту телеграмму, я оторопел. В голове молниеносно пронеслось: «Вдруг Кедров сгоряча расстреляет меня…» А вслух только и смог произнести:

— Ничего не понимаю…

— Сейчас все разъясню, — сказал Михаил Сергеевич. — Бывший царский полковник Потапов продался интервентам. Такую провокационную телеграмму он дал в расчете на то, что я поверю, и произойдет столкновение между нашими отрядами.

Оставив спецпоезд в Емце, я со своими людьми присоединился к отряду Кедрова, и мы двинулись в сторону Архангельска. На станции Обозерская Кедрова ожидали две телеграммы, переданные Зеньковичем с Исакогорки. Во второй телеграмме, посланной 2 августа в 18 часов 30 минут, Зенькович предупреждал, что последние два эшелона отправились с Исакогорки самовольно, без жезлов, первый в 17 часов 20 минут, второй — в 17 часов 45 минут, и что возможно столкновение поездов. На этом телеграмма обрывалась. Кедров тут же приказал установить местонахождение поездов, а когда узнал, что они на станции Тундра, потребовал задержать их до своего приезда. В Тундру мы прибыли около полуночи. На путях стояли оба эшелона. Бойцы волновались. Взбаламутил их кто-то из провокаторов. Еще в Исакогорке пустили слух, что со стороны Онеги на Обозерскую идут англичане и вот-вот займут ее. Тогда путь отступающим мог быть отрезан.

Появление в Тундре отряда Кедрова оказалось своевременным и резко изменило положение. Известие о том, что Обозерская свободна, а на дороге в сторону Онеги

выставлен красноармейский заслон, успокоило отступающих. В обоих эшелонах быстро был наведен порядок.
Все три состава под общим командованием М. С. Кедрова двинулись назад к Исакогорке. Зорко всматриваясь в ночную мглу, бойцы крепко сжимали в руках оружие, готовые в любую минуту вступить в схватку с противником.
До Исакогорки оставалось уже менее пяти верст. Неожиданно поезд затормозил и остановился. В чем дело? Смотрим, а впереди, у моста через речку Илас, рельсы разобраны, на пути, глубоко врезавшись в насыпь, лежат два сцепленных паровоза.
— Вот мерзавцы! — в сердцах выругался Михаил Сергеевич. — Не хотят нас пускать на станцию. Но мы до этих белогадов все равно доберемся.
Рассыпавшиеся по лесу для обследования местности красноармейцы обнаружили одного из главных виновников созданного препятствия — начальника отделения службы движения инженера Митропольского. Притаившись в кустах, он рассчитывал, что с кедровским поездом произойдет крушение, а ему, Митропольскому, в темноте удастся уйти незамеченным. Предателя расстреляли на месте преступления.
По приказу Кедрова наскоро сформировали добровольческий отряд численностью около 400 человек. Под командованием управляющего делами «Советской ревизии» А. В. Эйдука отряд скрытно стал приближаться к станции. Утром 3 августа бойцы ворвались в Исакогорку, заняли здание вокзала, паровозное депо, телеграф, радиостанцию. Застигнутые врасплох белогвардейцы в панике разбежались. Вместе с ними скрылись в лесу начальник станции Ильинский, его помощники и другие представители железнодорожной администрации.
Кедрова и всех нас, коммунистов, тревожила судьба Андрея Зеньковича. От рабочих мы узнали о его трагической гибели. Белогвардейцы схватили Зеньковича на станционном телеграфе и зверски расправились…
Не встретив в Исакогорке сопротивления, отряд продвинулся до Бакарицы. Но тут на него накинулась эскадрилья английских гидропланов, которые начали бомбить и обстреливать красных из пулеметов. Суда интервентов открыли по Бакарице и Исакогорке огонь из тяжелых орудий. Отряду Эйдука, вооруженному только винтовками и ручными пулеметами, пришлось отступить. Преследуемый английскими гидропланами, под вечер он вернулся к поезду. Огнем зенитных пулеметов один гидроплан был сбит и, резко снижаясь, упал в лесу недалеко от станции. Остальные стервятники поспешно скрылись.
Короткий рейд отряда Эйдука имел важное значение. Он выявил силы противника и сорвал его планы «молниеносного» продвижения по железной дороге в сторону Вологды…
Все наши составы организованно отошли к Обозерской. Оставляя станцию Тундра, мы взорвали пороховой склад, сняли телеграфные и жезловые аппараты. Убрали все эти аппараты и на станции Холмогорская, на разъездах. На всем пути до Обозерской разрушали за собой мосты, семафоры, стрелки. На подступах к Обозерской наши отряды окопались, соорудили блиндажи с круговой обороной, оборудовали артиллерийские позиции…
Назначенный начальником охраны и обороны Няндомского участка Северной железной дороги, я держал постоянную связь с М. С. Кедровым. По его указанию на линии Обозерская — Няндома мы организовали усиленную охрану пути и всех железнодорожных объектов. Совместно с полевым контролем… штаба фронта выкорчевывали контрреволюционные гнезда, ловили вредителей и саботажников, орудовавших на линии, задерживали шпионов, диверсантов и всех тех, кто пытался пробраться через фронт в Архангельск, оккупированный англо-американскими и французскими войсками.
В одном из поездов нам удалось обнаружить некоего Папилова, который пробирался в Архангельск. До вторжения в город интервентов он был одним из меньшевистских лидеров в Архангельске. В июне 1918 г. архангельские чекисты арестовали Папилова, как ярого врага Советской власти, и вместе с группой других контрреволюционеров под конвоем отправили в Москву. Сбежав оттуда, Папилов намеревался тайно пробраться через линию фронта… Отобранную у Папилова контрреволюционную переписку мы с нарочным отправили Кедрову. На другой день я получил по телеграфу приказ: «Задержанного контрреволюционера Папилова приказываю немедленно расстрелять. Об исполнении донести мне. М. Кедров».

Приказ был выполнен. Белые узнали об этом и в статье, напечатанной в архангельской белогвардейской газете, разразились угрозами в адрес Кедрова и Василевского. Папилова же они представили «невинной жертвой» большевиков.

В боях за советский Север.

Воспоминания участников борьбы

с интервентами и белогвардейцами

на Севере в 1918–1920 гг.

Архангельск, 1967, с. 76–86

И. В. Викторов

. ОРГАНИЗАТОР ОБОРОНЫ СЕВЕРА

В ночь на 3 августа Михаил Сергеевич Кедров прибыл на станцию Тундра (в 40 километрах от Архангельска). Эта ночь запомнилась мне на всю жизнь. Здесь произошла моя первая встреча с Кедровым. Будучи помощником машиниста, я накануне днем дежурил на станции Исакогорка на паровозе ОД № 1319. В самый последний момент, когда белогвардейцы и французы уже занимали станцию… мне удалось под ружейным огнем из-под самого носа неприятеля угнать на юг новенький паровоз. О моем прибытии на станцию Тундра кто-то доложил Кедрову, и Кедров срочно вызвал к себе в служебный вагон «этого, — как он выразился, — молодца». Узнав об этом, «молодец» разволновался. Однако Кедров оказался человеком в высшей степени простым, он дружески пожал мне руку и подробно расспросил меня о подвижном составе, о состоянии пути и о настроениях железнодорожников. Прощаясь со мной, он дал какое-то распоряжение своему помощнику А. Эйдуку. Тут же я получил винтовку с патронами, шинель, сапоги и… целую буханку черного хлеба, от которой через несколько минут ничего не осталось.

Позднее, в 30-х годах, я часто бывал у Михаила Сергеевича в его московской квартире на Солянке. Всякий раз я встречал у него самый радушный, сердечный прием и наслаждался его игрой на рояле. В 1935 г. я получил от него письмо и зашел к нему. Не думал я тогда, что в последний раз вижу дорогого сердцу каждого ветерана северной эпопеи Михаила Сергеевича Кедрова…

Но вернемся к грозным августовским дням 1918 г.

Приезд Кедрова в Тундру сразу воодушевил людей, преданных делу революции. Михаил Сергеевич быстро навел порядок и дисциплину. По его приказу в Тундре были задержаны отправленные из Архангельска воинские эшелоны. Когда работники «Ревизии» обошли все вагоны этих эшелонов, то подчиниться отказались только несколько пьяных солдат.

Для создания отпора неприятелю, вторгшемуся по железной дороге, М. С. Кедрову необходимо было выяснить, сколько железнодорожников перешло на сторону интервентов и сколько осталось на стороне Советов. С этой целью Кедров пригласил в свой служебный вагон для доклада… руководителя большевиков-железнодорожников Архангельского узла Ф. А. Лукова…

Для борьбы с оккупантами по указанию Кедрова… был создан военный отряд. Его ядро образовали латышские стрелки «поезда Кедрова» и коммунисты, которым удалось вырваться из Архангельска. В отряд влились также рядовые красноармейцы, отступившие из Архангельска. Большинство сотрудников «Ревизии» вступили в него добровольцами. Начальником отряда Кедров назначил Александра Эйдука. Отряд быстро погрузился в товарные вагоны, вагоны прицепили к моему паровозу, и я повел этот воинский состав по направлению к Архангельску, занятому белыми. В этом же поезде ехал с нами и Кедров. Намерения были такие: выбить белогвардейцев из Исакогорки и двинуться дальше, к Бакарнце и Архангельску-Пристани, чтобы закрепиться на левом берегу Северной Двины… Не зная, где находится неприятель, мы вынуждены были ехать тихим ходом. Проехав мост через реку Илас, мы увидели на пути препятствие — разобранные рельсы и два сваленных паровоза, один из них был еще под парами. Пришлось остановиться.
У отряда не было никаких приспособлений и инструментов, чтобы удалить с пути паровозы и исправить полотно. Убедившись, что поездом ехать дальше невозможно, вооруженный пулеметами отряд выгрузился из вагонов и пошел дальше пешком. До Архангельска оставалось всего 14 километров. Но попытка захватить Исакогорку не удалась. Сил для этого оказалось слишком мало. Пришлось отступить сначала к Тундре, а затем дальше на юг, до станции Обозерская, сыгравшей впоследствии такую важную роль в развитии событий на Севере. Кедров решил сделать эту станцию опорным пунктом нашей обороны, а затем и развернуть наступление на Архангельск. Сюда я и доставил «поезд Кедрова».
Итак, Архангельск оказался в руках интервентов и белых. Этому в значительной мере способствовала измена военных специалистов, пробравшихся в штаб обороны города… Как и в Мурманске, в Архангельске не сумели своевременно разоблачить предателей, занимавших руководящие военные посты, — бывшего контр-адмирала Виккорста, полковника Потапова и ротмистра Берса, действовавших тихо и незаметно. Они, по существу, сорвали выполнение оборонного приказа Кедрова…
Находясь на станции Обозерская, Михаил Сергеевич 6 августа 1918 г. обратился к населению Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний с воззванием. Оно не только ярко и красочно рисует создавшееся положение, но и красноречиво характеризует и самого автора — М. С. Кедрова — как пламенного большевистского трибуна. Приведем это воззвание полностью:
«Наши бывшие союзники англичане, французы, американцы, которые так много говорят о своей любви и дружбе к русскому народу, проявили теперь воочию свое действительное лицо. Они коварно захватили Архангельск, бомбардировали подступы к нему, и вместо хлеба мы получаем от них зажигательные бомбы с их аэропланов. Вместо мануфактуры — свинец в виде разрывных пуль из их ружей и пулеметов. Свою мнимую любовь они заменили бешеной ненавистью к русскому народу за то, что он не захотел больше принимать участие в их грабительской войне, продолжающейся уже пятый год в унесшей десятки миллионов жизней бедноты и принесшей десятки миллиардов барышей кулакам, фабрикантам, купцам и помещикам. За то, что русский народ прогнал своих помещиков, забрал у фабрикантов награбленное от бедноты богатство и установил Советскую власть, власть бедноты над богачами…
А русские богачи, потерявшие власть и надежду вернуть ее себе своими силами, обращаются к иноземным царям, генералам и прочей грабительской своре за помощью и за свои поместья, фабрики, заводы и банки, которые надеются вернуть иноземными штыками, они бессовестно продают свободную Россию — наше рабоче-крестьянское Отечество.
И здесь, как везде, где они временно побеждают, они восстановят свои прежние суды, земских начальников, сельских старост и прочую шваль, а также все законы и порядки, так хорошо знакомые вам и вашим трудовым спинам. Первое время из запасов, которые мы не успели везти, они будут давать вам может, вдоволь хлеба, как на Мурмане, чтобы подкупить вас в свою пользу за чечевичную похлебку, но знайте, что щедрость их пройдет, как только они укрепятся здесь и иссякнут наши запасы. Вас ждет голод, так как из своих запасов они вам ничего не дадут, как не дают своей бедноте, умирающей с голоду.
Но мало того: англичанам, французам и американцам для пополнения своих полков нужна беднота как пушечное мясо. Всего у них вдоволь: и пущек, и снарядов, и денег. Но мало людей. За ними они пришли в Советскую Россию, определенно заявившую, что не хочет

войны ни с кем и стремится жить в мире со всеми народами, кроме кулаков и богачей. И будут подкупать вас деньгами и как наемных убийц гнать не против немцев и турок, а против своих же родных братьев. Мы временно отступаем перед их крейсерами и дальнобойными орудиями. Но мы придем неизбежно, ибо нет той силы, которая могла бы сокрушить власть миллионов рабочих и крестьян».
Воззвание заканчивалось пламенным призывом к беспощадной борьбе с врагами молодой Советской республики:
«Настал решительный час. Всякий, в ком не остыла душа и не зачерствело сердце, пусть делает все, чтобы сокрушить иноземных насильников. С оружием в руках идите в наши ряды, образовывайте партизанские дружины, связывайтесь между собой и Красной Армией. Ловите и уничтожайте шпионов. Преграждайте всякими способами путь врагу. Ставьте тысячи препятствий в каждом его передвижении, сжигайте мосты, через которые пытается он перейти, портите железнодорожные пути и дороги, по которым он движется. Пусть пожаром будет объято все то, к чему он будет протягивать руки.
Пусть тысячи глаз следят за каждым его движением.
Пусть на каждом шагу его ждет засада и смерть.
Пусть все мужчины и женщины превратятся в беспощадных мстителей, истребляющих огнем и мечем своих угнетателей.
Беспощадная смерть им!»
Приостановив на станции Обозерская дальнейшее продвижение неприятеля на юг, командование утвердило надежных командиров для прибывших на фронт воинских частей. Кедров организовал фронтовое управление и штаб. Начальником штаба был назначен Самойло, начальником оперативного управления — Лисовский.
Север испытывал острейшую нужду в преданных Советской власти людях — боевых защитниках, о чем и телеграфировал 10 августа в Смольный М. С. Кедров: «…присылайте надежных товарищей, бывших офицеров и просто желающих бороться революционеров».
В ответ на просьбу Кедрова на Север спешно отправился 7-й инженерный летучий боевой отряд имени Петроградского губсовдепа в количестве 80 человек под командой П. А. Солодухина. Погрузив в вагоны двуколки, колючую проволоку, пироксилиновые шашки, разное военно-инженерное имущество, лошадей и два броневика, отряд направился через Вологду и Котлас в распоряжение командира Северодвинской речной военной флотилии П. Ф. Виноградова.
В первую же неделю продвижение англо-французов и белогвардейцев в глубь страны было приостановлено, угроза быстрого захвата Вологды устранена…
На заседании Высшего военного совета Кедров был назначен командующим Северо-Восточным участком завесы…
Кедров не сразу согласился с этим назначением. Он написал даже заявление, в котором так объяснял причины своего несогласия: «Для меня, никогда не служившего в строю, не искушенного в военном искусстве и имевшего боевой стаж только как организатора боевых дружин в 1905 году и в 1917 году, как член „Военки“, подготовлявший большевистские силы для Октябрьской революции, было бы непростительной ошибкой принять ответственность за военные операции на новом фронте, где выступили на сцену регулярные англо-французские войска».
Кедров просил назначить другого командующего, но его просьба не была удовлетворена. Непосредственную помощь — буквально во всем — оказывал новому командующему Ленин. Он и резко критиковал, и всемерно поддерживал, и давал советы, и тщательно проверял. Это был строгий, требовательный и вместе с тем удивительно чуткий, внимательный, а главное, бесконечно мудрый руководитель: он глядел далеко вперед, неизмеримо дальше всех, кто с ним работал, кто под его руководством отстаивал плоды Великой Октябрьской революции…
Некоторые работники в Вологде опасались, что беспощадная борьба с контрреволюцией вызовет восстание, которого до сих пор удавалось избежать. Однако иного мнения на этот счет придерживались сами контрреволюционеры. Один из вожаков «Союза возрождения» писал позже: «…вследствие репрессий по отношению к Вологде, массовых арестов, поквартальных обысков и облав было решено выступление в Вологде не организовывать.

Работу в ней „Союза возрождения“ ликвидировать и вывести остатки наших сил из Вологды, спасая их от разгрома со стороны Кедрова».
Это произошло после того, как Михаилу Сергеевичу вместе со своими сотрудниками удалось раскрыть широкую контрреволюционную офицерскую организацию, которая действовала на севере республики и преследовала открыто монархические цели. Главный штаб ее находился в Петрограде, а отделения — в целом ряде городов, в том числе и Вологде. Фактическое руководство организацией осуществляло английское консульство. Первоначально контрреволюционеры предполагали поднять восстание в Вологде 8–9 августа, но из-за недостатка боеприпасов и оружия осуществить этот план не удалось. Ликвидация офицерской подпольной группы повлекла за собой раскрытие еще одной контрреволюционной организации, значительно более многочисленной и гибкой, а потому и более опасной… «Союза возрождения России»…

По этому поводу М. С. Кедров телеграфировал В. И. Ленину и Я. М. Свердлову, что в районах Вологды и Череповца обнаружены белогвардейские ячейки (преимущественно из бывших офицеров), намеренные поднять восстание белых в тылу на случай приближения англичан. «Арестован целый ряд участников, часть которых собственным сознанием вполне раскрыла всю организацию, действовавшую при помощи и вокруг английской миссии в Вологде»
[48]
.

После провала плана восстания контрреволюционеры решили направить основные усилия на разложение армии и дезорганизацию снабжения фронта. При этом они не брезгали никакими средствами.
Напоминание Ленина о необходимости усилить бдительность было поэтому как нельзя более своевременным.
Ленин шлет Кедрову на фронт письма и телеграммы с указаниями и практическими советами, которые Михаил Сергеевич проводил в жизнь с подлинным энтузиазмом. Так, получив от Ильича указание об использовании местной буржуазии для рытья окопов, он тут же объявил мобилизацию, и в результате на фортификационные работы было направлено свыше тысячи человек.
Следуя предписаниям Ленина, Кедров после получения сведений о готовившихся контрреволюционных выступлениях в тылу обязал губисполкомы:

«Немедленно принять решительные меры к остановке в самом зародыше распространившейся волны контрреволюционного движения. Напрячь все силы, чтобы противопоставить зарождающейся волне контрреволюционного движения свою широкую волну революционного движения в форме организации военно-революционной обороны»
[49]
.

Текст этого приказа был телеграфно сообщен 15 августа 1918 г. ЦК партии и Ленину. Секретарь ЦК партии Е. Д. Стасова, получив текст приказа Кедрова, направила в тот же день Вологодскому партийному комитету и губисполкому срочную телеграмму, в которой предписывала: «Телеграмму Кедрова от пятнадцатого августа 1918 г. № 3573 принять к неуклонному исполнению, оповестите все уезды». В ответ председатель Вологодского губернского партийного съезда М. К. Ветошкин телеграфировал:
«Петроград. Смольный, секретарю ЦК Стасовой.
Все положения телеграммы Кедрова приняты губернским съездом партии коммунистов, резолюция которого роздана делегатам волостей, уездов для неуклонного руководства. Кроме того, съезд принял постановление о срочном выставлении каждой волостью губернии надежных советских отрядов. Решения съезда отсылаются вам почтой. Съезд созван был губкомом партии, губисполкомом для организации обороны края.

Присутствовало 120 делегатов»
[50]
.

Для передачи в Москву секретных сведений, докладов, сообщений военного характера и фронтовых сводок Кедрову необходим был фельдъегерь — надежный, проверенный нарочный, который, по возможности не привлекая к себе внимания при поездках в Москву и обратно на фронт, мог бы доставлять почту Ленину и в Реввоенсовет республики. Таким нарочным стал четырнадцатилетний сын командующего…
Кедров недолго командовал Северо-Восточным участком отрядов завесы, но это был один из самых трудных и ответственных периодов борьбы с интервентами на Севере. С возложенной на него задачей Кедров справился. Наступление превосходящего и по численности и по технике противника было парализовано, его планы соединения через Котлас и Вятку с силами контрреволюции, действовавшими в Сибири, были сорваны. Разрозненные воинские отряды в исключительно трудных условиях удалось объединить в одну армию (6-ю), покрывшую себя неувядаемой славой…

Викторов И.

Подпольщик, воин, чекист,

М., 1963, с. 47–61

М. И. Сбойчаков
. НА ПОСТУ КОМАНДУЮЩЕГО

Специальный эшелон — несколько товарных вагонов с латышскими стрелками и красноармейцами, платформа с пулеметами, посредине классный вагон наркома — мчался с самой высокой скоростью, какую только мог развить паровоз, в топку которого за неимением угля бросались дрова. Кедров же испытывал нетерпение. Он плохо спал ночь, а с рассветом часто подходил к окну, смотрел на проплывавшие деревья и телеграфные столбы, теребил усы, подковой соединяющиеся с короткой бородкой.
Тревожные думы овладели им с того часа, как их беседу с вождем прервала телеграмма о захвате интервентами Онеги. Ничего неожиданного, конечно, нет — нападение предвидели. Еще в марте на VII съезде партии Ленин указал, что империалисты захотят отнять у нас Архангельск. И все же надеялись выиграть время, получить более длительную отсрочку. Как бы то ни было, Кедров никак не предполагал, что ему придется возглавить оборону края.
…И поныне можно встретиться с мнением, что, по образованию юрист, врач и музыкант, он попал на этот большой военный пост только из-за нехватки военспецов и к тому же фронт якобы имел второстепенное значение. И то и другое неверно. Защиту Севера Ленин поручил Кедрову не случайно. Учитывал, что он три месяца возглавлял «Советскую ревизию», хорошо изучил положение северных губерний, занимался организацией обороны, познакомился с людьми. А самое главное — знал, что Кедров — профессиональный революционер, не рядовой участник вооруженного восстания в девятьсот пятом году. Это не ниже военного образования.

Именно такой руководитель и требовался на Севере, где наступление в августе обещало интервентам особые выгоды, поскольку они заранее сосредоточили вооруженные силы, в то время как у нас были лишь отдельные отряды, не обеспеченные продовольствием и снаряжением. «Этот фронт… был особенно опасным, — подчеркивал Владимир Ильич и пояснял: — потому что неприятель находился там в наиболее выгодных условиях, имея морскую дорогу…»
[51]

В своей книге «За советский Север» Михаил Сергеевич вспоминает основные моменты, относящиеся к началу борьбы. Читая ее, ощущаешь скромность старого большевика. Совсем мало говорит о себе, больше о боевых подвигах подчиненных, самокритичен. Чего стоит, скажем, его рассказ о том, как не сразу понял, за что Ленин объявлял ему выговор. Архивные документы и свидетельства участников событий, с которыми автору очерка довелось встречаться, позволяют восполнить этот пробел. Бывший вологодский губвоенком и командующий войсками Котласского района А. А. Медведев утверждал:

— Ни один военспец не сделал бы того, что сделал Кедров. Опасный момент требовал сочетания военно-организаторской и политической работы. Все это было под силу ему, наделенному властью наркома, приобретшему популярность и авторитет за время «Ревизии».

В правоте этих слов убеждаешься, проследив за действиями наркома, ставшего командующим еще не развернувшегося фронта.

Первую продолжительную остановку эшелон сделал в Вологде. Пока будут менять паровоз, нарком решил провести совещание с партийными и советскими руководителями губернии, о чем подал депешу с дороги.

Губернские руководители ожидали поезд. Едва он остановился, вошли в вагон, поздоровались. Кедров хорошо их знал — старые большевики М. К. Ветошкин, И. А. Саммер, Ш. З. Элиава. Обрадовался, увидев комиссара Беломорского округа А. И. Геккера, которого в июле отправляли с отрядом в Ярославль.

— Мятеж подавлен, товарищ нарком, — доложил он. — Наверняка он к высадке десанта приурочивался.

— Безусловно, — ответил Кедров. — Как и Шенкурский.

Кедров расстроился, что Вологда не знала подробностей об онежском десанте. Погадали вместе. Возможно, с захватом Онеги противник станет ждать развязки в Архангельске. А может, двинется на восток, чтобы перерезать Северную железную дорогу и тем облегчить задачу овладения Архангельском?

Последний вариант, пожалуй, наиболее вероятен. Нужно позаботиться и о складах Сухоны и Котласа, куда вывезено немалое количество оружия и боеприпасов. Взяв листок бумаги, Кедров набросал телеграмму в наркомат по военным делам: «Срочно требуется выслать полторы тысячи пехоты и подрывную команду со взрывчаткой».

На совещании подобрали членов Военного совета тылового района во главе с Геккером, и Кедров утвердил его приказом. Вторым приказом он объявил осадное положение в Вологде, Сухоне, Котласе, Череповце, Грязовце и Архангельске.

— Опубликуйте его в печати, — сказал он, передавая приказ Ветошкину, и, обращаясь ко всем, добавил: — Надо организовать патрулирование на улицах, взять под контроль железные дороги, задерживать всех подозрительных.

Распрощался с вологжанами в уверенности, что главное его ждет в Архангельске, куда планировал прибыть 2 августа. Бои за порт должны принять затяжной характер, поскольку на подступах к нему создан оборонительный пункт на острове Мудьюг и предусмотрено заграждение фарватера Двины.

Многое связывал со своим прибытием в город командующий. Лишь бы скорей добраться. Но на его пути одна за другой вырастали преграды. Сначала пришел сигнал о продвижении английского десанта от Онеги. Надо высылать против него силы. Лучше всего это сделать со станции Обозерская, откуда пролегает тракт на Онегу. Поспешили туда, но вскоре поезд остановила телеграмма из Архангельска: десант будто бы вышел к Обозерской. Дорога перерезана. Как быть? Без промедления нарком принимает решение — на полном ходу

ворваться на станцию и, если потребуется, завязать схватку, любой ценой расчистить путь. В сущности, всем эшелоном двинуться в разведку-наступление. Иного выбора не было.
К счастью, сигнал о захвате оказался ложным.
— Наверняка его подали враги, — сказал управделами Эйдук.
— Хорошо, что не поддались, не остановились, — ответил Кедров.
На спешивший эшелон продолжали сыпаться тревожные телеграммы. Острейшая из них — о падении Мудьюга. Затрудняется оборона города. Кедров шлет телеграфное приказание: защищать Архангельск до последней возможности, не отступать до его прибытия.
Нарком сохранял мужество и был полон веры в успешную оборону города даже тогда, когда получил сведения о начавшейся стрельбе в порту, о том, что над портом кружат английские гидросамолеты, о бегстве губернского руководства.
С большевистской решимостью наводит порядок в паниковавших эшелонах на станции Тундра, повернул их назад, увлекая личным примером.
Можно представить его состояние, когда перед станцией Исакогорка продвижение эшелонов остановил завал и порча пути. В сущности, на подступах к городу. Дав грозную телеграмму о высылке ремонтной бригады, он метал гром и молнии в адрес Совета обороны, не позаботившегося о безопасности движения, проявив явное благодушие в условиях военной обстановки. Не ведал он, что все преграды на его пути воздвигали предатели, до последнего часа маскировавшие свои действия и больше всего боявшиеся прибытия эшелонов.
Надо сказать, что, несмотря на устроенный завал, у Кедрова еще сохранялась возможность достичь цели. Он упустил ее поспешным решением о расстреле инженера Митропольского, приняв его за организатора диверсии. Своим поведением тот дал повод для обвинения (вместо того чтобы выйти открыто к поездам, наблюдал из кустов). Если бы нарком сумел проверить, то убедился бы, что инженер говорил правду. Начальник станции Рыжков действительно, получив телеграфное приказание, моментально создал ремонтную бригаду и сам отправился с него к месту происшествия. Но так как до этого пришло ложное сообщение о занятии Обозерской англичанами, проявил осторожность, послав инженера в разведку. Не дождавшись его, повернул бригаду назад. (Предстанет перед судом белогвардейцев «за пособничество Кедрову».)
Трудно сказать, как сложились бы обстоятельства, не случись этой беды. Ясно одно: не под колокольный звон вошли бы интервенты в Архангельск, а встретили ожесточенное сопротивление, которое, возможно, и не смогли бы преодолеть.
Нарком возлагал надежду на отряд Эйдука, посланный ночью в разведку. По достижении города тот должен был дать сигнал. Тогда отряды в пешем порядке устремятся туда.
Мучительно тянулось безвестное время. Ко всему еще и с Москвой связь прервалась, не сообщить о положении (потом узнает, как беспокоился Ленин, посылая запросы о месте нахождения поезда). Лишь ненадолго засыпал нарком, потом беспрестанно ходил взад-вперед. Окна настежь, а ему душно. Спустился на землю, глубоко вдохнул утреннюю свежесть. Из-за леса поднималось солнце. Хмуро взглянул на него. Наступал день 3 августа. Досадно! Уже сутки как был бы на месте.
В лесной тишине разнесся отдаленный гул. Кедров насторожился. Похоже, артиллерия. Вопросительно взглянул на Ленговского, ответработника «Ревизии» из военспецов.
— Бьет дальнобойная, — определил он. — И аэропланы летают.
Гул то затихал, то снова доносился. Почти весь день строили предположения относительно складывающейся обстановки в городе, ожидая вестей от Эйдука. И телеграмма пришла, но какая!.. Будто он перешел на сторону белых и зовет всех. Чушь! Старому большевику-латышу Кедров верил, как самому себе. Смущало лишь, откуда враги узнали фамилию.
Только под вечер прояснилось. К эшелонам вышел Ф. А. Луков — руководитель большевиков Архангельского железнодорожного узла.
— Пал Архангельск, — сказал он. — Еле выбрался оттуда. На Исакогорке губвоенкома Зеньковича схватили. В Бакарице появлялся красноармейский отряд, наверно Эйдука. На него обрушили огонь крейсера и гидропланы.
Значит, надо отступать, скрепя сердце решил Кедров. Ожидая возвращения разведки, выделил отряд прикрытия. Хорошо бы усилить его. Но чем? Взгляд остановился на завале. А что, если партизанский отряд образовать?

— Берись за это дело, товарищ Луков, и будете вот таким манером действовать, — указал на завал.
— Организую, товарищ нарком. Вовлеку кондукторов, смазчиков, кочегаров, стрелочников.
С острым чувством досады Кедров повел эшелоны в Обозерскую. И здесь, в 130 километрах от Архангельска, его ожидали неприятности. Посланный ранее запрос о высылке подкреплений остался без ответа, а выделенный отряд не смог сдержать онежский десант, который продвигался по тракту, уже в трех переходах от станции. Спешно отправив два отряда в сторону противника, Кедров собрал начальников секций «Ревизии» и объявил приказ об образовании штаба войск Беломорского района и о разгрузке эшелонов.
Понимал, конечно, что наличных сил недостаточно и надежд на скорую присылку мало. Поэтому, закончив совещание, сел писать обращение к населению Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний. Основу продумал ранее, теперь старался поярче выразить мысли. Работал с увлечением. Даже резкий гул в воздухе не отвлек его. Подняли из-за стола крики: «В укрытие!» Он увидел, как стремительно разбегались люди от путей, бросались на землю, прятались за деревьями.
— Аэроплан, товарищ нарком, выходите! — закричал ему снизу Эйдук.
Кедров отмахнулся рукой, снова сел за стол. Сливаясь с гулом мотора, трещал пулемет, а он продолжал писать, громко проверяя слова на слух. Строчка за строчкой ложились на бумагу. «Мы временно отступаем перед их крейсерами и дальнобойными орудиями. Но мы придем неизбежно, ибо нет той силы, которая смогла бы сокрушить власть миллионов рабочих и крестьян». Завершил призывом к мести народной, создавать партизанские отряды. Вошел Эйдук, обеспокоенный состоянием наркома, не вышедшего в укрытие. Сказал:
— По пустым вагонам эшелонов прострочил воздушный пират из пулемета. Успели разгрузиться. А вам следовало бы поберечься, товарищ нарком.
— Учту. Больно увлекся. Ну-ка, почитайте.
Управделами прочел вслух и воскликнул:
— Замечательно! Набатом звучат слова.
— В местной типографии отпечатайте листовкой. Передайте также мой вызов представителей ближайших уездных, волостных и сельских Советов на станцию Плесецкая.
На следующий день нарком провел там инструктаж и раздал напечатанные листовки.
Опыт революционера, основанный на связях с массами, принес свои плоды. Вскоре пошли донесения о создании и действиях партизанских отрядов.
В напряженных делах приутихла досада, что не пробился к Архангельску.
Железнодорожное направление прикрыто, по крайней мере, на первое время, до получения подкреплений. Беспокоила оборона Северней Двины, о чем протелеграфировал Ленин.
Связаться с ним можно лишь из губернского центра. Поручив командование отрядами железнодорожного направления Ленговскому, отбыл в Вологду, которая встретила его большими новостями. Оказывается, пока Кедров укреплял железнодорожное направление, Высший военный совет создал отдельный Северо-Восточный участок завесы (СВУ), призванный прикрывать фронт, протяженностью 850 километров, все северо-восточные области Российской республики.
Главное внимание Северной Двине. Заслушав доклад Геккера, одобрил посылку в Котлас вологодского губвоенкома Медведева с отрядом и действия Павлина Виноградова по созданию речной военной флотилии.
Неотложных вопросов вставало много, дня не хватало, до глубокой ночи горел свет в салон-вагоне, стоявшем на запасном пути. Оперативно рассматривались ленинские телеграфные распоряжения, постановления Высшего военного совета. Сложную ситуацию создал приказ Троцкого о расстреле членов Архангельского губисполкома. Неделю назад Кедров негодовал на них за бегство, но сейчас узнал об их активности на Северной Двине.
Можно ли огульно всех под расстрел? Тем более что оборона города возлагалась на Военсовет, состоящий из военспецов. Резкий протест секретаря Архангельского горкома В. И. Суздальцевой и других против приказа Троцкого утвердил позицию Кедрова. Приказом он обязал пред-губисполкома С. К. Попова написать объяснение лично Ленину.

Фронтовая напряженность усугублялась обостренностью в тылу. Хоть и своевременно выдворили послов, в Вологде было неспокойно. 9 августа пришла предостерегающая телеграмма Ленина: «Напрячь все силы для немедленной, беспощадной расправы с белогвардейцами, явно готовящими измену в Вологде…»
[52]

Кедров позвал Эйдука:
— Возглавляй этот внутренний фронт. Действуй вместе с Вологодской губчека.
В дополнение опубликовал в газете строгий приказ: все пытающиеся проехать от станции Вологда на Архангельск без необходимых на то документов подлежат задержанию.
Поступили добрые вести с фронта. Сначала с железнодорожного направления об успешном отражении вражеских атак. Тут же обрадовал Павлин Виноградов своим ночным налетом на базу интервентов.
Поступил приказ о назначении Кедрова командующим СВУ. Тотчас принялся за формирование штаба. Основные кадры были рядом: работники управления Беломорского округа и «Ревизии». Одновременно создавал оргмоботдел — прообраз будущего политотдела.
В это время резко обострилась обстановка. Вспыхнул контрреволюционный мятеж в Ижевске. Геккер, принесший эту недобрую весть, наблюдал, как командующий несколько минут молчал, подавляя волнение, прежде чем с присущей ему твердостью объявил:
— Ликвидацию мятежа поручим Вятскому району под командой Медведева. А вы, товарищ Геккер, примите от него командование Котласским районом.
Вслед за Геккером явился Эйдук. Кедров отставил все дела. На днях пойман бывший офицер Харченко, который после отпирательств раскрыл пароль и опознавательный знак мятежников — золотая пуговица на френче или шинели. Решили проверить — ловить на золотую пуговицу офицеров, пробирающихся на Север. Одновременно Кедров попросил М. С. Урицкого выслать из Петрограда отряд чекистов. Тот выполнил просьбу.
— Ну как, действует золотая пуговица? — нетерпеливо спросил Кедров.
— Действует, — бросил в ответ Эйдук. — В первом же заходе на станции Чебсара на нее попался важный зверь — полковник Куроченков, бывший командир «батальона смерти».
— Ну, ну?!.. Что же таким расстроенным голосом докладываешь? Это ж крупный успех.
— Был, да сорвался.
— То есть как?
— Конвоиры прозевали. На ходу поезда из уборной в окно выскочил.
— Безобразие! Прочесать местность.
— Прочесываем, но нашими силами много ли охватишь.
Кедров знал это, но с фронта не возьмешь, без смены бойцы на позициях стоят. Выход один — с новой силой поднимать партийные организации, трудовые массы.
Сел за приказ о немедленном принятии решительных мер к пресечению распространявшейся волны контрреволюция в тылу.
Под знаком мобилизации сил в Вологде прошел II чрезвычайный губернский съезд совместно с представителями Советов и беспартийным активом.
Губком сообщал Ленину: «…практические положения телеграмм Кедрова приняты резолюцией губернского съезда к неуклонному руководству и исполнению. Съезд постановил в срочном порядке выставить от каждой волости добровольные советские отряды. Всем уездам рассылаем агитаторов, спешно организуем комитеты бедноты».
Так, действуя по указаниям Ленина, командующий соединил политическое руководство с военным. В этом был залог успеха. Из документов и воспоминаний видно, как твердо и умело решал он боевые задачи, оставаясь без резервов. Скажем, когда англо-французские войска прорвались к Шенкурску, создав угрожающее вельско-шенкурское направление, командующий смог отправить туда только небольшой отряд В. Р. Бородулина. Ориентировал командира на связь с партизанами.
Не менее острая ситуация возникла на Печоре, и там появились белогвардейцы. Возникла опасность соединения северных интервентов с белочехами. В далекий путь Кедров отправил отряд М. Мандельбаума.

С ошеломляющим докладом явился начштаба А. А. Самойло: сдана Обозерская! Парком даже не поверил сначала. Ведь туда только что послан полк, поступивший из Петрограда. Столько времени держали малыми силами и вдруг… Проглядели петроградцы, что в полк проникли бывшие офицеры, имевшие специальное задание. Огромное напряжение потребовалось, чтобы остановить врага, бросившегося в прорыв…
Опираясь на активность советских людей, чекисты разгромили контрреволюционные силы. И это равнялось крупной победе на фронте, о чем Кедров протелеграфировал Ленину.
К началу сентября положение на фронте выравнялось. Более того, красноармейцы во взаимодействии с партизанами стали наносить чувствительные удары по интервентам. Одно за другим летели донесения Кедрова в Москву. О разгроме сводного англо-американского батальона, об освобождении ряда населенных пунктов на онежском направлении.
Повеселел командующий, но ненадолго. Пришла директива РВС республики о преобразовании СВУ в 6-ю армию. Что ж, планомерно, завеса приводилась в соответствие со структурой Красной Армии. А конец директивы явился полной неожиданностью: Кедров от должности освобождался. Прочитав эти слова, он долго сидел за столом, зажав бородку в кулак. Словно от удара, отяжелела голова. Ведь так основательно вжился в обстановку — привык к людям, чувствует биение пульса обширного фронта, знает сильные и слабые стороны. Жаль расставаться. А главное — снятие походило на незаслуженное наказание.
— Не интересами фронта продиктовано было отстранение, — говорил ныне покойный академик Б. М. Кедров, подростком выполнявший в те дни курьерские обязанности, доставляя письма отца Ленину. — Троцкий возмущался, что командующий имел прямую связь с Лениным, искал повода снять его и воспользовался ранением вождя, зная, что с жалобой в такой момент не пойдет.
От самого сердца вылились слова прощального приказа: «Оставляя командование, я выражаю глубокую благодарность за беззаветную, самоотверженную и плодотворную работу всем начальникам отделов и всему личному составу 6-й армии».
Около полутора месяцев пробыл Михаил Сергеевич на посту командующего, но за этот короткий срок он совершил дело, которое трудно переоценить. Проявил неустрашимость и революционное умение в самый трудный момент, каким являлся начальный период войны. Коварные планы интервентов — в течение двух недель завершить операцию — были сорваны. Под его командованием красноармейские части и партизанские отряды совершили подвиг, достойный всенародного признания.

Публикуется впервые

Г. М. Шаршавин

. ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА!

В 1918 г. со всех сторон набросились на Россию враги Советской власти. Тысячи вологжан ушли защищать социалистическое Отечество. Перед оставшимися в тылу встала задача оказать всемерную помощь фронту. Эта помощь выражалась в самых различных формах. На заводах, фабриках и в мастерских самоотверженно трудились рабочие, стремясь дать как можно больше продукции, обеспечить бесперебойное производство. Регулярно устраивались массовые воскресники и субботники. Заработанные деньги шли на нужды фронта.
В городах и уездах проводились недели помощи Северному фронту, раненым красноармейцам, красноармейским семьям и т. д. В недели помощи фронту нередко организовывался поквартирный обход населения с целью сбора продуктов и теплых вещей, в которых нуждалась Красная Армия. Несмотря на то что с продовольствием было очень

трудно, люди, отказывая себе, собирали посылки для бойцов фронта. Каждый помогал, чем мог. Были в посылках и сухари, и табак, и мыло, и книги. Первые подарки от населения нашего края были вручены красноармейцам в 1-ю годовщину Октября.
Комсомольцы и молодежь городов, сел и деревень устраивали концерты, спектакли. Собранные деньги передавались в фонд помощи фронту.
Широко распространенным был и такой вид помощи, как отчисление от заработной платы рабочих и служащих по их собственному желанию. Так, в ноябре 1918 г. служащие всех учреждений Вологды и сухонских предприятий отчислили свой двухдневный заработок.
Большую работу проводили женщины. Не считаясь со временем, они собирали теплые вещи, стирали и штопали солдатское обмундирование у себя на квартирах, ухаживали за больными и ранеными красноармейцами.
Население нашего края участвовало также в фортификационных работах. В конце 1918 г. в связи с обострением положения на Северном фронте М. С. Кедров предложил местным органам Советской власти принять меры к укреплению районов Вологды и Сухоны. Начали рыть окопы и сооружать проволочные заграждения. На оборонное строительство были полностью переключены служащие учреждений… На эти работы была мобилизована местная буржуазия.
Партийными организациями края проводилась большая агитационно-разъяснительная работа среди населения и мобилизованных на фронт… Партийные и комсомольские работники были тесно связаны с боевыми частями, постоянно выезжали на участки Северного фронта, проводя там широкую политическую работу среди красноармейцев.
На Северном фронте находились лучшие партийные силы нашего края. Членами Реввоенсовета 6-й армии были большевики Н. Н. Кузьмин и М. К. Ветошкин.
В 1918–1919 гг. я работал председателем заводоуправления национализированных сухонских фабрик и был членом президиума Сухонского райсовета.
Сухонской партийной организации приходилось решать различные вопросы, касающиеся мобилизации на фронт, обороны района, помощи фронту. С сухонских предприятий ушли на фронт сотни добровольцев… Нашей парторганизации и районному Совету была поручена охрана большого артиллерийского склада на станции Сухона. В связи с этим мне вспоминается встреча с М. С. Кедровым.
Однажды меня срочно вызвали на станцию Сухона к Михаилу Сергеевичу Кедрову. Я уже раньше слышал о нем как о видном члене партии, соратнике Владимира Ильича Ленина по работе в эмиграции. Знал также, что Ленин направил Кедрова на Север для организации защиты Северного края от белоинтервентов.
На Кедрова было возложено командование войсками Северо-Восточного участка отрядов завесы. Штаб находился в Вологде, но специальный «поезд Кедрова» курсировал по железнодорожной линии Вологодской и Архангельской губерний.
Приехал я на станцию Сухона, разыскал вагон, в котором находился штаб. Кедров подробно расспросил… а затем задал вопрос: «Какова охрана находящегося на Сухоне артиллерийского склада боеприпасов?»
Я объяснил, что со стороны Сухонского Совета и заводоуправления приняты меры к охране склада, во главе охраны поставлен проверенный коммунист латыш тов. Лайвинг. М. С. Кедров записал мое объяснение, дал мне ряд советов по охране. Прощаясь со мной, он еще раз напомнил, что охрана склада должна быть надежной.
Встреча была короткой, но память о Михаиле Сергеевиче Кедрове осталась на всю жизнь: это был активный борец за укрепление власти Советов, верный член партии.
По призыву ЦК партии Вологодский горком в 1919 г. вынес решение о мобилизации на фронт всех членов горкома.
В новый состав горкома вошли товарищи Селиванов, Шомин, Шутенина и я. Вскоре губком и губисполком направили меня уполномоченным по мобилизации на фронт коммунистов и комсомольцев. В течение месяца только из Кадниковского уезда было отправлено на фронт более тысячи человек, из них большая часть пошла добровольцами. Коммунисты, комсомольцы, беспартийные — все способные владеть оружием шли защищать родной Север… Постоянная тесная связь тыла с фронтом, всемерная помощь Красной Армии со стороны населения значительно облегчили выполнение задач по разгрому интервентов и белогвардейцев на Севере.

За советский Север.

Сборник документов

и воспоминаний,

Вологда, 1960, с. 217–220

М. В. Епифанцев

. ПИТЕРЦЫ КРЕПИЛИ ФРОНТ

Советское правительство, лично В. И. Ленин принимали решительные меры для укрепления Северного фронта.

Из разных мест страны на Север шли эшелоны с боевыми отрядами рабочих и матросов, товарные поезда со снаряжением и продовольствием. Росла численность бойцов… сводились в полки и бригады разрозненные отряды добровольцев, крепла дисциплина в рядах защитников родной земли.

Петроград, конечно, не оставался в стороне от той энергичной помощи, которую оказывала в те дни вся страна Северному фронту. Мне приходилось встречаться на Севере со многими красноармейцами и командирами, прибывшими из Петрограда во второй половине 1918 г. Можно назвать и целые отряды, состоявшие преимущественно из питерцев: 7-й инженерный отряд под командой П. Л. Солодухина; конный отряд Хаджи-Мурата Дзарахохова, 4-й экспедиционный отряд моряков, 1-й Петроградский железный батальон, отряд путиловцев с артиллерийским дивизионом, отдельный батальон под командой А. С. Григорьева.

Один из первых питерских отрядов, отправленных на Северный фронт, формировался из рабочих под руководством Б. П. Позерна — председателя Военной коллегии Военного комиссариата Петроградской трудовой коммуны. Отбирали в него людей молодых, здоровых, преданных революции и имевших военную подготовку. Вместе с товарищами вступил в этот отряд и я — красногвардеец, молодой рабочий Невской заставы. Все мы получили боевой опыт на фронтах империалистической войны.

Стараниями Б. П. Позерна удалось раздобыть в старом арсенале шесть полуразобранных трехдюймовых орудий, снаряды и необходимую амуницию. Мы сами отремонтировали и собрали орудия, поскольку среди нас оказались люди, знакомые с артиллерийской техникой. Большие затруднения пришлось преодолеть, чтобы найти лошадей для нашей артиллерии. Извозопромышленники попрятали всех добротных коней.

Разослав бойцов отряда на поиски лошадей, нам удалось за две ночи полностью укомплектовать отряд конским составом.

В начале августа 1918 г. наш отряд прибыл в Вологду. Здесь нас переформировали — из одного отряда сделали два. Один из отрядов под командованием бывшего унтер-офицера Н. С. Сизова направили на станцию Плесецкая, под Архангельск, в подкрепление войскам М. С. Кедрова, а второй отбыл на Восточный фронт. Я оказался в первом отряде.

В пути следования, не доезжая километров 60 до Плесецкой, наш состав чуть было не пустили под откос. Эшелон стоял на маленьком разъезде, ожидая встречный товарный поезд. И тут неожиданно нашему машинисту вручили жезл, чтобы следовать дальше. Только мы тронулись, как навстречу из-за поворота выскочил поезд. К счастью, это

произошло днем. Машинист не растерялся — успел перевести кулису на задний ход и стал убирать состав обратно на разъезд. Машинист встречного поезда затормозил, но столкновение все же произошло. Правда, наши люди и лошади не пострадали, и пришлось лишь заменить паровоз. Арестованный нами начальник разъезда (он пытался скрыться, но был обнаружен за штабелями дров) во всем сознался, был судим и расстрелян.
Эту диверсию враги задумали для того, чтобы задержать прибытие помощи, так необходимой для отрядов Кедрова, которые вели бои с наступавшими интервентами. Опоздав на несколько часов, эшелон к утру следующего дня благополучно прибыл на станцию Плесецкая. Прямо «с колес» мы строем двинулись к селу Кочмас, расположенному к северо-востоку от станции. Подошел наш отряд вовремя: горстка бойцов из моряков и латышей отбивалась из последних сил, сдерживая ожесточенный натиск интервентов и белогвардейцев.
Когда моя память воскрешает тяжелые дни боев, которые вел заслон М. С. Кедрова в августе — сентябре 1918 г., то перед глазами встает суровая картина: оборванные, полуголодные, чуть не падающие от усталости моряки, подвязав веревками свои «клеши», с пулеметными лентами через плечо днем и ночью отбивали многочисленные яростные атаки врага. Плечом к плечу с моряками сражались латышские стрелки из отряда И. И. Раудмеца. Раненые не покидали строя. Тут же, на позиции, они грели воду в ведрах, обмывали раны и сами же их перевязывали. В нашем отряде, как и в большинстве других, врачей и фельдшеров не было. Единственный медработник — ездовой из орудийного расчета по имени Костя, в прошлом санитар, — прихватил из Питера кое-какие медикаменты и санитарную сумку. Видя страдания раненых и желая вселить в них надежду, я перед всеми стал называть Костю доктором и во всеуслышание предложил ему заняться работой «по специальности». Костя неплохо справлялся с обязанностями «доктора поневоле». В отряде моряков я встретил своего друга Аркадия Кузьмина, тоже рабочего с Невской заставы. Мы с ним, а за нами и другие бойцы, обнявшись, по-русски трижды расцеловались. На плесецко-селецком направлении и под станцией Обозерская люди знали цену боевого братства. Здесь интервенты и белогвардейцы дрались особенно ожесточенно, стремясь поскорее пробиться к важным в стратегическом отношении пунктам Советской республики. По их замыслы были сорваны решительными действиями героически сражавшихся здесь советских воинов. Несколько небольших отрядов под командованием М. С. Кедрова остановили врага под Обозерской и у деревни Кодыш. Станцию Плесецкая интервентам не удалось взять… Все это наложило свой отпечаток на дальнейший ход военных действий…

Питерцы на фронтах гражданской войны.

Сборник воспоминаний.

Л., 1970, с. 423–426

Г. В. Демидов

. ВОЛОГДА. ТОВАРИЩ КЕДРОВ

…Лето 1918 г. было на удивление жаркое. Я жил с женой и маленькой дочкой в Малаховке. Купался, удил рыбу, возделывал небольшой огород.

И вдруг по поселку прошел слух. Большевики объявили регистрацию офицеров. Очень скоро к этому слуху стали наслаиваться всякие небылицы: большевики арестовали явившихся на регистрацию офицеров и ссылают их куда-то на север.
Этим слухам я не верил, за собой не знал никакой вины и решил идти в открытую. Поехал в Москву и отправился в Главное артиллерийское управление. Там я встретился с бывшим сослуживцем по штабу 7-й армии, который познакомил меня с одним из начальников отдела. Тот заявил, что никуда больше являться не следует, так как я служил в артиллерийской части штаба 7-й армии и буду взят на учет здесь, в ГАУ.
— Как же мне быть дальше? — спросил я.
— Езжайте к семье на дачу, а дня через два наведайтесь сюда к нам. Заполните вот эту анкету.
Через два дня я снова явился в ГАУ. Там мне выдали уже заготовленное предписание и велели отправиться в канцелярию товарища Аралова, она находилась в небольшом красивом особняке на Остоженке. Когда я пришел туда, его ожидало еще несколько человек.
Он вышел к нам, проверил наши фамилии по списку и объявил, что мы (нас было семь человек) должны ехать в Вологду, а оттуда в Котлас в качестве пиротехников. Я сказал, что включен в эту группу, видимо, по недоразумению, так как никогда пиротехником не был и не знаю этого дела. На это Аралов твердо ответил: «Езжайте в Котлас. Там на месте разберутся».
Приехали в Вологду. Нас поместили в большом зале особняка с красивой, стильной мебелью.
Нам объявили, что поедем в Котлас дней через пять. Я отправился осматривать город, в котором никогда до этого не бывал. Вологда показалась мне скучным, запущенным городом.
Прошло пять дней, а нас никуда не отправляли. Я по-прежнему по утрам распевал свои арии и гулял по городу. Неожиданно у меня появился новый слушатель. Не подозревая этого, я как-то дал волю своему голосу и раскатывал верхние ноты в арии Сусанина «Чуют правду». Когда кончил, из соседней комнаты вышел приятный человек моего возраста и стал говорить мне комплименты. Мы познакомились. Фамилия его была Погорельский. Мы разговорились… Я рассказал ему о недоразумении, из-за которого попал в группу пиротехников, направляемых в Котлас. Погорельский служил в комендатуре под начальством Геккера, он обещал устроить мне встречу с ним. Условились, что я явлюсь на следующий день.
Встреча состоялась. Геккер, видя, как я подавлен, сказал: «Помочь может только одни человек. Это товарищ Кедров. У него права наркома. Но к нему трудно попасть. Кедров не любит всяких протекций, рекомендаций и заступничества. Нет, здесь нужно действовать так. Идите к нему сами. Его два вагона стоят у самой станции. Скажите его секретарю, что у вас срочное дело».
Я поблагодарил за совет и отправился. Регулярного движения поездов между Вологдой и Москвой не было, и вокзал был безлюден. На втором пути стояло два красивых синих вагона. У одного из них на открытой площадке я увидел молодого парня лет двадцати в гимнастерке.
— Вам кого? — спросил он меня.
— Товарищ Кедров здесь?
— Здесь.
— Доложите, что его хочет видеть бывший офицер по срочному делу.
Солдат вошел в вагон и через минуту вернулся.
— Заходите.
Я вошел в большой, просторный вагон-салон. Окна были задернуты занавесками. Горели электрические лампочки. За письменным столом сидел человек лет сорока. У него была небольшая бородка и усы. Он внимательно на меня смотрел твердым и жестковатым взглядом.
— Подойдите ближе, — сказал он.

Я подошел к самому столу и встал против Кедрова. Он продолжал смотреть на меня внимательным, изучающим взглядом. Вдруг взгляд Кедрова несколько смягчился. «Я слушаю вас», — сказал он.
Кратко, без всяких подробностей я рассказал существо дела. По образованию я геолог, во время войны служил химиком артиллерийской части, а сейчас по недоразумению командируюсь в Котлас в качестве пиротехника. Этого дела я совершенно не знаю и хотел бы, чтобы недоразумение было как-то разрешено.
— О чем вы просите?
— Я прошу дать мне возможность вернуться в Москву или использовать меня по специальности.
— У вас в Москве семья, и вы хотите к ней вернуться? — спросил он, вновь глядя на меня твердым, пытливым взглядом.
— Да, у меня в Москве есть семья. Но я должен где-то работать и приносить пользу.
— Но из Вологды уехать трудно.
— В таком случае используйте меня здесь, только не как пиротехника.
Кедров улыбнулся и сказал:
— Но химики и геологи здесь нам сейчас не нужны. Скажите, а вас могут использовать в Москве?
— В Москве есть большой артиллерийский склад. Он находится в ведении ГАУ. Это как раз по моей специальности.
Кедров помолчал и сказал: «Дайте ваше предписание».
Я дал. Он написал что-то в правом верхнем углу, потом наискось. Возвращая мне его, он сказал:
— Вот. Езжайте в Москву и работайте честно.
На меня смотрели уже не твердые и жестковатые глаза, как в начале нашего разговора, а хорошие, человеческие глаза, потеплевшие и приветливые.
Я поблагодарил и вышел из вагона.
— Ну что, как? — спросил меня секретарь.
Я готов был обнять его от радости.
— Хорошо, все в порядке.
Шагая от вокзала в город, я внимательно посмотрел свое предписание. В правом верхнем углу было написано: «Выезд в Москву разрешаю. Кедров». Наискось: «ГАУ. Тов. Д. используйте по специальности. Кедров».
Когда я пришел в наше общежитие и объявил, что возвращаюсь, меня окружили, товарищи-пиротехники поздравляли с удачей, давали советы, что купить в Вологде и повезти в Москву. Мне жали руки, обнимали. Им уже объявили, что завтра рано утром их отправят в Котлас…
Поезд стоял готовый к отходу. В Москве я был на другой день, ночью. Последний дачный поезд доставил меня в Малаховку. Я постучал в темное окно нашей дачи…
Явившись в ГАУ, я был назначен начальником того самого артхимсклада, о котором мы говорили с товарищем Кедровым. Очень скоро после этого я принял самое горячее участие в строительстве нового склада на заброшенной территории бывшего кирпичного завода.
Много раз я вспоминал при этом свою ночную беседу в Вологде с замечательным человеком, который сказал мне: «Мы строим на пустом месте».
И на всю жизнь я запомнил простой и глубоко человеческий завет товарища Кедрова: «Работайте честно».

Публикуется впервые

С. И. Аралов

. КРУПНЫЙ ВОЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Часто наезжал в Москву М. С. Кедров. Знал я его и как крупного военного деятеля, командующего, и как комиссара, и как председателя Особого отдела ВЧК. По приезде в Москву Кедров прежде всего бывал у В. И. Ленина и заходил в оперод
[53]
. Встречи с ним были очень важны. С севера Советской России тогда угрожали многочисленные враги. Английские, американские и французские оккупанты стремились захватить Вологду, Котлас, соединиться с контрреволюцией Сибири, Урала. М. С. Кедров хорошо знал военное дело, прекрасно разбирался в замыслах различных контрреволюционных комитетов, обществ, в планах интервентов и их агентов. Он был грозою для контрреволюции. Беседы с Кедровым давали нам очень много для понимания обстановки на Северном фронте, помогали лучше изучить слабые и сильные стороны фронта. Кедров был исключительно обаятельным человеком, необычайно внимательным товарищем.

Очень волновали Ленина дела на Севере — высадка английских войск, их продвижение вглубь, угроза Вологде, Котласу, где хранились огромные запасы взрывчатки, снарядов. Ильич тут же давал распоряжения, через некоторое время проверял их, вызывал к прямому проводу Кедрова и спрашивал его, как работает командующий армией А. А. Самойло, указывал, чтобы политотдел 6-й армии создавал партизанские отряды в тылу интервентов. Выполняя ленинские указания, политотдел создавал партизанские отряды, боевые группы разведчиков, которые проникали в самые глубокие тыловые части англичан, доставали нужные сведения, разбрасывали листовки и т. п.
В промежутках между деловыми разговорами М. С. Кедров образно рисовал штрихи характера, деятельности и быта В. И. Ленина.

Ленин вел нас к победе.

М., 1962, с. 60–62

А. П. Кладт
. С МАНДАТОМ ЛЕНИНА

Контрреволюция в Вологде тщательно готовила восстание против Советской власти. ВЧК после подавления левоэсеровского мятежа обратила внимание на подозрительную деятельность миссий стран Антанты в Москве, и в частности английского генерального консула Р. Локкарта. Через агентов, завербованных среди бывших офицеров, служивших в Красной Армии, дипломат-шпион получал важные сведения о внутреннем положении в стране, формировании частей Красной Армии, передвижении войск и др.

К Локкарту были подосланы молодые чекисты латыши Я. Я. Буйкис и Я. Я. Спрогис, которые сумели не только войти к нему в доверие, но и «подружиться» с опытным агентом Интеллидженс сервис — С. Рейли, через которого Локкарт поддерживал связь с агентурой. «Нам удалось, — рассказывал впоследствии заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс, — войти в связь с посольствами и с их агентами во многих городах, но с раскрытием наших карт мы выжидали. Однако опасность предательских выступлений в отдельных местах пришлось устранять, не выжидая раскрытия всего

заговора. Мы ликвидировали местные заговоры в Вятке и Вологде». Это исключение для Вятки и Вологды было сделано по требованию Кедрова. Обстановка на фронте не позволяла ждать. В первый же день после приезда из Москвы Кедрову сообщили из Череповца о диверсии на железной дороге. Неизвестные лица спровоцировали группу неустойчивых красноармейцев, охранявших железную дорогу, на мятеж. Пользуясь отсутствием охраны, злоумышленники повредили железнодорожную колею. Крушение поезда с продовольствием для Петрограда удалось предотвратить только благодаря бдительности машиниста. «Вспыхнувшие в Череповце 11 августа… беспорядки, выразившиеся в разгроме складов, прекращены тов. Эйдуком, высланным мною в Череповец из Вологды с командой. Пять главнейших виновников расстреляны», — сообщал Кедров в Наркомвоен С. И. Аралову. Следствие по делу в Череповце показало, что в Вологде имелось хорошо организованное белогвардейско-эсеровское подполье. Я. X. Петерс прислал из Москвы несколько чекистов, а М. С. Кедров с помощью губкома РКП(б) пополнил местный красногвардейский отряд в основном рабочими Главных железнодорожных мастерских и преобразовал его в часть особого назначения — 1-ю Вологодскую коммунистическую роту, командиром которой был назначен секретарь губисполкома К. А. Авксентьевский
[54]
. Бойцы-коммунисты оказали существенную помощь работникам полевого контроля штаба фронта, разместившимся вместо с бойцами роты в здании гостиницы «Пассаж». На телеграфе, в банке, на вокзале и других важнейших объектах были установлены контрольные посты. Рота участвовала во внезапных облавах и прочесывании подозрительных районов и улиц города, в проверке документов в поездах. Для охраны и обороны железных дорог были созданы специальные подразделения из бывших красногвардейцев-железнодорожников. На наиболее ответственный участок — Обозерская — Няндома Кедров назначил начальником охраны Василевского.

Неблагополучно было и на складах в Сухоне, под Вологдой, где хранились грузы, эвакуированные из Архангельска. Отправка грузов шла крайне медленно. Не хватало паровозов, вагонов, часто возникали пробки. Чекисты боролись с саботажем на дорогах. Губком партии направил в депо и мастерские лучших агитаторов и рабочих-коммунистов. К работе на складах была привлечена мобилизованная буржуазия.

М. С. Кедров подробно информирует В. И. Ленина о выполнении заданий. «16 августа. Совнарком. Ленину… Мобилизация буржуазии протекает успешно. Мобилизовано около 300 человек. Кедров»
[55]
. «19 августа. Совнарком. Ленину… В Вологде раскрыта хорошо сплоченная контрреволюционная организация, имевшая агентов в различных городах и находившаяся в связи с союзниками. Завтра курьером посылаю интересные архангельские документы. За последние дни увеличилась провозоспособность Вологодской линии. Ежедневно эвакуируется по 325 вагонов груза: свыше ста тысяч пудов металла, резины, обуви, машин. Положение в общем удовлетворительное. Кедров»
[56]
.

Бескомпромиссная борьба с контрреволюцией в Вологде не только помогла устранить угрозу с тыла, но и позволила ВЧК проследить до конца дело с «заговором Локкарта»…

В конце августа в Вологду прибыли два полка 1-й Петроградской дивизии. Один из них был направлен в Вятку, а другой заменил латышскую пулеметную команду на архангельском направлении. Кедров обратил внимание на слабую дисциплину в полках и подозрительные разглагольствования некоторых командиров. О своих наблюдениях он сообщил Высшему военному совету
[57]

, но времени на поднятие боеспособности полка уже не было. Полк занял боевые позиции, а 5 сентября в нем вспыхнул мятеж, спровоцированный агентами «Союза возрождения России». Пользуясь случаем, войска интервентов заняли станцию Обозерская. На этот участок из Вятского района срочно переброшены были две роты. Общими усилиями дальнейшее продвижение противника было приостановлено.

За исключением этой временной частной удачи противника, на всех других оперативных направлениях советские войска не только отражали атаки интервентов, но и осуществили ряд успешных наступательных операций. Полученные подкрепления позволили перейти в наступление на северодвинском направлении. К началу сентября 1918 г. противник был отброшен на 60 верст, освобождены крупные населенные пункты на Двине. На плесецко-селецком направлении Кедров укрепил отряд Вахрамеева стрелковым батальоном, прибывшим 20 августа из Рязани, под командованием И. В. Терехина. Рязанцы и моряки образовали сводный отряд, который возглавил бывший поручик старой армии большевик М. С. Филипповский. 31 августа сводный отряд после упорных боев овладел селом Селоцким. Преследуя противника, отряд с помощью партизан перехватил на лесной дороге, ведущей к Обозерской, американский батальон полковника Хазельдена и уничтожил его. Это произошло 6 сентября, в тот день, когда советские войска оставили Обозерскую. «Как когда-то белые хотели нас загнать в мешок, — вспоминал Антропов, — так и мы их на седьмой день боя загнали в такой мешок, где их обоз, снаряжение и люди оказались в наших руках. В числе трофеев мы нашли географическую карту, прекрасно отпечатанную в Англии, с указанием, где должна проходить новая железная дорога, для того чтобы вывозить лес в Англию. Территория до Вологды была разбита, как английская колония. Карта явно была подготовлена задолго до интервенции. Эту карту мы переслали Я. М. Свердлову».

На фронте наступило затишье. Это позволило перегруппировать силы и заменить некоторые части свежими пополнениями…

Интервенты только к концу сентября перешли в наступление, которое развивалось весьма вяло и закончилось у деревни Борок… К этому времени закончился организационный период складывания фронта. 11 сентября в Ярославле был образован штаб Северного фронта во главе с командующим, бывшим генералом старой армии Д. П. Парским, а в Вологду прибыл и приступил к формированию 6-й армии… В. М. Гиттис. Разрозненные части и полупартизанские отряды, с честью выдержавшие первый натиск интервентов, реорганизовывались в полки и бригады, составившие вскоре 18-ю стрелковую дивизию. Кедров же в качестве особоуполномоченного Совнаркома еще некоторое время занимался организацией партизанского движения на Севере и восстановлением деятельности уездных Советов на не оккупированной врагом территории Архангельской губернии, а затем был отозван в Москву, где его ждало новое задание партии.

Вопросы истории,

1971, № 10, с. 134–137

М. А. Смирнов

. ЛИКВИДАЦИЯ ЗАГОВОРА В ТЫЛУ ФРОНТА

Поезд Кедрова стоял на запасном пути по соседству с Вологодским вокзалом. Около полуночи в вагон командующего фронтом пришли начальник полевого отдела управления

фронта А. В. Эйдук и председатель Вологодской губчека П. Н. Александров, рабочий железнодорожных мастерских.
— Задержанного привезли? — спросил Михаил Сергеевич Эйдука, здороваясь с вошедшими.

— Привезли. Мы с Петром Николаевичем уже успели с ним побеседовать. Новов [58] сообщает, что задержали Сомова — так он назвался — поблизости от станции Плесецкая. Красноармейцам, бывшим пограничникам с архангельского контрольного пункта, показалось подозрительным, что человек, одетый в демисезонное пальто летом, долго стоит у телеграфного столба и нетерпеливо оглядывается по сторонам — видимо, кого-то ждет.

Обратили внимание еще на одну особенность в одежде. На пальто в ряду с обычными черными пуговицами пришита большая золотисто-желтая. Задержанный сначала отказывался отвечать на вопросы. А затем сам изъявил желание дать показания, если ему будет сохранена жизнь.
— На допросе у Новова он показал и сегодня в ЧК подтвердил, что был послан из Петрограда в Архангельск к англичанам. Ему поручено доставить донесение и затем поступить там на службу в «северную армию».
— Где донесение, кому должен был его передать? — спросил Михаил Сергеевич.
— Говорит, что донесение съел при задержании, а кому передать — не знает. Его должен был встретить человек в поношенном пальто с желтой пуговицей и провести до следующего пункта, а оттуда другие люди переправят через фронт и проводят в Архангельск. Там, назвав пароль и получив отзыв, должен был отдать донесение.
— Завидная конспирация. Назвал пароль?
— Названию пароля придавал особое значение, выторговывая сохранение жизни. Пароль «Двина», отзыв «Дон».
— А где та желтая пуговица?
— Новов доносит, что ее с пальто шпиона спороли и перешили на пальто чекиста, который ждет в том же месте человека с желтой пуговицей.
— А нельзя ли все эти обстоятельства использовать не только для поимки перебежчиков, но и для проникновения в стан белых? Подумайте, товарищи!
— Разрешите, Михаил Сергеевич, — обратился к Кедрову П. Н. Александров, до сих пор молча сидевший у стола.
— Самое, пожалуй, интересное в этой истории, что нас должно особенно насторожить, — пропуск, выданный Сомову в нашем Вологодском Военконтроле. Его нашли на месте задержания преступника.
Далее П. Н. Александров рассказал, что после выдворения сотрудников миссий из Вологды заговорщики стали осторожнее. Но удалось установить, что за городом, в Осанове, состоялась встреча головки организации и на ней якобы присутствовал Гилеспи (английский консул, сотрудник Интеллидженс сервис)… Какие решения приняты, установить пока не удалось.
Обсуждая результаты проведенных мероприятий и намеченные меры борьбы с заговорщиками, просидели до вторых петухов. Одобрили написанный М. С. Кедровым приказ — обращение о борьбе с контрреволюцией.
— Контрреволюцию на плакатах изображают многоголовой гидрой, — сказал П. Н. Александров, когда обсуждение было закончено. — Гидра и есть. В нашей Вологде сколь голов этой гидре срубили, а она вновь ожила.
— Под корень, под корень ее надо, — пожимая на прощание руку чекиста, говорил Михаил Сергеевич.
Заговор контрреволюции в Вологде, о ликвидации которого шла речь на совещании у командующего, был организован еще весной дипломатами и агентами спецслужб стран Антанты, после переезда сюда «союзных» посольств. Выступление контрреволюции в Вологде первоначально намечалось одновременно с мятежом в поволжских городах. Под руководством и при участии «союзных» дипломатов здесь готовился плацдарм для

развертывания антисоветских сил. У «союзной» кормушки кормились вожаки эсеров, кадетов, меньшевиков. Один из эсеровских лидеров, Игнатьев, впоследствии писал: «Мы решили на Вологде сосредоточить центр нашего внимания, всю нашу работу».
«Союзные» послы держали связь с приехавшими в Вологду активными деятелями подпольного кадетско-эсеровского «Союза возрождения России», который на деньги англо-американцев создавал и вооружал для борьбы против Советской власти боевые группы.
В связи с начавшимися 5 июля в поволжских городах белогвардейскими мятежами были приняты экстренные меры по предупреждению контрреволюционных выступлений в Вологде. Созданы Чрезвычайный революционный штаб — в его состав вошел М. С. Кедров — и губернская ЧК по борьбе с контрреволюцией. Эти чрезвычайные органы осуществили тогда ряд мер по укреплению революционного порядка и усилению политической бдительности. Губчека издала постановление, обязывающее всех бывших офицеров явиться в трехдневный срок на регистрацию, а всех домовладельцев и содержателей гостиниц — представить списки проживающих в домах, квартирах и номерах бывших офицеров. Категорически запрещался въезд в Вологду всем иностранным подданным без особого на то разрешения советских властей. Начеку была партийная организация. По призыву губкома партии созданы отряды для борьбы с контрреволюцией, сформирован коммунистический батальон. Было введено патрулирование улиц города в ночное время. Многие очаги контрреволюции тогда были ликвидированы.
После отъезда послов действиями вологодских заговорщиков руководили и снабжали деньгами сотрудники посольств и миссий, оставшиеся в Вологде. Английский консул Гилеспи имел инструкции и крупную сумму денег (зарыты в землю во дворе дома, который занимало английское посольство). «В Вологде, — писал М. С. Кедров в 1927 г., — квартира английского консула Гилеспи являлась сборным пунктом для всей белогвардейской, эсеро-меньшевистской сволочи, готовой идти на любое преступление».
Приехав в Вологду в последний день июля, Кедров направил секретарям американского и французского посольств и английскому вице-консулу письмо, в котором от имени военной власти «самым настойчивым образом» просил дипломатов «немедленно, ввиду истечения принятого ими срока (отъезда) озаботиться отъездом из г. Вологды в г. Москву. Поезд специального назначения к Вашим услугам».
Дипломаты под различными предлогами отказывались выехать, и «большого труда стоило, — вспоминал М. С. Кедров, — выселить из Вологды остатки иностранных миссий, всеми средствами оттягивавших свой отъезд».
Нежелание агентов союзников покидать Вологду (дипломаты выехали только 5 августа) было объяснимо. Они готовили здесь мятеж, который приурочивался к подходу к городу войск интервентов. Он намечался на 8–9 августа. «План союзников, — сообщал в те дни советский разведчик из Мурманска, — во что бы то ни стало занять Вологду для соединения с чехословаками… Когда будет прервано сообщение с Архангельском, выступить в самой Вологде, подготовив взрывы, захват оружия и террористические акты над стоящими у власти».

В. И. Ленин 9 августа предупредил Вологодский губисполком о том, что белогвардейцы явно готовят измену в Вологде
[59]
.

С целью упреждения мятежа в Вологду была направлена группа руководящих работников Высшего военного совета, ВЧК и Всероссийского бюро военных комиссаров. Совместными усилиями представителей центра и местных органов были намечены и проведены чрезвычайные меры, обеспечившие безопасность Вологды и тыла фронта. Благодаря заблаговременно принятым мерам, искусному и решительному их проведению антисоветский мятеж был предотвращен. 14 августа Кедров издал приказ о мерах борьбы с контрреволюцией в тылу. В приказе он указывал «на наличие начавшейся расходиться от Архангельска организованной волны контрреволюционного движения», в котором активно участвуют местные белогвардейцы, и требовал от всех

исполкомов Советов «немедленного принятия решительных мер». В приказе рекомендовалось информировать все Советы — сельские, волостные, уездные — о происходящих событиях, возбуждать в массах путем агитации «энергии к революционной обороне», организовать «местными силами и средствами разведочно-караульные службы» «изъятие скрываемого буржуазией и кулаками оружия, установить и поддерживать связь между Советами и штабами частей Красной Армии» [60]
.

Текст приказа был разослан для исполнения исполкомам Советов северных губерний и сообщен по телеграфу В. И. Ленину и ЦК партии.
Состоявшийся 15 августа в Вологде II чрезвычайный губернский съезд Советов одобрил приказ М. С. Кедрова о борьбе с контрреволюцией и в своем решении призвал: «…немедленно открыть по всем волостям самую энергичную и беспощадную борьбу со всеми контрреволюционными кулацко-буржуазными элементами…» С одобрения съезда были закрыты все газеты, кроме советских. Велась борьба с саботажем на транспорте, установлены контрольные посты на телеграфе, в банке и на вокзале. Создано специальное подразделение во главе с И. В. Василевским для охраны и обороны железных дорог.

Совместными усилиями ВЧК, губчека и отдела полевого контроля управления фронта был раскрыт заговор, ставивший целью «взорвать тыл Красной Армии». Осуществлены мероприятия по выявлению организации заговорщиков «Союза возрождения России» и пресечению ее контрреволюционной деятельности. Проведена ликвидация тайных организаций белогвардейцев и «Союза возрождения России». Многие их участники были арестованы. В их числе один из руководителей вологодского подполья — Турба. Было установлено, что переброской завербованных агентов через линию фронта занимались бывшие офицеры, состоявшие на службе в Военконтроле. ВЧК была вынуждена расстрелять 20 шпионов и диверсантов, проникших в Вологодский отдел Военконтроля
[61]
.

В Великом Устюге был задержан представитель ЦК правых эсеров Сорокин, на Сухоне захвачен эсер Сурин, готовивший взрыв склада боеприпасов. Разгромлена и подпольная организация «Британо-славянский регион», захвачен ее руководитель — бывший председатель вологодской губернской земской управы Дружинин.
В газете «Известия Вологодского губисполкома…» сообщалось: «Полевой отдел 6-й армии арестовал ряд лиц по делу подкупленных англичанами бывших офицеров и гражданских лиц, готовивших выступление в Вологде и после раскрытия их планов бежавших в Архангельск и на Мурман. Все эти лица схвачены переодетыми в крестьянское платье и показавшими подложные документы. В делах полевого отдела находились расписки многих из них в получении денег от англичан».
Лишь небольшой группе заговорщиков, в их числе Игнатьеву, удалось уйти из Вологды и избежать ареста.
На станции Чебсара, куда была направлена оперативно-чекистская группа, задержаны отдельные перебежчики, а на станции Дикая — целая группа белогвардейцев во главе с иностранным агентом Оленгреном. Пойман был и бежавший от конвоя бывший полковник Куроченков, руководитель организации. Пробираясь в Архангельск, Куроченков в деревне Анисово постучал в окно крестьянина Александра Савина и попросил его понадежнее укрыть, пообещав 40 тыс. рублей. Под предлогом перехода в более надежное место Савин привел царского полковника в сельсовет.
Михаил Сергеевич Кедров объявил Александру Савину революционную благодарность за высокую бдительность и распорядился из конфискованных денег выдать 5 тыс. рублей Несвойской волости на культурно-просветительную работу.
Добытые при ликвидации вологодского подполья сведения дали возможность раскрыть контрреволюционную организацию, главный штаб которой находился в Петрограде, а

отделения и ячейки — во многих городах Севера, установить маршруты отправлявшихся в Архангельск офицеров, пункты остановок, явки и т. п. В Вологде местом явки являлось английское консульство. Оно снабжало «странников» деньгами, устраивало на конспиративные квартиры.

Наиболее гостеприимными были явки в монастырях, в частности в Великом Устюге. Для перехвата «странников» М. С. Кедров направил в Великий Устюг специальный отряд. Боец этого отряда Л. А. Кубасов впоследствии писал:

«Вспоминается такой случай. Были данные о том, что в женском монастыре, расположенном в 7–8 километрах от Великого Устюга, скрываются два офицера, прибывшие из белогвардейского штаба с Севера. Требовалось их арестовать. Это задание комсомольцы успешно выполнили. Белогвардейские офицеры были обнаружены переодетыми в женскую монашескую одежду. Кроме того, в монастыре нашли большие запасы продовольствия, золотые и серебряные вещи, спрятанные в алтарях, стенных шкафах и свернутых в рулон ковровых дорожках»…

Разгром контрреволюции в Вологде способствовал укреплению тыла фронта…

Публикуется впервые

ДЛЯ ПОБЕДЫ СОЦИАЛИЗМА

Настоящий ленинец — это не только борец против старого, но прежде всего творец, созидатель, строитель нового мира.

Ю. В. Андропов

М. А. Смирнов
. ВО ГЛАВЕ ОСОБОГО ОТДЕЛА ВЧК

Осенью 1918 г. М. С. Кедров был отозван с фронта в Москву. Ему поручалось возглавить военный отдел ВЧК, ведавший борьбой с контрреволюцией в Красной Армии и руководивший деятельностью фронтовых и армейских ЧК, созданных летом 1918 г.

> Однако существование в военных ведомствах (Военный контроль) и в ВЧК параллельных органов, боровшихся с контрреволюцией и шпионажем, вело к распылению сил, порождало параллелизм в работе и межведомственные трения
> [62]
> .

Интересы государственной безопасности, быстрейшего разгрома белогвардейцев и интервентов с настойчивостью требовали объединения усилий, сосредоточения функций борьбы с контрреволюцией и шпионажем в едином органе. Это вызывалось еще и тем, что от саботажа и открытых выступлений против Советской власти классовый враг перешел к новой тактике. «Теперь, — говорил в те дни Ф. Э. Дзержинский, — враги стараются пролезть в наши советские учреждения, чтобы… саботировать работу, чтобы… овладев органами и аппаратами власти, использовать их против нас».

Контрреволюционные элементы пробрались и в органы Военного контроля, которые в основном состояли из специалистов старой армии. Так, при ликвидации контрреволюционного заговора в Вологде были уличены в антисоветской деятельности и осуждены Военно-революционным трибуналом некоторые сотрудники Вологодского отдела Военконтроля.

По указанию В. И. Ленина была проведена тщательная проверка и чистка органов Военного контроля. 19 декабря Бюро ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина обсуждало вопрос о деятельности этого органа. Бюро решило объединить деятельность ВЧК и Военного контроля.

В начале января 1919 г. по решению ЦК РКП(б) был создан Особый отдел ВЧК во главе с М. С. Кедровым. Руководство деятельностью Особого отдела возлагалось на ВЧК. Постановлением Совета Народных Комиссаров М. С. Кедров в марте того же года был утвержден членом коллегии ВЧК. На основе Положения об особых отделах при ВЧК М. С. Кедров формирует аппарат отдела и организует его работу. Наряду с оперативными делами его время поглощают штаты, сметы, ассигнования, подбор кадров.

Работа по созданию особых отделов совпала с перестройкой органов ВЧК, которая проводилась на основе указаний В. И. Ленина. Предусматривалось проведение чистки органов ЧК от примазавшихся к ним преступных и враждебных элементов.

В короткий срок, к середине января, органы Военного контроля были слиты с фронтовыми и армейскими ЧК и образованы особые отделы фронтов и армий. На них возлагалась борьба со шпионажем и контрреволюционными элементами во всех частях и учреждениях Красной Армии и Военно-Морского Флота. Особым отделам предоставлялось право ведения следствия и связанных с ним обысков, арестов и других действий. Особые отделы фронтов и армий работали под руководством соответствующих Реввоенсоветов и Особого отдела ВЧК, которому принадлежало общее руководство работой и контроль за их деятельностью.

Во главе местных ЧК ставились только члены Коммунистической партии, имеющие не менее двух лет партийного стажа. Уездные ЧК упразднялись.

С целью объединения усилий органов ВЧК и органов охраны общественного порядка решением ЦК РКП(б) и СНК председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский назначается народным комиссаром внутренних дел, а заведующий Особым отделом М. С. Кедров вводится в состав коллегии НКВД. Он ведет конкретный участок работы — наблюдение за деятельностью исправительно-воспитательных учреждений.

ВЧК работала под руководством и под контролем Коммунистической партии. В Обращении ЦК РКП(б) к коммунистам — работникам всех чрезвычайных комиссий, опубликованном 8 февраля 1919 г., подчеркивалось, что ЧК созданы, существуют и работают лишь по директивам партии и под ее контролем.

На работу в особые отделы направлялись преданные сыны партии, закаленные в подполье и в огне революции. Заместителем заведующего Особым отделом был утвержден Иван

Петрович Павлуновский, член Коммунистической партии с 1905 г., активный участник трех российских революций. Во главе особых отделов фронтов и армий партия поставила: К. И. Ландера (Западный фронт), М. Я. Лациса, В. Н. Манцева, Ф. Т. Фомина, И. А. Воронцова (все — Юго-Западный фронт), Новова (6-я отдельная армия), Н. П. Комарова (Петроград), Е. Г. Евдокимова (Москва). Все они стали известными чекистами.
Вместе с Кедровым в аппарат Особого отдела пришли его товарищи по работе в Демобе и в «Советской ревизии»: А. В. Эйдук, А. Х. Фраучи (Артузов), И. Ф. Тубала и другие.
Одним из первых крупных дел, которым пришлось заняться Особому отделу ВЧК и лично Кедрову, было дело о саботаже военно-медицинских работников. В начале девятнадцатого года была объявлена мобилизация на фронт медицинского персонала. Враждебно настроенные врачи, фельдшера, медицинские сестры под разными предлогами уклонялись от нее: не являлись на перерегистрацию и медицинское освидетельствование или приносили «на медкомиссию» купленные на Сухаревке «документы», освобождающие их от службы в Красной Армии. Вопрос упорядочения переосвидетельствования медицинского персонала был вынесен на обсуждение Совета Обороны, который поручил Наркомздраву и персонально М. С. Кедрову «подготовить проект декрета… по переосвидетельствованию». Право безапелляционного переосвидетельствования в Москве медицинского персонала временно было передано в ведение Особого отдела ВЧК. Специальная комиссия, созданная для этой цели, работала в Спасских казармах, и там нередко можно было видеть и М. С. Кедрова.
В мае — июне в Москве и Петрограде было проведено переосвидетельствование медицинского персонала: от мобилизации на фронт многим из них уклониться не удалось. Саботаж медиков был пресечен.
Весной девятнадцатого года правительства США, Англии и других стран Антанты организовали новое наступление на Советскую Россию объединенных сил контрреволюции. Главный удар должны были наносить армии Колчака. Одновременно империалисты готовили нападение интервентов и белогвардейцев на Петроград. Моррис, американский посол в Стокгольме, одобрил представленный Юденичем план наступления на Петроград и рекомендовал госдепартаменту США немедленно организовать военные действия против Советской России на северо-западе. В апреле 1919 г. в Ревеле (ныне Таллин) появились военные миссии США и Англии. В Ревельский порт начали прибывать корабли с вооружением, продовольствием и отрядами наемников.
Белые и интервенты рассчитывали, что наступление на фронте будет поддержано вооруженным выступлением (мятеж) контрреволюции в самом Петрограде и его окрестностях, в частности в Кронштадте.
Наступление войск Юденича началось в середине мая. Противник занял Ямбург и Гдов. Центральный Комитет РКП(б) 21 мая принял постановление об организации обороны.
«…Красный Петроград находится под серьезной угрозой. Петроградский фронт становится одним из самых важных фронтов Республики.
Советская Россия не может отдать Петрограда даже на самое короткое время.
Петроград должен быть защищен во что бы то ни стало…»
Постановление ЦК влило новые силы в ряды защитников города. Продвижение белых на Нарвском направлении было остановлено. Советские войска начали готовиться к наступлению. Но само петроградское руководство, в лице Зиновьева, медлило с принятием решительных мер борьбы с врагом, в том числе с его агентурой. «Беспечность» обернулась немалой бедой. Заговорщики из 3-го Петроградского (бывшего Семеновского) полка 28 мая под станцией Сиверская открыли фронт противнику. Изменники расстреляли командира полка, комиссаров и коммунистов, увели к белым один батальон и унесли с собой штабные документы, в том числе материалы о готовящемся наступлении советских войск.
В связи с этими событиями Совету Обороны пришлось принять безотлагательные меры. В. И. Ленин направил в Петроград, в Смольный, телеграмму о необходимости самых срочных и решительных мер борьбы с агентами врага и изменниками:

> «Вся обстановка белогвардейского наступления на Петроград заставляет предполагать наличность в нашем тылу, а может быть и на самом фронте, организованного предательства… Похоже на то, что враг имеет полную уверенность в отсутствии у нас

сколько-нибудь организованной военной силы для сопротивления и, кроме того, рассчитывает на помощь с тыла (пожар артиллерийского склада в Ново-Сокольниках, взрывы мостов, сегодняшние известия о бунте на Оредеже). Просьба обратить усиленное внимание на эти обстоятельства, принять экстренные меры для раскрытия заговоров»
[63]
.

В те же дни было решено председателем Петроградской ЧК назначить члена коллегии ВЧК Филиппа Демьяновича Медведя и направить на работу в органы ЧК большую группу коммунистов. В Петроград был командирован заместитель председателя ВЧК Яков Христофорович Петерс с чрезвычайными полномочиями. В удостоверении, подписанном В. И. Лениным, говорилось, что Я. Х. Петерс назначается чрезвычайным комиссаром для принятия мер по очистке Петрограда и всей прифронтовой полосы от белогвардейцев и шпионов.

В Петроград также выехала группа ответственных работников Особого отдела ВЧК во главе с М. С. Кедровым. В состав группы входили И. П. Павлуновский, член коллегии ВЧК А. В. Эйдук, комиссары и следователи Особого отдела.

М. С. Кедров также был наделен широкими правами и чрезвычайными полномочиями. В беседе с отъезжающими в Петроград Ф. Э. Дзержинский говорил, что они могут распоряжаться всеми силами и возможностями Петрочека, губчека и особого отдела 7-й армии.

— А Медведь не заупрямится? — спросил Кедров, имея в виду назначение Ф. Д. Медведя председателем Петроградской ЧК.

— Думаю, что нет, — ответил Ф. Э. Дзержинский. — Скорее наоборот. Будет рад вашей помощи.

Дзержинский советовал использовать опыт работы по укреплению тыла Восточного и Северного фронтов лета и осени 1918 г.

В организации борьбы с контрреволюцией и шпионажем в Петрограде летом 1919 г. чекисты руководствовались ленинскими требованиями, изложенными в воззвании «Берегитесь шпионов!».

Оно было опубликовано в московских и петроградских газетах 31 мая:

«…Все должны быть на посту.

Везде удвоить бдительность, обдумать и провести самым строгим образом ряд мер по выслеживанию шпионов и белых заговорщиков и по поимке их»
[64]
.

Под руководством Петроградского комитета партии, при активной поддержке рабочих чекисты оперативно выполняли указания В. И. Ленина и осуществили целый ряд мер, обеспечивших революционный порядок в городе. Это — формирование, вооружение и обучение частей особого назначения; очистка Петрограда и окрестностей от контрреволюционных элементов; усиление охраны оборонных и государственных объектов — предприятий, вокзалов, мостов, узлов связи и т. п. Их охрану круглосуточно несли постоянные сменные посты.

Петроградский комитет партии и Штаб внутренней обороны (создан в начале июля) требовали повышения бдительности всех партийных организаций, аппаратов государственной в военной власти. На предприятиях создавались чрезвычайные политические тройки, ведавшие выполнением фронтовых заказов, охраной объектов, проверкой всех подозрительных, задержанных на территории или вблизи объектов.

Особые отделы ВЧК и 7-й армии провели учет всех бывших офицеров, усилили контроль за военспецами в частях Красной Армии и на Балтийском флоте.

План предусматривал также проведение специальных чекистских операций, в том числе обыски с целью изъятия оружия, осмотр помещений иностранных миссий и проверку лиц, связанных или находившихся в контакте с миссиями и их сотрудниками.

В проведении этих операций активное участие принимал М. С. Кедров и приехавшие с ним работники Особого отдела. 5 июня он направил из Петрограда В. И. Ленину телеграмму, в которой высказал свои предложения о реквизиции оружия. Ленин поручил военному ведомству внимательно рассмотреть их при обсуждении «Положения об извлечении оружия». 11 июня Совет Обороны утвердил «Положение» и поручил Дзержинскому и Склянскому приступить к немедленному и энергичному изъятию оружия у населения.
На основании «Положения» Особый отдел и Штаб внутренней обороны Петрограда разработали «Инструкцию по производству осмотра Петрограда». При ее разработке были учтены данные тщательной разведки города, проведенной чекистами. Обыски намечалось провести в буржуазных и дворянских особняках и квартирах, в церквах и религиозных общинах, в помещениях, где отмечались сборища подозрительных лиц (подвалы и чердаки домов, сараи, чуланы).
Намечался осмотр помещений иностранных миссий, консульств — его проводил Особый отдел ВЧК.
Операция проводилась одновременно по всему городу в ночь на 13 июня. К участию в ней кроме чекистов были привлечены рабочие отряды — 12 тыс. коммунистов и членов профсоюзов.
«С целью конспирации, — вспоминал заместитель начальника Штаба внутренней обороны Н. М. Анцелович, — предупредили, что предстоит провести учет имущества на фабриках и заводах… Тысячи рабочих собрались на площади у Дворца труда. Представители Штаба обороны в последний момент объявили, что раскрепленные по районам отряды рабочих и работниц пойдут не на заводы и фабрики учитывать имущество, а в квартиры буржуазии, чтобы реквизировать спрятанное оружие».
Поиски и изъятие оружия были проведены с полным соблюдением революционной законности.
Тщательно была подготовлена операция по осмотру помещений иностранных миссий. Известно, что в обычных условиях иностранные посольства и миссии пользуются правом экстерриториальности. Но тогда, летом 1919 г., были исключительные условия. Весь буржуазный мир ополчился против пашей республики. На советскую землю вторглись войска США, Англии и других государств, а официальные представители этих стран грубо попирали международное право, открыто и беззастенчиво вмешивались во внутренние дела Советского государства, занимались шпионажем и диверсиями. В этих условиях советские органы государственной безопасности были вынуждены прибегнуть к такой исключительной мере, как осмотр помещений иностранных миссий. К тому же учитывалось, что в это время в помещениях миссий не было послов, консулов, советников, даже секретарей — все они покинули Петроград еще весной 1918 г.
В ночь с 14 на 15 июня в Петрограде был проведен повторный обыск. Еще утром 13 июня был издан приказ Штаба внутренней обороны о добровольной сдаче оружия в срок до 9 часов вечера 14 июня (затем этот срок был продлен до 9 часов вечера 24 июня). В приказе указывалось, что лица, сдавшие оружие добровольно, не будут подвергаться наказанию. Каждый день сотни людей являлись на Гороховую (ныне улица Дзержинского), чтобы сдать оружие. Очередь выстраивалась до самого Адмиралтейства.
Операция по изъятию оружия была проведена также в пригородах и окрестностях Петрограда.
Всего было изъято (не считая сданного добровольно) 6626 винтовок, 644 револьвера, станковые пулеметы, холодное оружие, более 140 тыс. патронов, ручные гранаты. Было изъято также большое количество военного снаряжения и обмундирования (бинокли, полевые сумки, мундиры, шинели).
Сообщая 18 июня о результатах массовых обысков в Петрограде, газета «Известия» писала, что «все это оружие было внесено уже в квартиры из подвалов, потайных складов. Таким образом, ясно, что буржуазия, ее агенты, военные шпионы и их организации готовили вооруженное выступление в самом ближайшем будущем в связи с наступлением на Петроград союзнических войск… Разгромом шпионской военной организации нанесен белым жестокий удар».
Результаты обысков свидетельствовали о своевременности проведенной операции.

Я. Х. Петерс, докладывая в Москве 16 июня В. И. Ленину и Ф. Э. Дзержинскому о том, как прошли массовые обыски и сколько изъято оружия, между прочим, говорил, что они (обыски) «нагнали страху больше, чем красный террор».
В. И. Ленин попросил поблагодарить от его имени питерских рабочих и работниц за их дисциплинированность, организованность и преданность делу революции.
Через день, 18 июня, во время заседания Совета Обороны В. И. Ленин написал записку Ф. Э. Дзержинскому, в которой спрашивал: «Массовые обыски по Москве подготовляются?

Надо непременно, после Питера, ввести их
повсюду
и
неоднократно»
[65]
.

В. И. Ленин высоко ценил питерский опыт массовых обысков с целью изъятия оружия и призывал все другие города Советской республики последовать примеру Петрограда. «Питерские товарищи, — писал В. И. Ленин, — сумели найти тысячи и тысячи винтовок, когда произвели — строго организованно — массовые обыски. Надо, чтобы остальная Россия не отстала от Питера…»
[66]

По примеру Петрограда обыски с целью изъятия оружия были проведены в Одессе, Киеве, Пензе и других городах.
24 июня 1919 г. «Петроградская правда» опубликовала беседу своего корреспондента с М. С. Кедровым о борьбе со шпионами и предателями. В беседе Михаил Сергеевич говорил, что события на петроградском фронте побудили Особый отдел ЧК принять самые энергичные меры по борьбе со шпионами и предателями в Петрограде, которые «не только работают подпольно, но некоторые из них даже примазались к советским организациям и учреждениям».
Далее в беседе с корреспондентом М. С. Кедров заявил, что «с несомненностью установлена (шпионская) роль почти всех иностранных консульств и миссий, имеющих своих представителей в Петрограде. Обнаружен ряд миссий, нигде не зарегистрированных». В беседе М. С. Кедров привел ряд фактов, на основании которых было сделано заявление:
«У одного из иностранных дипломатов обнаружен пакет, в котором пересылалась Юденичу секретная военная сводка, составленная предателем.
Помещения многих иностранных миссий были превращены в убежища, в которых до поры до времени пытались укрыться активные враги Советской власти.
Помимо шпионажа и открытого пособничества предателям миссии занимались присвоением и расхищением достояния советского народа. Особой Комиссии за два дня удалось найти в консульствах различных ценностей на много миллионов рублей. Например, под охраной швейцарского консульства на складе Фаберже хранились серебряные и бриллиантовые вещи, представляющие огромную ценность и в художественном отношении».
Завершая беседу, М. С. Кедров сказал, что «обыски дали блестящие результаты, так как кроме оружия и ценностей обнаружены письма, давшие нить для раскрытия заговора и выяснения участников».
В Петрограде Особый отдел ВЧК взял на учет всех военных специалистов, служивших в старой армии. Было проведено (при личном участии М. С. Кедрова) медицинское переосвидетельствование всех этих специалистов с целью выявления лиц, уклоняющихся от службы в армии. В результате этой работы были выявлены резервы военных специалистов и медиков, которые могли быть использованы на службе в действующей Красной Армии.

Особые отделы и Петроградская губчека провели вместе с местными партийными и советскими органами большую работу по очищению прифронтового тыла от шпионов и изменников, кулацких банд и дезертиров.
При активной поддержке пролетариата, Петроградского комитета, Совета профсоюзов за месяц было сделано очень многое.
Изменилось к лучшему и положение на фронте. Войска 7-й армии, пополненные коммунистами и рабочими, 21 июня перешли в наступление, закончившееся победой. Белогвардейцы были отброшены за Ямбург и Гдов.

В начале июля Я. Х. Петерс, М. С. Кедров и И. П. Павлуновский возвратились в Москву, доложили Совету Обороны о проделанной работе. Я. Х. Петерс вернулся в Петроград, а М. С. Кедров по поручению Ф. Э. Дзержинского выехал на Северный фронт.
Бывший работник Северо-Двинского губкома партии С. И. Мелентьев вспоминал, что М. С. Кедров, прибыв с группой чекистов в Великий Устюг, выступил перед партийным активом. Обрисовав сложившуюся в тылу фронта обстановку, он напомнил слова В. И. Ленина о том, что для победы на фронте необходим крепкий и политически надежный тыл, а ответственность за спокойствие и революционный порядок в тылу возложена на ЧК. Был изложен конкретный план укрепления тыла, ликвидации укрывавшихся в городах и селах врагов Советской власти.
В Великом Устюге, Котласе и Вологде, прифронтовых населенных пунктах были проведены облавы и массовые обыски. Задержаны сотни переодетых офицеров. Многие из них скрывались в монастырях, в том числе женских, и во время облавы оказали вооруженное сопротивление. При обысках были изъяты винтовки, гранаты и даже станковые пулеметы.
Бывший секретарь Вологодского губкома РКП(б) М. К. Ветошкин отмечал, что в успешном осуществлении операции, которая прервала связь белогвардейского «правительства» и интервентов с контрреволюционными центрами внутри страны, «заслугу Кедрова нельзя не отметить».

Публикуется впервые

Н. Ф. Чистяков

. ЖИЗНЬ — БОРЬБА

М. С. Кедров, имея большой опыт партийной и военной деятельности, был полностью подготовлен для работы в таком ответственном органе, как ВЧК. Являясь руководителем военного отдела ВЧК, он занимался борьбой с контрреволюционными элементами в рядах Красной Армии. Он возглавлял комиссию по расследованию поведения частей Московского гарнизона, примкнувших к мятежу левых эсеров. Комиссия провела большую работу по очищению войсковых частей от неустойчивых и анархиствующих элементов, укрепила командный состав, заменив ненадежных офицеров выходцами из рабочей среды и проверенными военными специалистами.
М. С. Кедров бережно хранил удостоверение члена коллегии ВЧК, подписанное В. И. Лениным. «Множество раз я держал перед глазами этот документ, — писал М. С. Кедров. — Вглядывался в драгоценную подпись, каждую букву ее, каждую черточку… Изучал всякую мелочь удостоверения. И бумага, и чернила, шрифт, печать, подпись начинали говорить и лучше всяких слов повествовали о давно минувшей эпохе, когда голод и холод гуляли по городам и селам, фабрикам и жилью, когда Советская Россия была отрезана и от богатых хлебных районов, и от источников топлива, когда достать лист бумаги и перо представляло величайшие трудности не только для рядового гражданина, но

и для Председателя Совнаркома, когда чернила замерзали в чернильнице и перья беспомощно скрипели по бумаге, когда жизнь бежала вперед гигантскими шагами и некогда было задумываться над такими пустяками».

Положение в молодой Республике Советов в то время действительно складывалось крайне неблагоприятно. Агенты Колчака, Деникина и английской разведки в марте 1919 г. пытались взорвать в Петрограде водопроводную станцию, разрушить мосты и железнодорожные пути. Эсеры и меньшевики призывали к забастовкам и свержению Советской власти. Войска Юденича угрожали Петрограду.

В прифронтовой полосе, в каждом крупном городе белые развернули широкую сеть шпионажа, диверсий, организовывали восстания в тылу, убивали коммунистов и активных членов рабочих организаций. Белогвардейские организации Петрограда и агенты английской разведки в нюне 1919 г. спровоцировали мятеж в фортах на побережье Финского залива — «Красная горка» и «Серая лошадь». Мятежники арестовали свыше 350 коммунистов и сочувствующих им. Были расстреляны председатель Кронштадтского Совета М. М. Мартынов и комиссары фортов Л. Т. Паньков и П. П. Федоров.

В середине мая 1919 г. группа работников ВЧК во главе с заместителем председателя ВЧК Я. Х. Петерсом и начальником Особого отдела ВЧК М. С. Кедровым выехала в Петроград для ликвидации контрреволюционных сил.

В особняках, принадлежащих буржуазии, и в зданиях иностранных посольств и миссий было изъято… оружие, а также большое количество спрятанных драгоценностей.

По этому поводу агентство РОСТА (Российское телеграфное агентство) в «Известиях ВЦИК» 18 июня 1919 г. опубликовало следующее сообщение:

«Произведенные на днях обыски в иностранных посольствах и консульствах дали в некоторых случаях любопытные результаты.

В одном из шкафов для бумаг за полками секретно запрятана бронированная дверь потайной стальной комнаты. Таких комнат две. В одной хранился весь секретный политический архив, в другой — ящики, сундуки, чемоданы с золотом, драгоценностями и просто бумагами. На ярлыках и клеймах мелькают всем так знакомые фамилии князей, графов, маркизов и прочей придворной и великосветской челяди. Даже один из Владимировичей, бывший великий князь, спрятал в ящик свои драгоценности. Одних золотых портсигаров здесь 73 штуки, целая коллекция драгоценных безделушек, всего, по приблизительному и скромному подсчету, миллионов на 120.

Целая серия стальных ящиков с 13 млн руб., которые крупные русские акционерные общества собирались, но не успели переправить в Париж. Все это тут же запечатывается и отправляется под охраной для сдачи в народный банк.

В одном из подвалов здания найден запас ручных гранат и осветительных сигнальных ракет.

Большинство лиц, живущих в помещении, — русские и никакого отношения к иностранным державам не имеющие. Роль этих забронировавшихся на территории иностранного посольства лиц выясняется».

Огромную работу по расследованию преступлений, допросу и передаче дел Кронштадтскому военно-полевому суду в отношении лиц, участвовавших в организации мятежа в фортах «Красная горка» и «Серая лошадь», провели заместитель М. С. Кедрова Иван Петрович Павлуновский и сотрудники особых отделов.

Много бессонных ночей провели М. С. Кедров и И. П. Павлуновский по очищению Петрограда, Кронштадта и воинских частей от контрреволюционных элементов и разоблачению агентов империалистических разведок.

В «Известиях ВЦИК» от 25 ноября 1919 г. было опубликовано сообщение ВЧК, в котором указывалось: «Усилиями Петроградской Чрезвычайной Комиссии, Особого отдела ВЧК и особого отдела Н-ской армии в Петрограде раскрыт крупный заговор, в котором принимали участив крупные сановники царского режима, некоторые генералы, адмиралы, члены партии кадетов, „Национального центра“, а также лица, близкие к партии эсеров и меньшевиков.

Вся деятельность заговорщиков протекала под бдительным наблюдением агентов Антанты, главным образом английских и французских, которые руководили всем делом шпионажа, финансировали заговор и держали в своих руках нити его».

Сразу же после возвращения из Петрограда М. С. Кедров как особоуполномоченный ВЧК был командирован в Вологду.
В распоряжении ВЧК имелись совершенно точные данные (протоколы допросов арестованных белогвардейских агентов, оперативные сводки особых отделов армий и фронтов, изъятые вещественные доказательства — списки, пароли, места явок и др.), что внутренняя контрреволюция возлагала большие надежды на англо-французских интервентов, которые высадились в Архангельске. Бывшие офицеры, эсеры, меньшевики, все, кто ненавидел Советскую власть, потянулись на Север, оседая и группируясь в Вологде, Котласе, Великом Устюге и других прифронтовых городах и селах. Обреченные, но еще огрызающиеся, они пытались провоцировать местное население на выступление против большевиков.
Хорошо зная местные условия и многих партийных и военных товарищей по прежней работе на Северном фронте, М. С. Кедров быстро установил с ними контакт и мобилизовал их и местное население на ликвидацию очагов контрреволюции.
После этого Кедров командируется на Южный фронт. Затем в Тамбов, Воронеж, Курск для изучения состояния работы особого отдела фронта и оказания помощи в борьбе с контрреволюционными элементами в армии и прифронтовых районах. В напряженных условиях работники Особого отдела ВЧК во главе с Кедровым помогали командованию Южного фронта оздоровить обстановку в войсках и выявить в боевых и тыловых частях шпионов и белогвардейских агентов. Работа эта накануне перехода армий Южного фронта в решительное наступление имела очень важное значение.
Затем Гомель, Тамбов, организация санитарной службы…
В марте 1920 г., когда Архангельск и Мурманск были освобождены от иностранных оккупантов, Кедров снова направляется на Север в составе специальной правительственной комиссии по расследованию злодеяний интервентов и белогвардейцев. Обследовались каторжные тюрьмы, сооруженные интервентами на острове Мудьюг и в бухте Иоканьга на побережье Ледовитого океана. Эти безлюдные места были специально избраны для уничтожения советских людей. Изощренные издевательства и пытки, расстрелы, полуголодный паек, ужасающая скученность и антисанитарные условия ежедневно уносили десятки жизней. Члены комиссии опрашивали очевидцев, делали снимки бараков и обнаружили массу документов, разоблачающих звериное лицо интервентов и белогвардейцев, которые в свое время захватили Мурманск и Архангельск под флагом защиты русского народа.
Несколько месяцев продолжалась работа правительственной комиссии. Собранные ею материалы явились обвинительным актом кровавой деятельности ставленников мировой буржуазии и их белогвардейских прихвостней на русской земле.
Работая в ВЧК, Михаил Сергеевич Кедров самоотверженно проводил линию партии и Советского правительства. За честность, прямоту и удивительное трудолюбие его и ценил Ф. Э. Дзержинский.
Говоря о М. С. Кедрове, нельзя не отметить еще одну его отличительную черту — революционную бдительность. Быть бдительным — это значит проявлять высокую политическую сознательность, быть патриотом своей Родины, уметь отличать происки врагов от ошибок и упущений честных людей, быть решительным, смелым и находчивым в схватках с врагом. Именно такими качествами и обладал М. С. Кедров.
За успешную борьбу с контрреволюцией М. С. Кедрову было присвоено звание почетного чекиста. Удостоверение за № 52 было подписано Ф. Э. Дзержинским. На левой стороне этого удостоверения написано: «Почетное звание чекиста требует бдительности, решительности и храбрости».
Работая на мирном фронте — в ВСНХ, Наркомздраве, Президиуме Исполкома Красного спортивного интернационала, Госплане РСФСР, Верховном суде СССР и на других ответственных должностях, — М. С. Кедров оставался деятельным, инициативным, принципиальным и вместе с тем скромным и отзывчивым человеком. И где бы он ни был, зажигал всех своей энергией, убежденностью и верой в правоту ленинских идей, стараясь воплотить их в живое практическое дело. Не случайно во всем, что было написано М. С. Кедровым, красной нитью проходит образ великого Ленина, отмечается его роль в истории

революционного движения, в организации, защите и укреплении первого в мире социалистического государства, в создании и руководстве Красной Армией.
М. С. Кедров не раз смотрел смерти в глаза. Но ни царские тюрьмы, ни ссылки, ни тяжелые лишения, ни борьба с врагами Родины не сломили его железной воли и стойкости. Пережитые трудности и лишения закалили волю и характер, укрепили веру в дело социализма, служению которому он отдал всю свою жизнь без остатка…
Жизненный путь этого замечательного ленинца, стойкого революционера-подпольщика, воина, чекиста, всесторонне развитого и очень одаренного человека трагически оборвался в ноябре 1941 г.

Публикуется впервые

М. А. Смирнов
. С ПОЛНОМОЧИЯМИ ОТ ЦК

После возвращения с севера в июле 1919 г. член ВЦИК М. С. Кедров был командирован на юг в качестве уполномоченного ЦК РКП(б) и полномочного представителя ВЧК на Южном фронте.
Оснащенная англо-американскими империалистами армия Деникина захватила Царицын и в июле начала поход на Москву. Наступление деникинцев создало чрезвычайно опасное положение. Белые заняли Донбасс, Харьков и угрожали жизненным центрам страны. Партия видела эту опасность и принимала меры к мобилизации сил на разгром врага. 9 июля было опубликовано написанное В. И. Лениным письмо ЦК РКП(б) «Все на борьбу с Деникиным!». В письме ставилась задача подчинить всю работу партии интересам обороны, сосредоточить максимум усилий для отражения деникинского нашествия.

> В. И. Ленин писал, что «работа в прифронтовой полосе получает особо важное значение», ибо контрреволюция в тылу поднимает голову. «Мы знаем, — говорилось в письме, — „питательную среду“, порождающую контрреволюционные предприятия, вспышки, заговоры и прочее, знаем очень хорошо. Эта среда буржуазии, буржуазной интеллигенции, в деревнях кулаков, повсюду — „беспартийной“ публики, затем эсеров и меньшевиков. Надо утроить и удесятерить надзор за этой средой. Надо удесятерить бдительность, ибо контрреволюционные поползновения с этой стороны абсолютно неизбежны в настоящий именно момент и в ближайшем будущем. На этой почве естественны также повторные попытки взрыва мостов, устройства стачек, шпионских проделок всякого рода и т. п. Все меры предосторожности, самые усиленные, систематичные, повторные, массовые и внезапные, необходимы во всех без исключения центрах, где хоть какую-либо возможность „ютиться“ имеет „питательная среда“ контрреволюционеров»
> [67]
> .

Это была программа борьбы с контрреволюцией, программа укрепления прифронтового тыла, его охраны. Ею М. С. Кедров руководствовался в своей работе на Южном фронте. Главной целью поездки была организация борьбы с контрреволюцией и шпионажем в армии и прифронтовом тылу.
Обстановка в тылу Южного фронта была сложной. В связи с наступлением деникинской армии здесь скопилось много беженцев с Украины. Отмечался наплыв большой массы людей с севера: мешочники, буржуазные элементы, бывшие офицеры, пробиравшиеся в стан белых.

«В Тамбовской и Воронежской губерниях, — доносил начальник особого отдела фронта, — крепкие нелегальные организации партии эсеров. Из Тамбовской губернии вышли лидеры эсеровской партии В. Чернов, М. Спиридонова. Эсеры имеют большое влияние на крестьян. Часть из них отказывается от службы в Красной Армии и уходит в лес, пополняя отряды „зеленых", дезертиров».
Беседуя с корреспондентом «Известий» во время поездки на юг, М. С. Кедров говорил, что всюду, куда прибывал поезд ВЧК, удавалось несколько расшевелить деятельность местных органов ЧК и, очищая их от примазавшихся и враждебных элементов, «внести в их работу живую струю». Комиссия, по словам М. С. Кедрова, потребовала от всех местных органов ЧК повысить бдительность, удвоить надзор за буржуазной средой, за всеми подозрительными и ненадежными элементами. В специальных обращениях к рабочим и красноармейцам комиссия призывала: «…о своих подозрениях каждый гражданин обязан сообщать в ближайшую чека или особый отдел или комиссару ближайшей войсковой части». Обращаясь к партийным организациям, советским органам, командирам и политкомиссарам Красной Армии, она призывала их: «…действуя заодно с ЧК и особыми отделами, задушить деникинскую агентуру».
Проводя строгую ревизию деятельности местных ЧК и особых отделов, комиссия М. С. Кедрова помогала им в организации и проведении режимных мероприятий. «Особое внимание, — отмечал М. С. Кедров в беседе, — комиссией было обращено на реорганизацию бюро пропусков особых отделов ВЧК для проезда по железным дорогам через прифронтовую полосу. Значительно был усилен контроль над проезжающими…» По инициативе Особого отдела ВЧК были организованы летучие отряды, которые проводили строгую проверку на станциях и в поездах документов и пропусков для въезда в прифронтовую полосу. Были выявлены и выдворены из прифронтовой полосы подозрительные элементы, задержано свыше 50 деникинских шпионов, много дезертиров.
На борьбу с дезертирством и бандитизмом и причинами, их порождавшими, комиссия, по словам М. С. Кедрова, обратила особое внимание. В Козлове был разоблачен и арестован предатель, пробравшийся на пост председателя комиссии по борьбе с дезертирством. Имея официальные бланки и печать, он снабжал дезертиров ложными справками об освобождении от службы в Красной Армии. Такого же рода преступная деятельность была просечена в Старом Осколе. «Воронежская губерния, — говорил тогда М. С. Кедров, — в течение двух недель была очищена от дезертиров».
Комиссия М. С. Кедрова в Воронеже, Курске, Орле обследовала исправительные учреждения и рассмотрела дела содержавшихся в них арестованных: часть из них была освобождена с воспрещением въезда в прифронтовую полосу, другая — за уголовные преступления — «присуждена к окопным работам», изобличенные в контрреволюционной деятельности — отправлены в исправительно-трудовые учреждения. В одном только Воронеже за несколько дней было рассмотрено более 600 дел. Причем большинство арестованных было освобождено. Обследование мест заключения способствовало укреплению законности в деятельности губернских ЧК и администрации исправительно-трудовых учреждений.
Работа, проделанная комиссией М. С. Кедрова совместно с местными партийными и чекистскими органами, обеспечила укрепление тыла Южного фронта.
В середине августа «поезд ВЧК» вернулся в Москву. Но вскоре М. С. Кедров, как член коллегии ВЧК, отправился на Западный фронт. Он посетил Смоленск, Оршу, Могилев, Гомель. В поездке он занимался укреплением тыла Западного фронта, оказанием помощи особым отделам и местным ЧК в ликвидации контрреволюционного подполья и вражеской агентуры, проверкой строительства оборонительных рубежей.
Дольше, чем в других пунктах, Кедров задержался в Гомеле. Гомельский укрепленный район с развитым железнодорожным узлом был расположен на стыке Западного и Южного фронтов. После падения Киева он приобрел не только оперативно-тактическое, но и стратегическое значение. И было очень важно удержать его. Прибывшие сюда из Киева Я. Х. Петерс, председатель ВУЧК М. Я. Лацис, член Военсовета и начальник политотдела ВНУС К. А. Мехоношин и М. С. Кедров обсудили создавшееся положение и решили образовать Совет обороны Гомельского укрепрайона, подчинив его командованию Западного фронта; разгрузить Гомельский узел от скопившихся железнодорожных составов

и грузов; просить Москву усилить этот боевой участок войсками. М. С. Кедров согласился взять на себя обязанности командующего и председателя Совета обороны Гомельского укрепленного района. Сохранилась телеграфная лента разговора Мехоношина и Кедрова по прямому проводу с Ф. Э. Дзержинским:

> «Ввиду исключительного стратегического значения Гомеля, находящегося под ударами Деникина и поляков, пришлось экстренно образовать Совет укрепленного Гомельского района под временным председательством Кедрова… Полагаем, что более целесообразно подчинение Гомельского Совета Зап. фронту… Сил здесь мало, и просили бы, если представится возможность, направить в Гомель два батальона надежных войск внутренней охраны, а формируемую здесь бригаду войск ВЧК подчинить Совету укрепленного района. Просим ускорить утверждение образованного Совета. Кедров. Мехоношин». Дзержинский ответил, что сообщение пересылает в Реввоенсовет и будет настаивать на срочном ответе. С записью разговора 4 сентября ознакомился В. И. Ленин. Затем ленту переговоров он направил в Реввоенсовет Э. М. Склянскому с поручением:
> «Архисрочно для принятия мер»
> [68]
> .

Готовность взять на себя ответственность была в характере Кедрова. Он всегда так поступал. Например, во время командировки в Сибирь в 1917 г. Сошлемся на его воспоминания: «Октябрьский переворот поставил перед (Омской) парторганизацией задачу — кого поставить во главе Омского Совета рабочих и солдатских депутатов. Не было соответствующих лиц. Председателем исполкома продолжал оставаться (меньшевик) — интернационалист. На сделанное ему большевиками предложение продолжать работу при Советской власти выставил ряд требований и подал заявление об уходе. Ведение этих переговоров совпало с моим приездом в Омск. Моя точка зрения была такова, что никаких принципиальных уступок (меньшевикам) делать не годится, и, если указанное лицо будет настаивать на своем, подал мысль выдвинуть мою кандидатуру в председатели исполкома. Это предложение встретило полное одобрение.

Председатель подчинился требованию Комитета о большевистском составе исполкома, отказался отстаивать свое требование о блоке с соглашателями и признал руководство Советом партийного комитета».

М. С. Кедров принадлежал к той части революционеров — их у нас справедливо называют ленинской гвардией, — которой по плечу была и тяжелейшая ноша, и огромная ответственность.

Под руководством М. С. Кедрова Гомельский укрепленный район стал плацдармом, с которого в ноябре началось наступление 12-й армии на Чернигов и Киев. Кедров организовал разгрузку Гомельского железнодорожного узла, эвакуацию ценных грузов в глубь страны. Здесь ему пригодился опыт по разгрузке продовольственных грузов на станциях Московского узла, которую он проводил по личному поручению В. И. Ленина. Отсюда, из Гомеля, по распоряжению Ф. Э. Дзержинского Михаил Сергеевич в конце сентября выехал в Тамбовскую губернию. Прибыв в Тамбов, М. С. Кедров прежде всего постарался уяснить себе сложившуюся после рейда Мамонтова обстановку. Из первого посещения Южного фронта он знал, что Тамбовская губерния — крестьянская, рабочий класс малочисленный, что здесь крепки и активны эсеровские организации, имеющие влияние среди крестьянства. Военные постои, реквизиции хлеба продовольственными отрядами, намеренное искривление продовольственной политики правительства эсерами — все это вызывало недовольство не только кулаков, но и части середняков. Недовольство это вылилось в борьбу против Советской власти в форме кулацко-повстанческих выступлений. Однако кровавый рейд корпуса Мамонтова, принесший крестьянам неизмеримо больший, чем продразверстка, ущерб и разорение хозяйств, порки и расстрелы, качнул среднее крестьянство на сторону Советской власти, на поддержку Красной Армии. Но кулачество после разгрома Мамонтова и освобождения губернии, потеряв надежду на скорое падение Советской власти, еще больше озверело и свою злобу вымещало на советских работниках,

бойцах продотрядов, крестьянах-бедняках. Накануне приезда М. С. Кедрова в Тамбов в Кирсановском уезде был убит антоновцами бывший председатель Тамбовского губисполкома М. Д. Чичканов.

— «Зеленое» движение в губернии, — докладывал М. С. Кедрову председатель губчека И. Якимчик, — идет на убыль. Крестьяне, бежавшие при налете Мамонтова в леса, возвращаются в свои деревни. А обманутые эсерами покидают антоновские банды и приходят с повинной. На днях сдался в плен один из антоновских главарей, член партии эсеров с пятого года…

На следующий день Михаил Сергеевич беседовал с пленным эсером, разочаровавшимся и в эсеровской партии, и в «зеленом» движении.

— Знаете ли вы Антонова? — спросил Кедров.

— А кто его, тамбовского волка, здесь не знает?

— А все же расскажите о нем.

— Антонов — местный, тамбовский, родился в Кирсановском уезде, — рассказывал пленный. — В пятом году примкнул к партии эсеров. «Отличился» в «экспроприации» винных погребов и убийстве чинов царской администрации. Вместе с другими уголовниками был сослан в Сибирь. После Февральской революции вновь появился в Кирсанове. Изображал себя «пострадавшим» от самодержавия. С помощью дружков-эсеров стал начальником уездной милиции. А потом с ними вместе ушел в лес, прятался по лесным селам. Собрал вокруг себя несколько десятков головорезов-кулаков, окрестил это сборище «дружиной». Устраивали набеги на деревни, убивали коммунистов, продотрядчиков, а собранный продотрядами хлеб увозили в лес. Отряды антоновцев особенно активизировались с началом рейда Мамонтова. Жгли деревни, грабили советские хозяйства, бывшие имения, убивали коммунистов.

— Мне известно, — продолжал пленный, — что Антонов посылал к деникинцам своих доверенных — Якимова и Санталова для установления связи «штаба» Антонова с командованием белых с целью совместных действий против Советской власти. Мне также известно, что Тамбовский губком эсеров подстрекал Антонова к антисоветскому выступлению…

Пленный, видимо, не знал, что доверенные Антонова, его курьеры, не добрались до штаба Деникина. В пути они были перехвачены чекистами и арестованы…

На основе изучения обстановки в губернии был разработан план оперативных, войсковых и режимных мероприятий, одобренный губкомом партии. При их проведении были задержаны деникинские агенты, предатели, выдававшие белым коммунистов, в их числе бывший секретный сотрудник Тамбовского жандармского управления. Все они были расстреляны. Выявлены также и задержаны дезертиры, пособники Мамонтова, кулаки, грабившие советские хозяйства. По постановлению губчека, утвержденному Кедровым, уголовники-грабители отправлены в исправительно-трудовые учреждения, дезертиры — в штрафные роты, пособники Мамонтова — кулаки, принимавшие участие в разграблении советских хозяйств, подвергнуты штрафу.

Тамбовская губчека издала приказ о сдаче населением в определенный срок оружия и предметов военного снаряжения.

В губернии было широко объявлено постановление ВЦИК об амнистии дезертирам и освобождении от наказания бандитов, явившихся с повинной.

После истечения срока явки с повинной (25 ноября) вооруженные отряды ВЧК и ВНУС нанесли согласованные удары по бандам, их базам. Но войсковых сил у губчека было мало, и довести ликвидацию банд до конца не удалось. Ядро банды (антоновская «дружина») укрылось до весны в лесных дебрях. В этом таилась опасность.

Публикуется впервые

М. Г. Рошаль
. ЗАПИСКИ ИЗ ПРОШЛОГО

Быстрое продвижение неприятеля на юге создало угрозу для существования Советской власти. В своем обращении к стране Ленин писал, что «наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции».
[69]
Находившиеся непосредственно в прифронтовой полосе это остро почувствовали.

Продвижение казаков создало большие трудности. Оно ослабило политическую работу в деревне. Некоторые партийные ячейки, заполучив винтовки в руки, в полном составе пошли на фронт.
В непосредственной близости, всего в 40–50 верстах от Воронежа, со стороны станции Лиски уже появились казачьи разъезды, внося сумятицу в жизнь города.
Сбежавшаяся со всех концов старой России поближе к Деникину белая агентура подняла голову. Ее шпионы и разведчики в городе распространяли ядовитые слухи. Они появлялись в публичных местах, в театрах, в кино, даже проникали в советские учреждения, открыто распространяли слухи о неизбежном падении Советской власти, о расправе над коммунистами и ответственными сотрудниками. Но и в этих условиях губком партии сохранял спокойствие, продолжал правдиво информировать население о положении дел на фронте.
Одновременно принимались энергичные меры к тому, чтобы разрядить сгущенную атмосферу, обеспечить безопасность ближайшего тыла. С этой целью в Воронеж прибыл поезд особоуполномоченного ВЧК М. Кедрова, соратника легендарного Феликса. Ему поручили ликвидировать осиные гнезда контрреволюции в Воронеже.
В опасный для диктатуры пролетариата момент следовало беспощадно разить классового врага. ЧК были даны полномочия сурово карать преступников. Губерния была объявлена на военном положении. Изданное в этой связи объявление гласило, что за участие в заговорах, шпионаже, тайное хранение огнестрельного оружия, повреждение железнодорожных мостов и связи, бандитизм и разбой виновные будут расстреливаться.
В результате произведенных с участием рабочих массовых обысков и арестов в городе было обнаружено несколько сот человек приезжей русской и иностранной знати, пробиравшихся к Деникину. Всех их принудительно выселили в глубь страны. 67 представителей крупной буржуазии и помещиков немедленно были арестованы и объявлены заложниками. Кроме того, было выявлено значительное количество оружия, которое находилось на руках у подозрительных лиц. По городу были выловлены скрывавшиеся дезертиры, произведена разгрузка тюрем от случайно задержанных лиц. Под председательством Н. Н. Кардашева была создана специальная комиссия, которая рассматривала вопрос об отсрочке военной службы для офицеров. Она проверила тысячу человек. После проверки значительная часть из них добровольно пошла служить в Красную Армию.
Созванный вскоре пленум губкома партии с участием председателей уездных исполкомов Советов сыграл выдающуюся роль в организации отпора казачьим бандам.
На пленуме было решено отодвинуть на задний план мирную культурную работу, подчинив все военным интересам. В партийных организациях устанавливалась железная дисциплина, нарущение которой каралось исключением из партии любого провинившегося лица. Все партийные силы направлялись на боевые укрепления фронта и тыла.

Рошаль М. Г.

Записки из прошлого.

М., 1969, с. 80–82

А. И. Набокин
. КЕДРОВ В ТАМБОВЕ

Начальник Особого отдела ВЧК Михаил Сергеевич Кедров считал своим долгом находиться там, где мог принести наибольшую пользу. С группой оперативных работников он часто выезжал в горячие точки борьбы с контрреволюцией.

После разгрома Колчака на востоке главным стал Южный фронт, где белогвардейские полчища генерала Деникина рвались к Москве. Вражеские лазутчики проникали в тыл сражающейся Красной Армии и в ее ряды: шпионили, склоняли неустойчивых людей к измене и предательству…

В начале июля 1919 г. М. С. Кедров с поездом Особого отдела ВЧК выехал на юг для проверки особых отделов армий и организации контрразведывательной работы в районах, прилегающих к фронту.

Первую остановку чекисты сделали в Козлове, теперешнем Мичуринске, где в то время находился штаб Южного фронта.

При проверке контрразведывательной работы в прифронтовом тылу М. С. Кедров обратил внимание на материалы об убийстве коммунистов — руководителей партийной организации Моршанского уезда и попросил следственное дело.

В комнату вошла молодая красивая женщина в гимнастерке, затянутой широким ремнем, с папкой в руках и четко доложила: следователь особого отдела фронта Кочетова.

Молодость сотрудницы не вызвала удивления. В годы бурных революционных преобразований люди взрослели быстро. Да и сам Кедров, как и многие его соратники, встал на путь революционной борьбы в юном возрасте и не замечал, чтобы молодость мешала сражаться с царским самодержавием в трудных условиях подполья и постоянного преследования.

Наряду с молодыми в военную контрразведку партия направляла зрелых коммунистов, успевших повоевать за Советскую власть. Они были полны решимости разоблачать белогвардейских лазутчиков, карать изменников и предателей. Но им еще не хватало знаний и опыта.

…Двадцатилетняя дочь учителя из города Пензы Евдокия Кочетова добровольно поступила на службу в Красную Армию… С помощью старших товарищей выросла в самостоятельного способного сотрудника.

Кочетова проделала большую работу по «моршанскому делу». Побывала на месте преступления, допросила многих свидетелей, провела несколько экспертиз, проанализировала документы.

Ободренная доброжелательным расположением Михаила Сергеевича следователь подробно доложила существо дела:

— 22 октября 1918 года из Тамбова в Моршанск возвращалась группа руководящих работников во главе с Василием Петровичем Лотиковым. Автомобиль — за рулем П. А. Яцишин — миновал село Кулеватово. За ветхим мостом через речку Челновую дорога пошла лугом. Когда машина поравнялась с мелким кустарником справа от дороги, оттуда грянули выстрелы. Из семи человек, ехавших в машине, спасся один — Фалеев. Спрыгнув с автомобиля, он побежал к речке и спрятался в камыше. Когда бандиты ушли, он прибежал в село Хлебниково и поднял тревогу. Расследование вели первоначально Моршанская уездная ЧК, а затем особый отдел Южного фронта.

Следствием на основании осмотра места убийства, показаний свидетелей установлено, что преступление совершено кулаками села Отъяссы, членами партии эсеров братьями

Меркуловыми — Тимофеем и Ефремом. Свидетель — житель села П. Е. Молчанов на допросе показал: «В начале 1918 г. я встретил Тимофея Меркулова в Моршанске. Он сказал: записываю тебя в милицию, а что за милиция, я не знал. Нас было несколько человек. Сначала мы находились в Моршанске, потом переехали в Сосновку. Все носили винтовки, револьверы, имелся и пулемет».

Но в Сосновке быстро поняли, что это за «милиция». Отряд разоружили и разогнали. Братья Меркуловы вернулись в село. Здесь их антисоветскую деятельность разоблачил комитет бедноты. В сентябре 1918 г. обозленные эсеры убили председателя Отъясского комбеда Дмитрия Егоровича Игумнова. С этого момента Меркуловы перешли на нелегальное положение, скрывались в лесах, занимались бандитизмом. В Астрахани был арестован третий Меркулов, Павел. Он имел поддельный паспорт на другое лицо. При обыске у Меркулова обнаружили браунинг, 37 боевых патронов, карту, компас, чистый бланк паспорта. Из-за голенища сапога извлекли стальную ножовку. Кроме того, у преступника нашли черновик письма, адресованного Меркуловыми Моршанскому Совету и ЧК. Эсеры с циничной откровенностью писали: «Мы будем бороться с вами и мстить вам беспощадно, будем убивать и расстреливать до тех пор, пока сами живы».

Сожительница Тимофея Меркулова — Ширкова при допросе показала, что вскоре после стрельбы на лугу Тимофей зашел к ней с винтовкой. На вопрос: «Кто стрелял?» — он грубо ответил: «Не твое дело, не приставай». Попросил напиться, простился и исчез.

Установлено, что Тимофей и Ефрем Меркуловы участвовали в бандитском налете на село Пахотный Угол и в бою были убиты.

В докладе по делу отмечалось, что следствие шло в трудных условиях. Не всегда были объективны свидетели: былая власть кулаков, их влияние на сельское население давали себя знать.

Вокруг дела об убийстве Лотикова и его товарищей шла острая политическая борьба. На собраниях и митингах в селах уезда крестьяне выражали свой гнев и возмущение, клеймили позором эсеровских убийц, требовали сурового их наказания.

М. С. Кедров одобрил следственную работу, проведенную Кочетовой и другими сотрудниками отдела, дал практические советы.

— Работайте в тесном контакте с политорганами, опирайтесь на коммунистов, — говорил Михаил Сергеевич особистам, — и вы всегда будете иметь поддержку во всех важных делах.

М. С. Кедров терпеливо учил молодых работников, призывая их проявлять смелость, инициативу, находчивость, оправданный риск в работе. В то же время жестко требовал соблюдать железную дисциплину, делом помогать командованию в осуществлении боевых операций, показывать личный пример мужества и отваги в бою.

Проделав необходимую работу в особом отделе Южного фронта, М. С. Кедров направился в Тамбов. Тамбовщина была прифронтовой полосой. Здесь формировались и направлялись на фронт воинские соединения. Отсюда в промышленные центры отправлялось продовольствие, главным образом хлеб, в котором страна испытывала крайнюю нужду. Кроме организации борьбы с контрреволюцией Кедров имел мандаты от Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомпрода на право контроля деятельности местных органов…

На перроне Тамбовского вокзала М. С. Кедрова встретил председатель губернской чрезвычайной комиссии Якимчик Иосиф Иосифович. Он был сыном бедного белорусского крестьянина. При старом строе выбился в учителя и три года обучал грамоте крестьянских детей. Во время первой мировой войны — рядовой солдат, после революции избран в солдатский комитет. В 1917 г. вступил в ряды РКП(б). Воинская часть, в которой служил Якимчик, оказалась в Тамбове и здесь была расформирована. Молодой коммунист некоторое время работал в агитпропотделе губкома партии. Затем ему доверили руководить губчека. Якимчик с жаром взялся за порученное дело, но испытывал затруднения в решении многих вопросов, поэтому искренне обрадовался приезду чекистов из центра.

На стареньком, видавшем виды автомобиле Якимчик и Кедров направились в город. Михаил Сергеевич побывал в губкоме партии, губисполкоме, выслушал сообщения руководителей о положении дел в губернии, их просьбы, поделился своими планами.

В группу Кедрова входили оперативные сотрудники и следователи Ламовский, Тубала, Ефремов, Эйдук. Это были опытные, знающие дело люди, которые начинали службу в

Особом отделе ВЧК с момента его создания, принимали участие в проведении сложных операций под непосредственным руководством Дзержинского. Вместо с сотрудниками губчека они рассматривали материалы, допрашивали арестованных, свидетелей, собирали улики, завершали расследование. Михаил Сергеевич участвовал в заседаниях коллегии губчека, давал оценки материалам, по наиболее важным делам поручал своим работникам проводить дополнительную, более квалифицированную проверку.
…Следователь губчека Сергей Бартенев вел дело на Никитина, арестованного по заявлению рабочих вагоноремонтных мастерских за принадлежность к царской охранке. Рабочие писали, что Никитин состоял в социал-демократической организации железнодорожников, посещал занятия политкружков, участвовал в нелегальных заседаниях, несколько раз арестовывался вместе с другими революционерами, но вскоре оказывался на свободе, тогда как других отправляли на каторгу. Рабочие замечали и тайные встречи Никитина с жандармами.
В делах губчека материалов на Никитина, как на секретного агента, не оказалось. Вел он себя самоуверенно, категорически отрицал причастность к охранке, представлял себя человеком, чуть ли не пострадавшим за дело революции. Царская охранка тщательно оберегала своих агентов. Каждому завербованному предателю давали псевдоним, которым он подписывал донесения. Встречи проводились с соблюдением строгой конспирации. Живя под постоянным страхом возмездия, агенты ревностно постигали ремесло тайного предательства, учились лгать и всячески изворачиваться на случай провала.
По поручению Кедрова делом занялся следователь Особого отдела ВЧК А. В. Эйдук. Он передопросил свидетелей, уточнил их показания, выявил и допросил новых свидетелей. При более тщательном изучении архива жандармерии обнаружил несколько секретных донесений на тамбовских революционеров, написанных почерком, похожим на никитинский, подписанных псевдонимом. Экспертиза дала заключение, что донесения написаны Никитиным. Изобличенный неопровержимыми доказательствами, предатель признался, что был агентом охранки, выдавал революционеров и получал за это деньги. По постановлению коллегии губчека провокатора расстреляли.
Нельзя было оставлять безнаказанными тех, кто до революции расправлялся с борцами за освобождение трудящихся.
…Молодой крестьянин Ефим Морин с большим трудом пробился в высшее учебное заведение — учился в Москве, в институте. Там он познакомился с социал-демократами, вступил в подпольную организацию, стал способным партийным агитатором.
Семья Морина жила в имении княгини Нарышкиной. Приезжая в село на каникулы, молодой революционер беседовал с крестьянами, призывал бороться за свои права, распространял нелегальные листовки. Помещица возненавидела «бунтаря» и искала случая расправиться с ним.
В 1907 г. за пропаганду революционных идей и распространение нелегальной политической литературы полиция арестовала Ефима Морина. При конвоировании арестованного в полицейский участок стражники Щербаков и Колдашев застрелили Морина — якобы «при попытке к бегству». Жители окрестных деревень возмущались расправой над революционером и заявили, что его убийство на совести княгини.

По жалобе родственников убитого судебные органы
:
проводили тогда расследование. Экспертиза дала заключение, что совершено преднамеренное убийство. Но царские власти замяли это дело не без участия помещицы Нарышкиной.

После революции в ЧК поступили данные, что Нарышкина дала взятку стражникам в сумме 300 рублей, чтобы «убрали смутьяна», и подкупила судей, которые замяли дело. На основании новых данных следствие возобновили, разыскали старое дело. Нарышкину арестовали.
Еще не старая, высокая, полная женщина с грубыми чертами лица целыми днями молилась в камере… На допросах бессовестно лгала, категорически отрицала свою причастность к

убийству Морина. Дело осложнялось тем, что бывшие стражники Щербаков и Колдашев погибли на фронте, их допрос исключался.
Михаил Сергеевич проявил интерес к этому делу. Поручил своим сотрудникам разобраться с материалами. Следователь ВЧК Ламовский выехал на место преступления. Жизнь помещицы в деревне была на виду. Бывшая горничная Наталья Прусакова на допросе показала, что барыня в ее присутствии выдала стражнику Щербакову 300 рублей и сказала, что это на двоих с Колдашевым «за то дело». Тогда же стражники, пьянствуя в местном кабаке, бахвалились, что барыня у них «на крючке», они в любое время могут тянуть с нее деньги.
Вернувшись в Тамбов, Ламовский вызвал Нарышкину на допрос. Она, как и прежде, категорически отрицала свою вину.
— Ну что же, — сказал следователь, — тогда поедем в деревню. Пусть люди расскажут о ваших проделках.
Нарышкина поняла, что дальше запираться бесполезно, сверкнула недобрыми глазами:
— Не надо никуда ехать, пишите, сама все расскажу.
Когда протокол был оформлен, каждый лист подписан, следователь спросил:
— А как же бог посмотрит на ваши прегрешения?
— Бог меня простит, — потупившись, тихо ответила арестованная.
— Бог, может, и простит, — сказал следователь, — а военный трибунал наверняка строго накажет.
Так оно и вышло.
Кедров, находясь в Тамбове, пересмотрел все дела на арестованных, обошел камеры, беседовал с арестованными, дал указание по каждому делу. Председатель губчека И. И. Якимчик вспоминал потом:
«Кедров и его работники проявляли неутомимость. Сотрудничество с ними было полезным, работалось легко. Мы часто забывали о сне и отдыхе. За три недели их пребывания в Тамбове, по сути дела, были рассмотрены все основные материалы. Полученную помощь трудно переоценить».
Как наследие военной разрухи, голода и холода в Тамбове свирепствовал тиф, уносивший тысячи жизней. Больницы были переполнены, не хватало медикаментов. Врач, фельдшера, медицинские сестры валились с ног от неимоверной перегрузки. В то же время часть медиков под всякими предлогами пытались уклониться от лечения тифозных больных.
Губком партии и губисполком создали комиссию по борьбе с эпидемией. Михаил Сергеевич вызвался быть ее председателем. Комиссия развернула активную работу. На борьбу с сыпняком были мобилизованы все медики. Кедров ежедневно проверял работу больниц. Он добился поступления лекарств. Улучшилось питание больных, уход за ними. Эпидемия пошла на убыль.
Многие жители Тамбова своим спасением были обязаны чекисту и врачу Кедрову.
Во второй половине девятнадцатого года военное положение в Тамбовской губернии значительно усложнилось. Белогвардейские войска генерала Деникина, наступавшие с юга, вторглись в пределы соседней, Воронежской губернии. Конный корпус генерала Мамонтова совершил рейд по тылам Красной Армии, сея смерть и разрушение. В середине августа Мамонтов прорвался в тыл Южного фронта в районе Новохоперска. Беляки захватили Грибановку, Жердевку, устремились к Тамбову. Всего несколько дней белоказаки находились на тамбовской земле, но нанесли огромный материальный и моральный ущерб. Они сжигали железнодорожные станции, разрушали путевое хозяйство, грабили склады, убивали ни в чем не повинных людей. С приходом белых активизировались контрреволюционные элементы, подняли голову кулаки.
Вскоре после набега белогвардейцев «поезд Кедрова» побывал в Тамбове еще раз. Прибыл он в конце сентября или начале октября. Войска Красной Армии к этому времени разгромили корпус Мамонтова, но Тамбовская губерния все еще находилась на военном положении. В кабинете секретаря губкома Кедров увидел пирамиду винтовок и ящики с патронами. На столе стоял полевой телефон.
Партийные и советские органы губернии наводили порядок, восстанавливали разрушенное хозяйство, налаживали нормальную жизнь. Чекисты вылавливали контрреволюционеров,

выявляли мародеров, которые, воспользовавшись набегом мамонтовцев, тащили народное добро со складов и из вагонов.

Сотрудники Кедрова помогали местным чекистам закончить расследование по наиболее важным делам. При рассмотрении материалов особое внимание обращалось на выявление и пресечение враждебных замыслов со стороны эсеров, все еще имевших влияние в крестьянской среде.

В конце октября Кедров вместе с представителем губкома партии выехал в Моршанск, где провел работу по очищению партийных и советских органов уезда от меньшевиков и эсеров.

В Москву начальник Особого отдела ВЧК вернулся в канун второй годовщины Октября. На торжественном заседании в Большом театре Кедров встретился с Дзержинским. Феликс Эдмундович проявил большой интерес к результатам поездки. Даже в минуты отдыха этих людей не покидала забота о судьбах тамбовских крестьян. Обсуждалось положение в губернии, намечались меры по укреплению губчека кадрами.

Чекисты Тамбовщины бережно хранят память об одном из первых своих наставников. В музее истории органов государственной безопасности Тамбовской области собраны документы и материалы о жизни и деятельности видного деятеля партии в Советского государства М. С. Кедрова. На одном из стендов помещена его фотография, ее подарил музею сын революционера — Бонифатий Михайлович.

Жизнь и деятельность необыкновенного человека — Михаила Сергеевича Кедрова, его кристальная чистота и преданность делу революции вдохновляют поколения чекистов на самоотверженный труд, на верное служение Родине.

Публикуется впервые

В. Г. Белугин

. ПРИКАЗ ВЫПОЛНЕН

С Михаилом Сергеевичем Кедровым я познакомился во время своей работы в Тамбовской губернии. В августе 1919 г. нас собрали в самой просторной комнате — приемной председателя. Из кабинета к нам вышли руководитель губчека Якимчик и незнакомый солидный мужчина в армейской гимнастерке. Красивое лицо удлиняла небольшая темная бородка и такие же темные усики. Пристальным взглядом больших карих глаз он окинул собравшихся чекистов и кивнул Якимчику, приглашая начать собрание.

— Товарищи! Член коллегии ВЧК товарищ Кедров прибыл к нам с комиссией с полномочиями от ЦК РКП(б). Прошу всех чекистов оказать комиссии всемерную помощь…

Слово взял М. С. Кедров:

— Первая наша просьба к сотрудникам губчека такова. Здесь, на станции Тамбов, должны быть вагоны с оружием и медикаментами. Их ждет фронт. Надо эти вагоны найти и помочь отправить груз по назначению. С этого и начнем нашу совместную работу.

Сразу же все, кроме дежурного и часовых, отправились на станцию. Там, разделившись на группы, совместно с железнодорожниками начали осматривать скопившиеся составы. Многие вагоны были разграблены мамонтовцами и мародерами.

Вагоны с оружием, которые мы искали, оказались на тупиковой ветке. Загнали их сюда саботажники еще до рейда Мамонтова, или они были спрятаны от мамонтовцев? Это предстояло выяснить. Нашлись и медикаменты. На станции оказалось много «больных», искалеченных вагонов. По распоряжению М. С. Кедрова их отправили в железнодорожные мастерские, а за «лечением» установлен строгий контроль ЧК.

Вечером меня вызвали к представителю ВЧК.

— Оперативный следователь Булыгин, — представился я Кедрову.
— Тамбовский?
— Нет, москвич.
— Давно в Тамбове?
— С весны, но это уже второй раз. В 1918 году был здесь с продотрядом. Меняли мануфактуру и железоскобяные изделия на хлеб. — Заметив, что Кедров слушает меня внимательно, я продолжал. — Весной этого года в составе маршевой роты Рогожско-Симоновского полка прибыл из Москвы в Усмань. Несли гарнизонную службу, охраняли военкомат.
— А как попали в ЧК?
— Это тоже произошло в Усмани, Обратил внимание, что некоторые мужики везли на квартиры членов призывной комиссии муку… Доложил об этом уполномоченному ЧК. Приняли меры, а меня взяли на службу в ЧК…
Якимчик прервал меня и сказал Кедрову:
— Белугин отличился при разоружении анархистов.
— Значит, чекист хороший! А следователь? — спросил Кедров.
— Следователь пока начинающий, но толковый.
— Это мы увидим в деле. — Перед Кедровым на столе лежали следственные дела.
— Вам, товарищ Белугин, поручаем разобраться с арестованными, которым, обвинение еще не предъявлено.
Кедров приказал к вечеру следующего дня подготовить заключение по каждому долу: когда арестован, существо дела, в чем обвиняется и предложение о мере пресечения. Высказываю сомнение: не успею все прочитать. Кедров прерывает:

> — Надо успеть и читать не так, как в сельской школе читают. Вот вам дела и пропуск в домзак
> [70]
> ,— берет со стола пропуск и охапку дел, подает мне. — И помните, в ваших руках судьба арестованных людей. Если вины нет, нечего держать в заключении. Уголовников — на окопные работы. В общем, разберитесь с каждым.

Работал я всю ночь и весь следующий день. Просмотрел два десятка дел. С заключенными беседовал. Один оказался из антоновских мятежников, он с дружком перевозил в лес оружие. Фамилию дружка назвал, а указать место, куда свезли оружие, отказался. Беседовал я и с дружком его. Он и на следствии показал и вновь подтвердил, что был обманут антоновцами. Рассказал о зверствах антоновцев, грабежах, убийствах коммунистов, свидетелем которых был.
К назначенному сроку я докладывал коллегии губчека в присутствии Кедрова свое заключение и предложения по делам переправщиков оружия в банду. За участие в мятеже я предлагал их расстрелять. Коллегия не согласилась. По предложению Кедрова было решено заключить их в исправительно-трудовой лагерь. Такая же мера была применена к грабителям. В отношении полутора десятков остальных заключенных я затруднялся предложить решение. Так и сказал.
— Доложите суть дела. В чем каждый обвиняется, а мы решим, — ободрил меня Михаил Сергеевич.
После доклада было решено: освободить всех из заключения и воспретить им въезд в прифронтовую полосу.
Особое внимание М. С. Кедров обращал на борьбу с дезертирством, питавшим антоновские банды. Были организованы бюро пропусков особого отдела на железных дорогах, усилены контроль и проверка документов при въезде лиц в прифронтовую полосу.
Перед отъездом комиссии ЦК в Козлов (там располагался штаб Южного фронта) М. С. Кедров собрал личный состав Тамбовской ЧК. Рассказав кратко о проделанной работе, он потребовал от чекистов усилить надзор за подозрительными лицами, мобилизовать все силы губчека и войск внутренней службы на борьбу с бандой Антонова. Следовало выследить и захватить или уничтожить этого «тамбовского волка».

Вскоре после отъезда Кедрова я по партийной мобилизации был направлен на чекистскую работу на Украину. Работал в Киеве, Одессе, в Чернигове. В 1921 г. я по распоряжению Ф. Э. Дзержинского был переведен в Москву и вновь направлен в Тамбов, где еще продолжалась борьба с антоновщиной. За этой борьбой пристально следил В. И. Ленин, он требовал быстрейшей ликвидации антоновщины. По его распоряжению в Тамбовскую губернию были направлены боевые части Красной Армии, а командующим войсками назначен М. Н. Тухачевский. Ко времени моего приезда в Тамбов антоновские банды были разбиты и рассеяны. Раненому Антонову удалось скрыться. Наиболее отъявленные головорезы собрались вокруг его дружка Ивана Матюхина. Заняться этим «дружком» и поручили мне.
Представитель ВЧК Вельский передал мне папку с надписью: «Матюхин». Из бумаг, собранных в папке, следовало, что Иван Матюхин — злобный и коварный враг. За конокрадство еще при царе был сослан в Сибирь, откуда бежал. После Октябрьской революции был арестован, но эсер Антонов (в то время начальник милиции в Кирсанове) освободил Матюхина. Они вместе ушли в лес, подняв мятеж против Советской власти. При разгроме антоновских банд Красной Армией Матюхин уцелел и с остатками банды продолжал бесчинствовать, сеять смерть и разорение. Предполагалось, что у него осталось сто сабель. Было также известно, что на явочную квартиру антоновцев привезли из банды раненого Ивана Карпова.
Ознакомившись с делом, я пришел к выводу, что с помощью Ивана Карпова можно проникнуть в банду Матюхина.
— Заманчиво, очень заманчиво, — сказал, выслушав меня, представитель ВЧК Вельский. — Но риск чересчур велик.
— Кто не рискует, тот не выигрывает.
— Что ж, подумаем и решим.
Вскоре Вельский вновь пригласил меня и сказал:
— Товарищ Белугин, ваш план проникнуть в банду под видом представителя ЦК эсеров принят. Пойдете с товарищем Михаилом. Ваше появление в банде с ним оправданно. Он уже бывал в банде как связной от эсеров. Это дает шанс на успех.
Михаил — это конспиративная кличка чекиста Чеслава Тузинкевича. Я шел в банду под именем Николая Николаевича Николаева.
На квартире доктора мы с Михаилом встретились с Иваном Карповым. Этому отъявленному бандиту мы предложили выбирать: или суд и расстрел, или помощь чекистам в поимке Матюхина и сохранение жизни.
Карпов выбрал жизнь.
Вместе с ним и проводником, тоже бывшим антоновцем, мы должны были отправиться в лес, в матюхинское логово. Конечно, мы рисковали. Карпов, оказавшись среди своих, мог нас выдать.
В лагере от имени руководства эсеров мы предложили Матюхину выйти из леса в степь для «соединения с отрядами казаков». Он сначала наотрез отказался, а потом согласился обсудить это предложение с командирами. Узнав о месте совещания с командирами, мы через связного вызвали наш кавалерийский отряд. Удалось встретиться со связным из отряда и оговорить совместный план: по нашему сигналу — выстрел из маузера и взрыв гранаты — отряд нападет на банду.
Матюхин в лагере появился к вечеру. Вся головка банды собралась возле костра, на совещание. При обсуждении начались споры. Маузер у меня был спрятан под пальто. Воспользовавшись начавшейся ссорой, я выстрелил в Матюхина, а сам упал на землю. Бандит рухнул как подкошенный. В лагере началась стрельба. Миша — Чеслав Тузинкевич — был убит, взрыва гранаты не последовало. Но выстрелы в отряде услышали, и эскадрон скатился в котловину. Бандиты частью были уничтожены, частью взяты в плен.
Командующий войсками Красной Армии в Тамбовской губернии М. Н. Тухачевский наградил меня за эту операцию орденом Красного Знамени.
Не ушел от возмездия и Антонов. Чекисты нашли его схоронившимся на лесном хуторе, предложили сдаться. Он оказал сопротивление и был убит в перестрелке. Исполнился приказ Кедрова «выследить и уничтожить тамбовского волка».

Публикуется впервые

В. Н. Пластинин

. ПО ЗАДАНИЮ ЛЕНИНА

Глубокой осенью 1919 г. стало очевидным, что на страну надвигается новая беда — небывалая по своему размаху эпидемия сыпного тифа. Со всей серьезностью задача организации борьбы с сыпным тифом была поставлена на VIII Всероссийской конференции РКП(б). В политическом докладе ЦК 2 декабря 1919 г. В. И. Ленин определил как основные задачи текущего момента борьбу за хлеб и топливо и перешел к вопросу о возможных последствиях эпидемии сыпного тифа. Он говорил:

> «Третья наша задача есть борьба со вшами, теми вшами, которые разносят сыпной тиф. Этот сыпной тиф среди населения, истощенного голодом, больного, не имеющего хлеба, мыла, топлива, может стать таким бедствием, которое не даст нам возможности справиться ни с каким социалистическим строительством»
> [71]
> .

Через три дня в докладе на VII Всероссийском съезде Сонетов, касаясь главных вопросов, В. И. Ленин сказал:

> «Прежде всего это —
> вопрос о продовольствии, вопрос о хлебе…
>
> За вопросом о хлебе идет второй
> вопрос — о топливе…
>
> И третий бич на нас еще надвигается —
> вошь, сыпной тиф,
> который косит наши войска. И здесь, товарищи, нельзя представить себе того ужаса, который происходит в местах, пораженных сыпным тифом, когда население обессилено, ослаблено, нет материальных средств, — всякая жизнь, всякая общественность исчезает. Тут мы говорим; „Товарищи, все внимание этому вопросу“»
> [72]
> .

Вопрос об улучшении санитарного состояния республики, об организации борьбы с эпидемиями вызывал самую серьезную озабоченность ЦК партии и Совета Рабоче-Крестьянской Обороны.
Было ясно, что Наркомздрав, не имевший мобильного, дисциплинированного рабочего аппарата, не сможет справиться с поистине грандиозным объемом санитарных работ, требовавших предельной четкости и оперативности.
Тогда было решено привлечь к этому ВЧК, сотрудники которой всегда выполняли самые трудные задания партии.
Первые конкретные мероприятия относятся к началу ноября. М. С. Кедров так описывает первые действия:

«Канун Октября. Торжественное заседание Моссовета. Я только что вернулся из Тамбова, куда был командирован после налета Мамонтова.
Увидевший меня на заседании в Большом театре Феликс Эдмундович Дзержинский остановил меня:
— Вот хорошо, что приехали, — радостно сказал он. Речь его, торопливая, нервная, увлекающая, всегда волновала и захватывала собеседника… — Образована специальная комиссия по выработке положения об улучшении санитарного состояния республики… На днях должен выйти соответствующий декрет… Вот, познакомьтесь с материалами, — Феликс Эдмундович достал из портфеля несколько листков и передал их мне, — и скажите ваше мнение, а также согласны ли от ВЧК возглавить образуемую комиссию. Необходимо устроить день топлива, чтобы бани работали непрерывно, также день санитарии, провести кампанию пошивки белья и пр. Полагаю, что эта работа по вашему духу.
Я поблагодарил Феликса Эдмундовича, взял материалы для ознакомления, но я был уже согласен…»
Ф. Э. Дзержинский подписал 15 ноября 1919 г. приказ всем местным органам ВЧК, в котором говорилось: «Ввиду широко развивающейся эпидемии сыпного тифа и других болезней, одной из главнейших задач губчека, РТЧК и УТЧК должна быть борьба с разрухой в санитарном отношении…»
В таких условиях М. С. Кедров приступил к выполнению очередного задания партии. В его записях есть следующие строки:
«1919 г. С ноября месяца председатель Чрезвычайной комиссии по улучшению санитарного состояния республики при СТО. Борьба с сыпным тифом на Востоке РСФСР и в Сибири (при освобождении края от Колчака).
1920 г. Продолжение борьбы с сыпным тифом на Украине и юго-востоке (ликвидация деникинского фронта)».
Кедров участвует в подготовке декрета о санитарных мероприятиях, проводит дни санитарии и топлива, организует массовый пошив белья, строительство бань, оборудование дезинфекционных камер. Из числа сотрудников ВЧК создается институт уполномоченных по санитарному делу и специальная разъездная санитарная комиссия.

> «Борьба с охватившей всю страну тифозной эпидемией, — писал Кедров, — велась в ударном порядке и нередко приходилось, как и раньше, обращаться к Владимиру Ильичу и в тех случаях, когда комиссия была вынуждена превышать свои полномочия или когда требовалась поддержка Ильича»
> [73]
> .

«Поезд Кедрова» побывал на Волге, Урале и в Сибири, на Украине. И везде — мобилизация медицинского персонала на борьбу с сыпным тифом, выявление спрятанных запасов медикаментов, организация профилактики, расширение и благоустройство сети лечебных учреждений, распределение и трудоустройство выздоравливающих.
Только комплекс всех действий кедровской комиссии помог поставить непреодолимый барьер на пути эпидемии сыпного тифа, рвавшейся с востока и Украины к центральным губерниям России.
И только в начале 1920 г., когда угроза распространения эпидемии на всю страну была ликвидирована, М. С. Кедров выехал в Москву.
Высокую оценку деятельности Кедрова по борьбе с сыпным тифом дал Ф. Э. Дзержинский. «Вот, например, как инструктировал Феликс Эдмундович в присутствии Менжинского и Кедрова чекиста С. П. Кораблева перед отъездом его в Симбирск (ныне Ульяновск):
— Вы назначены начальником особого отдела, будете вылавливать шпионов, белогвардейских агентов. Но помните также о тифе. Госпитали в Симбирске забиты не только ранеными, но и больными тифом… Берите пример с товарища Кедрова. Он образцово организовал помощь медицинскому персоналу, снабжение медикаментами, лично занимался профилактикой против сыпняка во многих районах страны».

Пластинин В.

Коммунист Кедров,

Архангельск, 1969, с. 92

П. А. Плешков
. С КЕДРОВЫМ НА СЕВЕРЕ

Летом 1919 г. для проведения ревизии М. С. Кедров приехал в Великий Устюг. Здесь я познакомился с ним, работал под его руководством сотрудником Транспортной чрезвычайной комиссии Северо-Двинского бассейна.

Позднее, в 1920 г., я вновь работал с М. С. Кедровым в комиссии ВЧК по очистке Севера от белогвардейцев и англо-американской агентуры, оставленной интервентами для подрывной деятельности на территории Советской России. Выезжала комиссия в города Холмогоры, Пинегу и на Кольский полуостров…

В Соловки, Кемь, Александровск, Мурманск и в другие приморские города и населенные пункты мы «ездили» на пароходе «Сосновец», принадлежавшем ранее Соловецкому монастырю.

В качестве члена этой комиссии мне пришлось побывать в каторжных тюрьмах на острове Мудьюг и в бухте Иоканьга, созданных интервентами и белогвардейцами в период оккупации Севера. Невозможно вспоминать эти места заключения без душевного волнения. Иоканьга — это бухта на Мурманском побережье Северного Ледовитого океана, где находилась каторжная тюрьма для политзаключенных. Режим иоканьгской каторги уносил в могилу тысячи советских патриотов. Начальником иоканьгской тюрьмы был бывший помощник начальника нерчинской каторжной тюрьмы некто Судаков, который во время революции, спасаясь от возмездия, бежал в Архангельск и там скрывался. С захватом интервентами города этого палача назначили начальником тюрьмы на остров Мудьюг, а в 1919 г. перевели в Иоканьгу.

Заключенные размещались в холодных и грязных дощатых бараках, построенных в годы мировой войны для сезонных рабочих. Смертность среди узников Иоканьги была очень большая: 10–12 человек в сутки. Бандит Судаков с палачами-надзирателями в пьяном виде часто устраивал стрельбу по баракам. После одного такого разгула в горах в снегу зарыли 70 трупов…

Не менее ужасной была каторжная тюрьма и на острове Мудьюг, в 66 километрах от Архангельска. От страшных пыток, голода и болезной на острове Мудьюг умирали сотни заключенных рабочих и коммунистов. Эта каторжная тюрьма считалась лагерем для военнопленных и находилась в ведении контрразведки интервентов; охраняли ее французские войска. По рассказам бывших узников Мудьюга II. А. Чебунина и П. П. Рассказова, в тюремных застенках были расстреляны и замучены сотни советских граждан «при попытке к бегству и за неповиновение». Еще больше заключенных умерло от зверского обращения тюремщиков, от голода и болезней.

Осматривая в 1920 г. каторжные тюрьмы в бухте Иоканьга и на острове Мудьюг, комиссия обнаружила много документов, разоблачающих злодеяния интервентов и белогвардейцев. Все, что мы увидели в этих тюрьмах, произвело на нас неизгладимое впечатление. Даже М. С. Кедров, закаленный и мужественный революционер, не раз испытавший все ужасы тюремных режимов при царизме, не мог без волнения читать документы и записи на стенах бараков узников, замученных и заживо погребенных интервентами и белогвардейцами.

Вспоминая о своей работе в ТрансЧК, хочется сказать о своих товарищах-речниках, которые в годы гражданской войны работали на Севере. Речники В. М. Спиридонов, С. М. Чирков, Н. В. Пономарев, С. А. Кузнецов, П. С. Шубин, А. В. Тютрин, К. П. Воеводин, Н. Сметанин, Н. Елькин, А. Соловьев, Н. П. Гулынин, С. В. Васялин и другие были хорошими чекистами, они с честью оправдали доверие партии и народа в борьбе с врагами Советской власти. М. С. Кедров, возглавлявший комиссию ВЧК, всегда учил нас строго соблюдать революционную законность, не бояться трудностей, быть принципиальными и непримиримыми в борьбе с врагами революции.
1918–1920 годы — годы героической борьбы и побед над врагами нашей социалистической Родины — незабываемы.

Подвиг северодвинцев.

М., 1963, с. 187–190

О. Н. Подвойская
. МОИ ВСТРЕЧИ С МИХАИЛОМ СЕРГЕЕВИЧЕМ КЕДРОВЫМ

Моя мама была младшей сестрой Ольги Августовны, и когда та в 1908 г. после рождения сына Игоря тяжело заболела, мама сразу же пришла ей на помощь, взяв на себя кормление малыша. Так он стал моим «молочным» братом. Думаю, что случившийся в то же время провал и разгром жандармерией организованного М. С. Кедровым партийного издательства «Зерно» в не меньшей мере отразились тогда на здоровье моей тети…
Помню, как старший сын Михаила Сергеевича Фаня… перевозил меня после Февральской революции в Петроград из финского поселка Куоккала (ныне Репино), где наша семья жила четыре предшествующие года. Он был тогда четырнадцатилетним озорным, насмешливым пареньком, и по дороге, в поезде, нарочно пугал меня, пересказывая в темном вагоне «Вия» Гоголя.
В 1917 г. я там тяжело болела, лежала от слабости, видимо, на почве дистрофии. Помню, как Фаня ухаживал за мной охотно, хотя и не всегда умело. Было в тот год очень голодно. Общее хозяйство двух семей (нашей и Кедрова) вела Мария Августовна. Запомнилось, что она умудрялась использовать для готовки даже кожуру картофеля…
В марте 1919 г. наша московская жизнь на полгода прервалась в связи с назначением отца наркомвоеном Украины. После возвращения в Москву осенью 1919 г. нас поселили в 1-м Доме Советов (гостиница «Националь»), и мы опять оказались в близком соседстве с Кедровыми. Жили мы на одном этаже. Они — в номере 115. Мы — в 130-м.
Именно к этому времени относятся запомнившиеся мне встречи с Михаилом Сергеевичем. Помню его несколько цыганистую внешность, худощавую, высокую, подвижную фигуру, полувоенную форму, нервное выразительное лицо, очень живые глаза и черные волосы, усы, бороду. Его быструю речь, увлеченные рассказы, темпераментную игру на рояле. Он легко откликался на частые просьбы товарищей поиграть. Особенно любил он шубертовского «Лесного царя».
Как-то я присутствовала на товарищеской встрече в номере 115, когда Михаил Сергеевич читал друзьям созданный им сценарий драмы. Насколько я помню, это было символическое произведение. Действие происходило в пещере или подземелье. Люди стремились вырваться к свету.
В том году у Ольги Августовны родилась дочь — Сильва. Худенькая, черноглазая, но светловолосая девчушка.

И вскоре после этого мы с болью узнали, что Михаил Сергеевич расстается с Ольгой Августовной, с которой прожил 18 лет. Создались новые отношения с его соратницей по вооруженной борьбе на Северном фронте — Р. А. Пластининой. И хотя Михаил Сергеевич подчеркнутым вниманием, помощью стремился смягчить удар, он был трудно перенесен.

Публикуется впервые

В. Н. Пластинин

. НА СЕВЕРЕ И НА ЮГЕ

…В апреле 1920 г. М. С. Кедров назначается Полномочным представителем ВЧК по Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерниям. В «Кратких хронологических данных» им записано: «…член колл. НКВД… полпред Главкомтруд, Упол. ВСНХ Главода. — Один из организаторов Арханг. РКИ — Член Архангельского губкома».
Штаб-квартира Кедрова разместилась в Архангельске на Троицком проспекте (ныне проспект Павлина Виноградова), в доме № 114. Наряду с задачей очистить Архангельск от антисоветских элементов Кедрову предстояло решить вопросы строительства советских органов и укрепления Архангельской партийной организации.
Документы того времени показывают, насколько широко привлекал Кедров коммунистов Архангельска к борьбе с последствиями интервенции, к работе по ликвидации уцелевших очагов контрреволюции.
С 18 по 20 апреля 1920 г. «в Архангельске были произведены повальные обыски, в которых принимали участие все коммунисты, а также красноармейские части, общей численностью свыше трех тысяч пятисот человек… Было указано, что главная цель обысков борьба с контрреволюцией».
25 апреля 1920 г. М. С. Кедров выступил в газете «Известия Архгубисполкома» со статьей «О массовых обысках». В этой статье он как бы отчитался перед населением о результатах обысков, о мерах, принятых к тем, кто допустил нарушения революционной законности при обысках. Он писал:
«С самого начала следует отметить ту самоотверженность, которую проявили коммунисты, рабочие и красноармейцы при выполнении возложенных на них задач. Первый опыт дает право надеяться, что в дальнейшем товарищи и рабочие справятся с еще более трудной работой, стоящей на очереди, — борьбой с разрухой и налаживанием советского аппарата».
Михаил Сергеевич Кедров активно участвует в обсуждении и принятии важных решений по нормализации жизни на Севере.
…После разгрома интервентов и белогвардейцев всему миру стали известны факты бесчеловечного обращения с заключенными в Иоканьге и на Мудьюге. Летом 1920 г. в эти места прибыла специальная комиссия во главе с М. С. Кедровым, которой удалось обнаружить ряд документов, изобличающих интервентов и белогвардейцев в совершенных ими злодеяниях.
В июне 1920 г. на первой (после освобождения Архангельска) губернской партийной конференции М. С. Кедров был избран в состав малого президиума губкома партии.
Весной 1921 г. начинается новый этап в деятельности Кедрова. В марте его назначили уполномоченным СТО по рыбным промыслам Южного Каспия, полномочным представителем ВЧК — по Каспийскому морю. Он был также членом Бакинского Совета…
В Баку М. С. Кедров за короткое время побывал на всех рыбных промыслах Южного Каспия, изучая возможности каждого из них. Им же были сделаны первые шаги в организации централизованного управления рыбными промыслами. В одном из рейсов на шхуне «Дзержинский» (до Кедрова она называлась «Пир Алаги») он посетил порт Энзели и

выезжал в ряд других городов Персии для установления торговых связей, для выявления возможности закупки риса.

Когда в Баку в связи с голодом в Поволжье стали прибывать большие группы беженцев, М. С. Кедров и его сотрудники возглавили организацию помощи продовольствием и одеждой, приняли все меры для подавления вспышек сыпного тифа, проявили особую заботу о детях Поволжья.

Находясь в Баку, М. С. Кедров часто встречался по работе с С. М. Кировым, Г. К. Орджоникидзе, Н. Наримановым и начальником Азнефти А. П. Серебровским. В поисках путей скорейшего восстановления нефтяных промыслов М. С. Кедров решил создать «Бюро содействия нефтяной промышленности, транспорту и Красной Армии»…

Примерно через год Кедрову пришлось переехать в Астрахань. Суда речного флота Нижней Волги и Каспийского морского пароходства требовали серьезного ремонта. Необходимо было правильно организовать эксплуатацию торгового флота, а также решить вопрос об организации бесперебойного снабжения речных и морских судов жидким топливом, имевшимся в большом количестве в нефтехранилищах Гурьева. В поле деятельности М. С. Кедрова оказались и рыбные промыслы Нижней Волги. В 1922 г. М. С. Кедров — председатель «Бюро содействия транспорту» (в Астрахани). Как и в Баку, организуя это «Бюро», М. С. Кедров умело привлекал к решению узловых проблем все заинтересованные организации и учреждения, добиваясь положительных результатов.

В конце 1922 г. М. С. Кедров выехал в Москву за новыми заданиями…

Внимание Кедрова привлекали вопросы хозяйственного развития Крайнего Севера, и в частности Печорского края. Лесные богатства, рыбный промысел, разведка полезных ископаемых, добыча пушнины при правильной организации могли внести большой вклад в дело развития народного хозяйства страны. Большие трудности возникали здесь из-за отдаленности края и ограниченности путей и средств сообщения. Словом, Печорский край надо было вызвать к жизни, приобщить его к участию в решении хозяйственных задач общенародного значения.

Зимой 1923 г. Кедров выезжает на Печору.

Поселившись в Усть-Цильме, он принимает активное участие не только в налаживании хозяйства края, но и в организации культурной жизни на Печоре. Совместно с укомом партии (Я. Н. Набатов, М. Г. Маккавеев) М. С. Кедров организовал выпуск газеты «Печорская правда». Секретарь укома Я. Н. Набатов вспоминает: «…для обеспечения материальной стороны выпуска очень много помог М. С. Кедров. Он отпустил нам нужную типографскую машину „Бостонка“ и отпустил бумаги, обеспечивающей выпуск газеты на полгода. Первый номер был весь написан нами, т. е. мной, Кедровым и Пластининой. Корректором была Пластинина, и нами же проводилась верстка газеты».

В июне 1923 г. на пленуме Печорского укома партии М. С. Кедров говорил:

«Главная задача образовавшейся в Москве комиссии — оживить Печорский край. Задача эта весьма трудная при отсутствии путей сообщения, в особенности зимой. Первая и главная задача — это прорубить окно из Печоры для связи водных путей с Россией. Здесь уже давно работали группы, проектирующие связь Печоры с Архангельском через Индигу. Мне было поручено устройство порта по Индиге для связей с Архангельском и заграницей… Чтобы оживить Печорский край, потребуются большие средства…»

Немало сил потратил М. С. Кедров на то, чтобы пушнина поступала в государственные организации (Госторг, «Северопушнина»), минуя руки субагентов, основные кадры которых состояли из местных кулаков-торговцев. Эти субагенты-кулаки с давних лет при помощи спиртных напитков держали ненцев-охотников в постоянной зависимости.

В 1923 г. Печорский уком партии провел Первый съезд Советов большой и малой тундры. Я. Н. Набатов вспоминает, что «было принято решение съезда, которое ликвидировало всю старую задолженность самоедов местным кулакам… Все заготовители были предупреждены в том, что если они будут получать пушнину и оленьи шкуры в счет старых долгов, то они понесут за это суровую кару…».

Многое было сделано комиссией Кедрова и по налаживанию работы Печорского речного пароходства.

Связь с Печорой Кедров не терял и после отъезда в Москву. Так, в марте 1924 г. он прислал на имя укома партии библиотечку политической литературы.

…В октябре 1923 г. М. С. Кедров переехал в Москву на постоянное местожительство.

Пластинин В.

Коммунист Кедров.

Архангельск, 1969, с, 96—103

А. С. Кубасов
. ДЕЛОВИТОСТЬ И СКРОМНОСТЬ

Свою службу в органах ЧК я начал в 1920 г. в Баку в МортЧК (морская транспортная ЧК). В феврале 1921 г. нас, группу чекистов, пригласили в кабинет председателя Сократова А. М. Кроме нашего председателя там находился еще один товарищ с живым, но строгим взглядом. Кто он, мы не знали.
Председатель объявил, что собравшиеся здесь товарищи составляют головную группу ЧК тифлисского направления, старший группы товарищ Малышев. Чем вы будете заниматься, какая будет ваша задача, расскажет полномочный представитель ВЧК товарищ Кедров. Среди присутствующих произошло некоторое волнение, все впились взглядом в товарища из центра. Это был солидный мужчина, выше среднего роста, в гимнастерке, подпоясанной ремнем, с маленькой кобурой.
Говорил Кедров громким голосом, четко формулировал свои мысли. Все слушали с большим вниманием.
— Красная Армия разгромила Колчака и Деникина, очистила от белогвардейцев юг России, сбросила в Черное море Врангеля, освободила Северный Кавказ и Азербайджан. Теперь настало время помочь освободиться от врага грузинскому народу. Ваша группа — головная на тифлисском направлении. Двигаться будете вместе с армейскими частями.
Сделал паузу, затем продолжал:
— Ваша главная задача — методами и средствами ЧК способствовать установлению и укреплению Советской власти в Грузии, помогать в создании местных Советов. Чтобы быть на высоте своих задач, необходимо вести разведку, выяснить состояние путей и мостов, предупреждать акты саботажа и диверсий на железной дороге. Выявлять белогвардейцев и их меньшевистских пособников. Изъять скрываемое буржуазными элементами и кулаками оружие.
Речь М. С. Кедрова все мы слушали с большим вниманием, и по ходу речи становились ясны не только задачи, но и, я бы сказал, подходы, пути к их решению. Особенно подчеркивал Кедров необходимость установления связей с местным населением, завоевания его доверия и симпатии, а этого можно добиться строгим соблюдением законности и агитацией.
— Да, и не удивляйтесь, — говорил Кедров, — агитацией. Нужно постоянно вести агитацию, возбуждать среди населения, железнодорожников энергию к самодеятельной работе по восстановлению и укреплению транспорта. В борьбе против саботажа и саботажников используйте силы ячеек РКП(б), помогайте им в создании местных Советов.
В конце своей яркой и страстной речи Кедров потребовал от нас постоянно быть в курсе современной жизни и информировать транспортный отдел и полпредство ЧК о всех событиях на фронте и на транспорте.
Ответив на вопросы (их было немного) чекистов, Кедров отпустил нас, оставив только старшего группы Малышева.

Нам было разрешено пойти домой, собрать все необходимое и собраться в определенное время в условленном месте. В ту же ночь наш поезд отправился на запад, к границе с Грузией. Группа следовала в одном эшелоне с войсковым штабом. В наше распоряжение было выделено несколько вагонов.
Эшелон двигался очень быстро, была одна задержка — белогвардейцы взорвали мост через реку. От Тифлиса вслед за наступающей Красной Армией дошли до Батуми. Были встречи с железнодорожниками, местными жителями. На этих встречах мы полностью оценили значение указаний Михаила Сергеевича. Мне запомнилась встреча со старушкой грузинкой на ее подворье. Смотрит на меня эта старушка и с сильным акцентом говорит: «Какие же хорошие вы, большевики, а нам чего только не говорили о зверствах большевиков. А вы хорошие, добрые люди и не похожи на тех зверей, какими вас изображали».
Пожалуй, после этой встречи и слов старушки я понял слова Кедрова о необходимости завоевания симпатий населения, соблюдения советских законов…
После освобождения Грузии и установления Советской власти наша головная группа влилась в транспортный отдел Закавказской ЧК. Налаживать ее работу помогал полномочный представитель ВЧК М. С. Кедров. Это был деловой человек, до фанатизма преданный революции, строгий и требовательный и в то же время скромный товарищ.
Вспоминается такой случай. Еще до отъезда нашей группы в Грузию на Каспийском море задержали судно с контрабандой риса. По правилам того времени полагалось часть контрабанды раздать тем, кто ее задержал, — пограничникам, чекистам. В соответствии с этими правилами составили список для раздачи причитавшейся нашему подразделению части риса. Представили этот список М. С. Кедрову на утверждение. Паек-то тогда был скудным. Кедров список этот утвердил, вычеркнув предварительно из него свою фамилию.
Находясь в Закавказье, Михаил Сергеевич отказывался от каких-либо приношений, подарков и приглашений «на хлеб-соль». На сей счет он был человеком весьма щепетильным. Все мы учились у Кедрова скромности, деловитости и чуткости.
Сам Кедров был истинным чекистом, беспредельно преданным делу Ленина, взыскательным к себе и товарищам, в высшей степени организованным работником. И в то же время это был реальный, земной человек, чуткий товарищ, требовательный и заботливый начальник.

Публикуется впервые

В. Х. Фраучи

. УНИКАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Наш отец Христиан Фраучи был общителен, любил молодежь. Летом к нам в Ждани приезжали друзья брата Артура — студенты. Стол всегда был накрыт на 10–12 персон. И отец никогда не высказывал неудовольствия по этому поводу. А многочисленные родственники! Сестры матери с мужьями — Подвойские, Кедровы, сестры Мария и Элеонора. Все всегда с детьми. У Кедровых три сына — Бонифатий, Юрий и Игорь, у Подвойских четверо детей — Олеся, Лида, Лева и Нина. И всех отец принимал радушно.
В период столыпинской реакции, когда прогрессивно настроенные люди и революционеры были вынуждены скрываться от преследования охранки, Н. И. Подвойский и особенно часто М. С. Кедров месяцами скрывались у моего отца.
Михаил Сергеевич был необыкновенным рассказчиком. Его с интересом слушали и мой отец, и вся наша молодая поросль, в том числе и я. Мой отец был выходец из Швейцарии. Приехав в Россию, отец был удивлен несправедливостью строя в царской России. Но он только видел эту несправедливость, а ему хотелось понять, почему это происходит. В Швейцарии он окончил только начальную школу. Но любил читать книги, читал много,

всю жизнь, и полюбил русскую литературу. Он внимательно прислушивался к рассказам Н. И. Подвойского и особенно М. С. Кедрова. Эти рассказы и чтение способствовали просвещению Христиана Фраучи.
Но особенно сильное влияние Кедров оказал на моего брата Артура Христиановича Фраучи, студента Петербургского технологического института. В 1916 г. Артур окончил институт и по совету своего учителя, крупнейшего ученого в области металлургии профессора В. Е. Грум-Гржимайло, поехал работать на уральские металлургические заводы, чтобы овладеть специальностью инженера-металлурга. Там, на Урале, он восторженно встретил Февральскую революцию 1917 г. Летом того революционного года по вызову Кедрова Артур Фраучи вернулся в Петроград и окунулся в атмосферу революции.

Кедров был истинный революционер огромного диапазона, самой высокой идейной и моральной чистоты. Вместе с тем это был исключительно интересный человек. В 1934 г., когда я работал дежурным врачом Лечсанупра
[74]
Кремля, ко мне пришел М. С. Кедров и сказал: «Знаешь, Виктор, доктор Николай Нилович Бурденко сказал, что необходимо ампутировать мне ногу. У меня облитерирующий эндоартериит
[75]
. Ужасно болят пальцы, и пропал пульс на артериях, и типичная для болезни „перемежающаяся хромота“». Помнится, заболевание он назвал по-латыни.

«Но я не согласился на ампутацию, — продолжал Михаил Сергеевич, — и, представь, вылечил свою ногу». Я внутренне ахнул: ведь Николай Нилович Бурденко — светило, первый хирург страны. Он — главный хирург Советской Армии, первый президент Академии медицинских наук. Его заключение — инстанция последняя: если он сказал, что надо ампутировать, значит, конечность гибнет, спасти ее нельзя. И вот — вылечил! Но как? «А очень просто, — говорит Михаил Сергеевич. — В ногу поступает мало крови, сначала чернеют и гибнут пальцы — стопу надо отнимать, потом приходится ампутировать голень, а далее — бедро, потом — часто сепсис — и смерть. Значит, надо расширять сосуды, чтобы крови в ногу поступало больше. Поэтому я сконструировал каркас для ноги, вмонтировал туда ряд электрических лампочек и каждую ночь всовывал больную ногу в этот каркас и зажигал лампочки. Спать сначала было неудобно, но я вскоре привык. И представь: через месяц у меня появился пульс на более крупной — задней большеберцовой артерии (он конечно же назвал ее по-латыни), но позднее появился пульс и на более мелкой — тыльной артерии стопы. И вот, я вполне здоров».
Михаил Сергеевич был человек весьма разносторонний. Он писал даже пьесы революционного характера, одну из которых поставили в московском театре со своеобразным названием — «Теревсат» — театр революционной сатиры. Позднее этот театр был переименован в «Театр революции».
Таков был Кедров, этот уникальный человек.

Публикуется впервые

Е. И. Лотова

. НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОВЕТСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Врачебную деятельность М. С. Кедров начал главным врачом военного госпиталя в городе Кашине Тверской губернии. В декабре 1916 г. по его просьбе он был направлен на борьбу с эпидемиями в Закавказье на Персидский фронт.
В мае 1917 г. М. С. Кедров был вызван в Петроград… Начал работать врачом в статистическом бюро «Союза городов»…
В сентябре 1917 г. М. С. Кедров по заданию партии выехал в Омск. Формально он ехал как врач: «Союза городов» по делам размещения беженцев, в действительности же для установления непосредственной связи с сибирскими большевистскими организациями Омска, Новониколаевска, Томска, Бийска, Барнаула и других городов. В середине ноября 1917 г. он вернулся в Петроград и включился в строительство нового, Советского государства…
Совнарком поручил М. С. Кедрову провести всестороннее обследование всех отраслей деятельности местных советских учреждений. Так возникла «Советская ревизия», главная цель которой заключалась в оказании практической помощи в укреплении Советской власти на местах…
О деятельности «Ревизии» свидетельствуют приказы и обзоры деятельности Советской ревизионной комиссии, публиковавшиеся в «Известиях Народного комиссариата по военным делам» в 1918 г. Значительная часть этих материалов посвящена вопросам врачебно-санитарного характера. В Ярославле врачебно-санитарной секцией были проведены мероприятия по координации медицинской деятельности всех ведомств и была организована медицинская коллегия из их представителей.
В Вологде была избрана комиссия по осуществлению противохолерных мероприятий, приняты меры по установлению делового контакта между военными и гражданскими медико-санитарными учреждениями.
В Архангельске «Ревизия» издала ряд приказов по врачебно-санитарному делу. Губисполкому было предписано реорганизовать отдел здравия во врачебно-санитарный отдел. По указанию «Ревизии» в Архангельске был создан Совет медицинских коллегий — высший объединяющий санитарный орган Беломорского военного округа.
В Костроме «Ревизия» провела ряд мероприятий в связи с появлением первых случаев холеры. Она предложила передать свободный от работы персонал из военно-санитарных учреждений в распоряжение врачебно-санитарного отдела губисполкома. В Иваново-Вознесенске «Ревизия» предписала организовать при губисполкоме один общий врачебно-санитарный отдел, который должен был явиться высшим органом по руководству всей медицинской работой в губернии…
В тяжелое время войны эпидемии представляли серьезную опасность для страны. Органы здравоохранения нуждались в помощи, чтобы справиться с такой трудной задачей. Помимо борьбы с контрреволюцией, спекуляцией, должностными преступлениями ВЧК была поручена работа по улучшению санитарного дела в стране как дела особой государственной важности. По предложению Ф. Э. Дзержинского руководство борьбой с эпидемиями по линии ВЧК было возложено на М. С. Кедрова.
Всегда энергичный и неутомимый, М. С. Кедров возглавил Всероссийскую комиссию по улучшению санитарного состояния республики, готовил проекты декретов о санитарных мероприятиях, проводил дни санитарии, дни топлива, кампании по пошивке белья, постройке бань, оборудованию дезинфекционных камер. Из работников ВЧК был создан институт уполномоченных по санитарному делу и специальная разъездная санитарная комиссия. М. С. Кедров подготовил проект приказа «Всем местным органам ВЧК о мерах борьбы с разрухой в санитарном отношении». В ноябре 1919 г. этот приказ был подписан Ф. Э. Дзержинским.
Во время работы комиссии М. С. Кедров неоднократно обращался к В. И. Ленину за помощью, и о чем бы ни шла речь — о приобретении пошивочного материала, о получении помещений для госпиталей или о чем-либо другом, — Владимир Ильич всегда оказывал необходимое содействие.
Возобновил свою работу «поезд Кедрова», в состав которого входили работники ВЧК, Наркомздрава и различных общественных организаций (женотдел, профсоюзы).
«Поезд Кедрова» появлялся на Восточном фронте, на Волге, Урале, в Западной Сибири. Разгром Колчака на Урале, а затем в Сибири сопровождался освобождением территорий,

где свирепствовал сыпняк. Во многих городах Сибири М. С. Кедров застал ужасающую картину. На вокзалах железнодорожных станций находилась масса тифозных больных. Госпитали, больницы, эвакопункты были переполнены больными, медицинского персонала недоставало, медикаментов, белья не было.

Для ликвидации этого тяжелого положения М. С. Кедров принимал срочные и энергичные меры. Совместно с представителями местных органов здравоохранения расширялась и благоустраивалась сеть лечебных учреждений, налаживалась их работа, проводилась мобилизация медицинского персонала, выявлялись спрятанные запасы медикаментов и др., разрабатывались профилактические меры, создавались кордоны, чтобы задержать распространение эпидемий, санитарные пропускники, бани. Только когда страшная волна сыпного тифа спала и непосредственная ее угроза для всей страны была ликвидирована, М. С. Кедров вернулся в Москву…

В мирные годы М. С. Кедров работал в различных областях социалистического строительства. Он побывал в Закавказье, на Крайнем Севере, на Печоре с заданием помочь партийным в советским организациям восстановить хозяйство Печорского края.

В дальнейшем его деятельность протекала в ВСНХ, в Госплане. Он занимался налаживанием работы курортов, санаториев и домов отдыха, выполняя ленинский завет — сохранить дворцы и роскошные дачи, превратить их в места отдыха и лечения трудящихся. Затем М. С. Кедров перешел на работу в Прокуратуру Верховного суда Союза ССР, занимался сначала гражданскими, а потом военными делами. В течение ряда лет он работал в Президиуме Исполкома Красного спортивного интернационала, руководил сектором обороны, а затем отделом науки и техники Госплана. Всюду, куда бы его ни послала партия, Михаил Сергеевич работал самоотверженно. Какое бы ему дело ни было поручено, он отдавался ему целиком, вкладывая в него всю свою страсть большевика-ленинца…

М. С. Кедров был строг, требователен к себе и другим. Вместе с тем он был очень справедливым, скромным человеком. Ему было чуждо сухое, бездушное, формальнее отношение к делу. Везде он искал новых путей, новых форм работы, отдавая ей свой блестящий организаторский талант, свой ум и горение. Работу чекиста, беспощадность к врагам революции Михаил Сергеевич умел сочетать с решением высокогуманных задач борьбы за жизнь и счастье людей. Таким было поколение старых большевиков-ленинцев, отдавших себя без остатка делу партии, горевших и сгоравших на работе, во имя блага людей.

Врачи-большевики — строители советского здравоохранения.

Сборник статей. М., 1970, с. 178–187

ОБРАЗ М. С. КЕДРОВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист…

В. И. Ленин

Б. М. Кедров

. ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ОБРАЗ ЛЕНИНА

Судьба человека может сложиться так, что уже в его первые детские годы происходят такие события, которые определяют всю его дальнейшую жизнь. Так это было и со мной.

Я родился в семье профессиональных революционеров-большевиков. Отец — Михаил Сергеевич Кедров, мать — Ольга Августовна Кедрова, в девичестве Дидрикиль. Активное участие в революционном движении с молодых лет принимали мои родственники — сестра матери, Мария Августовна Дидрикиль (тетя Мери), и Подвойские — Николай Ильич, его жена, Нина Августовна, младшая сестра моей матери, а дядя Саша — Александр Августович Дидрикиль, брат матери, и Августа Августовна Фраучи-Дидрикиль, сестра матери, им сочувствовали и помогали.

Событие, повлиявшее на всю мою жизнь… связано с судьбой издательства «Зерно». Именно тогда, в 1907–1908 гг., мое детское ухо впервые уловило имя Ленина из разговоров взрослых. С тех пор это имя я слышал от них много раз.

«Зерно» просуществовало недолго и было разгромлено на моих глазах в апреле 1908 г. О том, как это произошло, я расскажу не по своим личным воспоминаниям, а по документам, которыми я располагаю, и по рассказам матери.

Так как события тех лет — арест отца, судебная расправа над ним, длительное заключение его в крепость — оказали исключительно важное влияние на последующую судьбу всей нашей семьи, я расскажу о них подробнее, используя позднейшие, не связанные со мною документы. Я приведу два основных материала, касающиеся этого дела. Причем главным образом по той линии, которая имела отношение к изданию моим отцом трудов В. И. Ленина.

Это, во-первых, воспоминания отца, которые я взял у него «Из красной тетради об Ильиче». А во-вторых, найденный в архиве департамента полиции обвинительный акт, составленный по делу отца и Н. И. Подвойского. Отец вспоминал: «Первые деловые отношения с Владимиром Ильичем возникли у меня при следующих обстоятельствах.

> Имея намерение в 1907 г. издать „Календарь для всех“, издательство „Зерно“, которое я возглавлял, обратилось к Владимиру Ильичу с просьбой дать статью для „Календаря“, причем послало ему проспект и список участников (товарищи Батурин, Ольминский и другие). В ответ на обращение Владимир Ильич прислал небольшую статью, специально написанную для „Календаря“, — „Международный социалистический конгресс в Штутгарте“, статью, к слову сказать, долгое время остававшуюся малоизвестной и вошедшую лишь в 20-й том первого издания Собрания сочинений:
> [76]
> . Присланная статья по сравнению с другой статьей под тем же названием, напечатанной в „Пролетарии“
> [77]
> , как предназначенная для читателя-массовика, отличалась большей популярностью и давала характеристику не только Штутгартского конгресса, но и всех предшествующих конгрессов.

„Календарь“ представлял собой, как и следовало ожидать, форменную нелегальщину. В первый же день представления его в цензуру он был запрещен к распространению и подлежал конфискации. Впрочем, явившейся для наложения ареста полиции удалось захватить всего несколько десятков экземпляров, предупредительно оставленных нами ей на съедение. Вся же масса „Календаря“, 60 тыс. экземпляров, давно уже гуляла по фабрикам и заводам, по казармам и крейсерам.

Можно с уверенностью сказать, что ни одна статья товарища Ленина не имела такого широкого распространения вплоть до 1917 г.

Первый удачный опыт с легальным изданием нелегальной литературы в период уже разошедшейся вовсю реакции укрепил уверенность в возможности издания и распространения и большевистском литературы, и был намечен к изданию ряд популярных брошюр, как, например, „Донское казачество прежде и теперь“, „Казна и народ“, „Откуда

смута“ и т. д., а также капитальные издания, и в первую очередь Собрание сочинений Владимира Ильича в трех томах под названием „За 12 лет“…
Все мы ликовали: будем переиздавать статьи Ленина, большинство которых видело свет только на страницах зарубежных „Искры“, „Зари“, „Пролетария“!..
В 1-й том „За 12 лет“ вошли знаменитые работы В. И. Ленина „Что делать?“, „Шаг вперед, два шага назад“, „Две тактики“ и другие. Поэтому немудрено, что вскоре после выхода из печати сборник „За 12 лет“ был конфискован и вынесено постановление о привлечении к ответственности издателя.
Незадолго до того один человек изъявил желание принять на себя ответственность за издание. Его условия — 36 рублей в месяц со дня привлечения к судебной ответственности и, кроме того, в случае лишения свободы единовременное пособие в 100 рублей. Условия были приняты, и он был отмечен в книге типографии как заказчик и издатель сочинений Вл. Ильина.
Но вот когда следователь по особо важным делам Петербургского окружного суда вызвал этого человека в камеру, начал снимать с него допрос и собирался предъявить ему обвинение по 129-й статье Уголовного уложения, каравшей лишением всех прав состояния и ссылкой на поселение, тот сдрейфил и заявил, что первоначально действительно намеревался принять участие в издании, но затем одумался и запись в книге произведена без его ведома и согласия…
Раз издатель не находился, ответственность ложилась на распространителя, и следователь взялся за нас. Месяцев шесть тянулось следствие; когда наступил момент, чтобы засадить меня по 129-й статье, то оказалось, что я сижу в Доме предварительного заключения и что излишне судить меня по 129-й статье, когда налицо уже 102-я статья, сулившая каторжные работы.
Тотчас после объявления „За 12 лет“ запрещенной книгой пришлось все издание перевезти на нелегальный склад и продавать книгу с большой осторожностью. Распространение ее почти прекратилось. Книготорговцы боялись принимать книгу даже на комиссию, публикаций тоже нельзя было делать. Высылалась она только единичным заказчикам.
Чтобы обезопасить 2-й том Сочинений Владимира Ильича от конфискации, издательство „Зерно“ решило разбить его на две части. В 1-ю часть 2-го тома включить все легальные статьи, во вторую часть — статьи из нелегальных изданий и написанные после 1905 г., которых, несомненно, ожидала участь 1-го тома. В тех же целях решено было отказаться для 2-го тома от общего названия „За 12 лет“.
В начале 1908 г. вышла из печати 1-я часть 2-го тома под заглавием: Вл. Ильин. Аграрный вопрос. Ч. I. Главное содержание этой книги составили „Экономические этюды и статьи“, изданные под таким названием в конце 90-х годов…
Вторая часть 2-го тома испытала участь многих знаменитых книг, преданных сожжению „святой“ инквизицией.
Вот как это случилось.
Набиралась и печаталась эта книга в „Русской скоропечатне“ (Екатерининский канал, 94). Корректура доставлялась в издательство „Зерно“. После разгрома охранкой издательства здесь была устроена засада, и, по-видимому, таким путем попали в руки жандармов отдельные корректурные оттиски, принесенные на просмотр, а по ним и вся рукопись Владимира Ильича. Впрочем, не исключена возможность, что провал книги произошел не без участия шпиков, которые под видом типографских служащих были посажены в то время во все типографии.
Как бы то ни было, рукопись Владимира Ильича, содержавшая в себе только что написанную обширную работу, „Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов“, которой предшествовали в хронологическом порядке несколько статей более раннего периода, лежала на столе у жандармского ротмистра, когда меня ввели к нему на допрос. Тут же лежали оттиски одного-двух листов этой книги. Придвинув ко мне объемистую рукопись, написанную убористым шрифтом на листах большого формата, жандарм спросил, не я ли издатель вот этой книги. Бегло просмотрев, я ответил утвердительно и выразил возмущение, что книга научного содержания, явно не предназначенная для широкого читателя и к тому же в наборе, задерживается печатанием. По-видимому, делается это умышленно, чтобы разорить издательство.

Ротмистр обиделся… Он отводит приписываемые ему низменные побуждения. Означенная рукопись является явно преступной… В подтверждение своих слов жандарм нагнулся к рукописи и, перелистав несколько страниц, ткнул пальцем на несколько строк в примечании, подчеркнутых жирным синим карандашом.
— Вот прочтите!

> То была переписанная от руки статья из журнала „Заря“: „Аграрная программа русской социал-демократии“, написанная в 1902 г. Подчеркнуто было следующее место: „Мы говорим: „создать“, ибо старые русские революционеры никогда не обращали серьезного внимания на вопрос о республике… (особенно жирно подчеркнуто слово „республика“. —
> М. К.)…
> На нашу долю (если не говорить о давно забытых республиканских идеях декабристов), на долю социал-демократов, выпало распространить требование республики в массе и создать республиканскую традицию среди русских революционеров“
> [78]
> .

Я перелистывал рукопись. Еще кое-где нашел отмеченные карандашом отдельные места, испугавшие жандармов, но все пометки относились лишь к первым статьям, расположенным в хронологическом порядке, на основной же статье тома следы жандармского сыска отсутствовали. По-видимому, жандармы, уловив несколько страшных слов, приостановили дальнейшие поиски, считая свою миссию законченной, и возбудили ходатайство об уничтожении зловредной рукописи.
Уничтожена была рукопись, насколько помню, определением С.-Петербургской судебной палаты в 1908 г.; черновик, однако, сохранился у Владимира Ильича. Книга появилась в печати только в 1917 г.
Когда после отбытия почти трехлетнего одиночного заключения в крепости я в 1911 г. вышел на свободу, тотчас же приступил к ликвидации громадных книжных запасов, и в первую очередь нелегальных. „За 12 лет“ предложил Петербургскому комитету нашей партии безвозмездно, но получил ответ, что распространить ее комитет не имеет возможности. Часть конфискованной литературы вынужден был продать на бумагу, так как никто не решался принять ее на хранение. Большую часть революционной литературы, состоявшую из изданий „Донской Речи“, „Молота“, „Колокола“, „Зерна“ и других, также „Аграрный вопрос“ и небольшое количество „За 12 лет“ удалось сложить на склад писчебумажной фабрики „Сокол“, где она благополучно дождалась Февральской революции.
В марте или апреле 1917 г., когда в революционной книге ощущался форменный голод, всю эту литературу, в том числе и Сочинения Владимира Ильича, я передал в распоряжение ЦК нашей партии и ее Военной организации, причем книги Ильича были расхватаны в течение двух-трех недель и в таком количестве, в каком они едва разошлись в предшествующие 10 лет».
Прямое отношение к этим воспоминаниям имеет письмо Ленина моему отцу, написанное в конце ноября — начале декабря 1907 г. и посланное из Финляндии в Петербург. Приведу его тоже полностью.

> «Уважаемый товарищ! Согласно нашему условию, материал для II тома должен быть сдан к 1/X, для III — к 10/X. Первый том задержался. 12 листов для II я сдал, дальнейшие 7 готовы и еще дальнейшие (около 5 или 7) могу сдать очень скоро. Но я хотел бы знать, нужен ли Вам действительно так быстро весь этот материал? приступите ли Вы тотчас к набору? сдали ли Вы уже в набор 12 листов II тома? задержится издание, если я позже представлю конец II тома? Если да, я могу представить конец II тома немедленно, если Вы этого хотите. Но у меня есть план: написать в заключение II тома большую работу о распределении земли в России (по новым данным, статистическим, 1905 г.) и о муниципализации (приняв во внимание IV том „Капитала“ или „Theorien über den Mehrwert“

[79]
, вышла тоже в 1905 году). Я думаю, эта вещь представила бы большой интерес для публики и была очень своевременна. Материалы для работы почти все у меня уже подобраны и частью уже обработаны. Для окончания надо несколько недель; надеюсь, что смогу в несколько недель написать эту работу.

Итак, сообщите мне: желаете ли Вы представления II тома немедленно без этой новой статьи — или предпочитаете, чтобы II том был представлен, примерно, через месяц — полтора с новой статьей»
[80]
.

Так писал Ленин моему отцу по поводу подготовки издания в «Зерне» первого Собрания его сочинении. А теперь обращусь к «Обвинительному акту о дворянине Михаиле Сергееве Кедрове», который был составлен «Ноября 13 дня 1908 года в городе Санкт-Петербурге» товарищем прокурора. Обвинительный акт гласил (привожу из него подробные выдержки):

Обвинительный акт о дворянине Михаиле Сергееве Кедрове и сыне священника Николае Ильине Подвойском

«Ввиду имевшихся в С.-Петербургском Охранном Отделении сведений, что книжный склад „Зерно“, помещающийся в доме № 110 по Невскому проспекту, является складом социал-демократической литературы и выполняет загородные заказы по транспортированию в провинцию партийной литературы, 27 апреля 1908 года там был произведен обыск. В квартире, занимаемой складом, проживали: заведующий складом дворянин Михаил Сергеев Кедров, отсутствовавший в момент обыска, и сын священника Николай Ильин Подвойский, назвавший себя чинам полиции конторщиком склада.

При обыске всех помещений склада было найдено: 1) свыше шестнадцати тысяч семи сот (16 700) экземпляров брошюр девяносто двух различных наименований, по содержанию своему возбуждающих к ниспровержению существующего в России общественного строя». Дальше идет перечисление названий различных брошюр, в том числе: брошюра «Пить или не пить» — в 1111 экземплярах. В ней проводится мысль, что искоренить пьянство при современном строе невозможно и, только «когда водворится социалистический строй, человек не будет нуждаться в этой обманчивой спасительнице…». Далее обнаружено «письмо из Цюриха от 2 марта 1908 года, адресованное книгоиздательству „Зерно“, такого содержания: „Мы согласны взять на себя агентуру по распространению юбилейного сборника „Памяти Маркса““ (со статьей Ленина. —
Б. К.).
Ввиду того что распространением будет заниматься партийная большевистская группа, просим, кроме 5 % комиссионных, сделать нам, как и другим партийным организациям, еще некоторый % скидки…» — с оттиском печати внизу «Группа Большев. Р.С.Д.Р.П. Цюрих»…

Далее было сказано, что 29 апреля был арестован Кедров… «При осмотре невостребованных грузов, отправленных складом „Зерно“, в посылках, полученных на ст. Симской Самаро-Златоустовской железной дороги и на станции Керчь, оказалась нелегальная литература. В первой — два пуда тридцать семь фунтов книг и брошюр книгоиздательства — „Донская Речь“, „Новый Мир“, „Молот“ и других различных наименований… Во второй посылке оказалось 40 экземпляров упоминавшегося выше „Календаря для всех“.
Привлеченные на основании всех этих данных в качестве обвиняемых Кедров и Подвойский не признали себя виновными.

Кедров показал, что он вступил в заведование складом „Зерно“ в мае месяце 1907 года и был фактически его владельцем, хотя юридически ему он не принадлежал. К социал-демократической рабочей партии его склад никакого отношения не имел и содержался им единолично, без участия пайщиков. О существовании издательства Московского социал-демократического комитета он никогда не слышал. Письма Подвойского он объясняет себе его болезненным состоянием в 1906 году, когда после избиения его членами „Союза русского народа“ ему пришлось лечиться в санатории. Его склад был исключительно коммерческим предприятием и при издании книг он руководился только коммерческими соображениями».
В заключение говорилось: «На основании изложенного дворянин Михаил Сергеев Кедров, 30 лет, и сын священника Николай Ильин Подвойский, 26 лет, обвиняются в том, что в 1908 году в городе С.-Петербурге вступили в преступное сообщество, заведомо для них поставившее целью своей деятельности насильственное посягательство на изменение установленного в России законами основными образа правления и учреждение демократической республики, причем в видах осуществления задач этого сообщества они в книжном складе „Зерно“, помещавшемся в доме № 110 по Невскому проспекту, устроили склад преступной литературы, проводившей идеи названного сообщества, и распространяли ее в столице и иных местностях России и среди заграничных организаций того же сообщества.
Преступное деяние это предусмотрено ч. 1 ст. 102 Угол. улож.
Вследствие этого и на основании п. 2 ст. 1032 Уст. Угол. Суд. названные Михаил Сергеев Кедров и Николай Ильин Подвойский подлежат суду С.-Петербургской Судебной Палаты с участием сословных представителей.

Составлен ноября 13 дня 1908 года в городе С.-Петербурге.

Товарищ Прокурора (подпись)
».

Теперь я хочу привести рассказ матери о том, как у нас на квартире рядом со складом «Зерно» был произведен обыск. У нас на стене висела гравюра Карла Маркса. Вошедший полицейский с любопытством спросил: «Это что же, ваш родственничек будет?» Мать ответила, что нет, но что это — великий человек.
В настоящее время эта гравюра висит в моем кабинете, напоминая мне те далекие годы. Мать рассказывала также, что пришедший полицейский и наш местный дворник описывали обнаруженную на складе, как им казалось, нелегальную литературу. Полицейский читал название книги, а дворник записывал. И вот что получилось в итоге. Книга Карла Каутского «Предшественники новейшего социализма» была записана без автора под таким названием: «Предтече на вече у социалиста». В этом полиция усмотрела страшную крамолу. Из цитированного выше обвинительного акта видно, что в числе свидетелей по делу Кедрова и Подвойского значатся старший помощник пристава 2-го участка Литейной части Виктор Георгиевич Осипчук и крестьянин Кирилл Иванов Антонов. Не эти ли двое сочинили «Предтече на вече у социалиста»?..

Воспоминания раннего детства похожи на вырезанные кадры из киноленты. Память выхватывает из длинной цепи событий отдельные случайные звенья и запечатлевает их как живые картины далекого прошлого. Такими они и сохраняются потом на всю жизнь, часто до глубокой старости. Иногда эти события — большой важности, иногда же такие мелочи, что и сам удивляешься, как они могли запомниться. Мысленно переношусь почти на семь десятилетий назад.
Смутно помню нашу жизнь в Петербурге. Рядом с нами помещается склад издательства «Зерно». Этим «Зерном» ведают мои родители. Мне еще не исполнилось четырех лет, и я впервые слышу имя Ленина, которое произносят отец и мать в разговоре между собою, а также с посетителями нашей квартиры. Из этих посетителей мне запомнились Клестов

(Ангарский), П. Юшкевич и еще некоторые «дяди», имена которых не зафиксировала моя память. Среди них были, по-видимому, Батурин и Ольминский.
У меня был брат Юрик, на полтора года меня моложе. Спустя несколько месяцев, в марте 1908 г., родился младший брат Игорь, а мама тяжело заболела и чуть не умерла. В апреле того же 1908 г. арестовали моего отца. Издательство было опечатано. Меня с Юриком тетя Мери отвезла в имение Ждани к своей старшей сестре Августе, у которой было шестеро детей. Старший — Артур — будущий чекист Артузов.
Летом того же года мама приехала к нам с Игорем и рассказала, что папа посажен в тюрьму царем за то, что издавал запрещенные книги. И она часто пела песню, в которой говорилось о заключенном в тюрьму революционере:

Ночь тиха. Лови минуты,
А стена тюрьмы крепка.
У ворот ее замкнуты
Два железные замка.

И горит вдоль коридора
Огонек сторожевой,
И. звеня шпора о шпору,
Ходит верный часовой.

«Часовой!» — «Что, барин, надо?» —
«Притворись, что ты заснул.
А я мигом чрез ограду
Легкой тенью проскользну.

Край родной увидеть надо
Да жену поцеловать,
А потом и в лес зеленый
Не свободу убежать».—
«Рад бы, барин, да боюсь я…».

Дальше, кроме последних слов песни, я забыл, помню только, что часовой говорил, что за побег заключенного его проведут «через строй» и до смерти изобьют. Песня кончалась так:

Только труп окровавленный
На телеге увезут.

Мне тогда казалось, что, когда мама пела эту песню, она думала о моем отце, сидящем в тюрьме…

Осенью 1911 г. наша семья вместо с тетей Мери переехала в Перловскую, под Москву, где у отца была дача. Приближался срок его освобождения.
И вот мы живем на даче, идет к концу 1911 год. Скоро рождество. Мне только что исполнилось восемь лет, и я заметно повзрослел. Мы, трое братьев, с нетерпением ждем приезда отца из Петербурга. Ведь мы так долго не видели его. Иногда мы получали от него письма с детскими, им самим придуманными рассказиками — небольшие листики тонкой бумаги, исписанные мелким, бисерным, почерком. На письмах стоял жирный лиловый штемпель тюремной цензуры. Теперь я уже хорошо знал, за что отец был посажен в тюрьму

— за то, что боролся против царя, за то, что выдавал запрещенные царскими властями книги. Среди них были и книги Ленина. Должно быть, именно в те годы, вслушиваясь в разговоры взрослых, я снова услыхал это имя. Вот и сейчас мать говорит, что отец задерживается в Петербурге, чтобы устроить какие-то дела, касающиеся закрытого полицией издательства «Зерно». Отец приехал в конце декабря, как раз в сочельник. Наверное, когда он рассказывал матери о судьбе некоторых припрятанных им в Петербурге книг, печатавшихся в «Зерне», я снова услышал имя Ленина — ведь это о его книгах и рукописях так беспокоился отец, пока отбывал тюремное заключение.

Как-то раз, много позднее, в марте 1918 г., когда мы с отцом переезжали из Петрограда в Москву вместе со всем Советским правительством, одна наша хорошая знакомая (Валя Суздальцева) сказала про нас, кедровских мальчиков: «Они коммунизм впитали с молоком матери». И это была правда: революционные рассказы, разговоры и песни, с тех пор как я себя помню, слышались постоянно в нашей семье. Немудрено, что уже с раннего детства мы были заражены революционной романтикой. В такой духовной атмосфере имя Ленина вызывало у нас необычное ощущение — ведь оно произносилось родителями не так, как все другие имена, а с особым, подчеркнутым уважением, как-то торжественно. Детское ухо очень чутко. Оно улавливает малейшие оттенки, которые взрослые часто даже не замечают.

Летом 1912 г. отец часто ездит в Румянцевский музей заниматься медициной. Начал он изучать ее еще в тюрьме. У него в тюремной камере был даже человеческий череп, пугавший надзирателей. До этого он окончил ярославский Демидовский (юридический) лицей и учился в консерватории. Теперь ему захотелось стать врачом.

Живем мы по-прежнему в Перловке, на даче, где в 1905 г. формировались рабочие боевые дружины… Я бегал смотреть военные маневры, которые проводились по случаю 100-летия Отечественной войны 1812 г.

Осенью начались у нас сборы и отъезду в Швейцарию. Отец получил заграничный паспорт для себя и всех членов нашей семьи. Но уже в Берне нас ждало уведомление московского полицмейстера о том, что заграничный паспорт отцу был выдан по ошибке, что отец должен был находиться под наблюдением полиции и поэтому полицмейстер просит его срочно вернуться в Россию.

По-видимому, не сработала полицейская бюрократическая машина царизма: извещение в Москву из Петербурга шло, вероятно, более года после отбытия отцом положенного срока тюремного заключения. Отец ответил, разумеется, отказом вернуться в Россию, и с этих пор наша семья стала эмигрантской, вернее, полуэмигрантской, поскольку покинули Россию на «законном основании», хотя с «законностью» отцу просто повезло. Вот уж справедливо сказано: «Нет худа без добра».

Перед выездом за границу мы на несколько дней остановились в Петербурге у Подвойских. У них в 1911 г. родился сын Лева. Потом мы на несколько дней остановились в Пскове у дяди Эдуарда, другого маминого брата, он жил со своей дочкой Лялей, которая была немного старше меня.

Мне хорошо запомнился момент пересечения русско-германской границы. Вершбалово было последней русской станцией, Эйдкунен — первой немецкой. При этом у меня сжалось сердце, как будто я расставался с самым близким мне человеком. Так начиналась у меня тоска по родине, которая продолжалась в течение всех лет, проведенных в Швейцарии. «Когда же мы вернемся назад?» — думал я тогда.

В конце осени 1912 г. вся наша семья — отец, мать и трое ребятишек — приехала в столицу Швейцарии — Берн. Здесь знакомимся с семьей Шкловских. Они живут на Фалькенвег, 9, на первом этаже, в центре города, недалеко от вокзала. Здесь у них бывал Ленин.

Григорий Львович — небольшого роста, худощавый, с острым носом. У него три девочки, младшая — рыженькая Женя — примерно одного со мной возраста. Имя Ленина иногда упоминается в разговорах. Шкловские рассказывают, что он очень любит детей, а своих у него нет. Девочки нам сообщили по секрету, как величайшую тайну, что иногда Ленин приходил, когда родителей не было дома, и они вместе с ним устраивали веселые и шумные игры, строили «баррикады». Но к приходу родителей все оказывалось в порядке и никаких следов от проходивших недавно «сражений» не оставалось.

Почему-то образ Ленина становится теперь более ощутимым, словно я Ленина уже где-то видел. Иногда Шкловские бывают у нас на самой окраине города, в маленьком домике на

Мурифельдвеге. Мы ходим по окрестностям Берна, поднимаемся на гору Гуртен, гуляем по лесу Бремгартен, пьем воду из холодного ключа Гляссбруннен. Позже, когда Ленин поселится в Берне, он не раз посетит эти места.

…О Шкловском и его девочках я вспомнил совсем недавно, когда при чтении XXXVIII Ленинского сборника случайно наткнулся на запись, сделанную во время беседы Ленина с Г. Л. Шкловским, которая состоялась в 1920 г.: «Поговорить еще с Енукидзе (секретарь ВЦИК. —
Б. К.),
нельзя ли для
детей
Шкловского достать обеды (в виде продуктов) из столовой СНК». И я подумал: наверно, беседуя со Шкловским, Ленин в тот момент вспоминал, как много лет назад он играл с его детьми в их бернской квартире.

Впервые я увидел Ленина летом 1913 г. Мы переехали на другую квартиру, поближе к университету, где учился отец. Живем теперь на Мульденштрассе, 57, на третьем этаже, тоже на самой окраине города, около леса Бремгартен. 1 Мая первый раз я участвую вместе с родителями в демонстрации, идем под Красным знаменем в колонне большевиков («отдельно от этих меньшевиков», как выразился отец). Поем революционные песни. Накануне на шапирографе были размножены тексты некоторых песен. Я помню, что тогда впервые прочитал написанную бледными лиловыми чернилами песню «Смело, товарищи, в ногу». Писавший сделал ошибку — в тексте стояло:

В царство дороги свободу
Грудью проложим себе.

Без исправления падежей слова «дороги» и «свободу» были переставлены. А в самом конце слово «гнет» я прочитал как «шлем»:

Свергнем могучей рукою
Шлем роковой навсегда.

Я даже нарисовал большой шлем с конским хвостом (какой я видел на картинке, где был изображен пушкинский Руслан, сражающийся с Головой). А по шлему со всей силой ударяет сжатая в кулак громадная рука рабочего. Так мне тогда образно представлялось свержение царизма.
Пришло лето. У нас гостят две сестры матери — родная и двоюродная — тетя Мери и тетя Женя с племянницей Лялей (дочерью дяди Эдуарда). У тети Жени есть толстая тетрадка в черной клеенчатой обложке. В ней записано много революционных и вообще свободолюбивых стихов. Мне очень нравится поэма Некрасова:

Раз у отца в кабинете
Саша портрет увидал,
Изображен на портрете
Был молодой генерал.

Память у меня прекрасная. Почти с первого раза я запоминаю даже очень длинные стихи, особенно некрасовские: они так музыкальны, так мелодичны. А музыки в нашем доме более чем достаточно. Отец на взятом напрокат пианино вечерами подолгу с увлечением

играет. Звучат гордые сонаты Бетховена, его величественные «Эгмонт» и «Кориолан», льются звуки шопеновского полонеза, Первой баллады, нежного прелюда «Дождевая капля», который отец называет просто «Каплей», гремит «Лесной царь» Шуберта — Листа, веселый моцартовский «Турецкий марш» сменяет изящная лядовская «Музыкальная табакерка». Мы, как зачарованные, слушаем музыку и нередко засыпаем под нее в соседней спальне.

Однажды — это было в середине лета — слышу, как отец говорит матери, что он видел Ленина и что Ленин скоро придет к нам послушать его игру. Я вижу, как горд отец, как радуется и сияет мать, а сам думаю: «Какой он, этот Ленин?»

Вечером звонок. Мы всей гурьбой, как и обычно, бросаемся открывать дверь. За дверью через матовое оранжевое стекло виден силуэт. Входит небольшого роста, крепкий человек с круглой головой. То ли оттого, что отсвечивает матовое стекло, то ли вообще от вечернего освещения, но лицо его и волосы кажутся мне красноватого оттенка, словно человек долго стоял у пышущей жаром печки. Это был Ленин. Мы с любопытством разглядываем его, а он нас.

«Я и не знал, что вы так богаты сыновьями!» — радостно и словно удивленно говорит он, обращаясь к отцу. Такое вступление для нас, мальчишек, как бы сигнал к наступлению на гостя. Надо себе представить, как мы умели буквально облепить понравившегося нам «дядю» и засыпать его самыми неожиданными вопросами. «Ох, уж очень они у нас приставучие», — оправдывалась обычно мать, когда гостю становилось не по себе от подобной атаки с нашей стороны.

Конечно, я многого уже не помню из того, что говорилось в тот вечер. Помню только, что буквально прилип к Ленину, стараясь узнать у него, был ли он на Северном полюсе и скоро ли свергнут в России царя («свергнут могучей рукою шлем роковой навсегда»), а значит, скоро ли будет Россия свободной и когда наконец водрузят над землею «красное знамя труда»?

Посадив меня к себе на колени, Ленин слушал, улыбаясь, мои вопросы, а потом спросил — но не меня, а родителей, — показывая на меня кивком головы:

«А как ого зовут?»

«Фаней».

«Ну вот, — обращаясь уже ко мне, сказал Ленин знакомым некрасовским стихом, — вырастешь, Фаня, узнаешь, все расскажу тебе сам».

И так на протяжении всего вечера вместо ответа на все мои «приставучие» вопросы Ленин говорил мне одно и то же: «Вырастешь, Фаня, узнаешь». Но разве такой ответ мог меня удовлетворить тогда?.. А потом отец играл, долго, вдохновенно, как не играл, возможно, никогда в жизни. Сначала он пытался объяснить смысл исполняемой вещи (он любил это делать и, как мне казалось, очень верно передавал словами то, что чудилось потом в его игре). Но Ленин сразу же сказал, что это не нужно.

Весь вечер Ленин просидел на диване не двигаясь, охватив голову руками, погруженный в сказочный мир чудесных звуков. Как уходил Ленин, я не помню. Наверное, нас заставили лечь спать.

Мать была знакома с Надеждой Константиновной. Крупская приехала в Берн с Лениным, ей нужно было сделать операцию у профессора Кохера. Через несколько дней стало известно от Надежды Константиновны, что, вернувшись от нас, Ленин сказал: «Надя, как он играет!»…

Лозанна — тихий швейцарский городок на берегу Женевского озера (Las Leman). В начале 1914 г. мы переехали туда — отец хотел изучить не только немецкий, но и французский язык. Поселились мы, по обыкновению, на самом краю города — квартиры здесь были дешевле.

Тут рядом стояли два дома, похожие один на другой, оба назывались тогда «вилла Ружмон» (что значит «красная гора»). Мы поселились на вилле Ружмон-два, а напротив нас, на вилле Ружмон-один, жила семья большевиков Ривлиных — Лазарь Самуилович, его жена Елизавета Исаевна и их сын Юзя (Иосиф)…

Мы, мальчишки, ходили в народную школу, отец — в университет. Летом вспыхнула война. Все русские политические эмигранты раскололись на два лагеря — на оборонцев и пораженцев. Мне было тогда уже 10 лет, и я довольно хорошо разбирался в том, что

оборонцы — это те, которые хотят победы царской России над вильгельмовской Германией, а пораженцы — это те, которые хотят поражения царя в этой войне, чтобы сбросить потом и его самого. В первые дни войны об этом только и говорилось, и мы были не менее взрослых захвачены нахлынувшими событиями мировой войны. Сама Швейцария как бы раскололась на две части: немецкая ее часть была на стороне Германии, против России, французская — на стороне Франции, а значит, на стороне России.
Помню, в самом начале войны родители собрались на реферат о войне, который для русской колонии в Лозанне должен был прочитать Плеханов. Я просился пойти с ними, уверяя, что хорошо уже разбираюсь во всем, но они меня не взяли, сказав, что это вещь серьезная, а не забава для детей.
Я слышал, что Плеханов оборонец, но знал и то, что он большой ученый и был когда-то крупным революционером. У тети Мери хранилась фотография, на которой Ляля, когда ей было пять лет, была снята с Плехановым в Италии. Плеханов стоит высокий, в соломенной шляпе и держит за руку маленькую, хрупкую девочку в беленьком платьице. Но Плеханова я не видел.
Когда родители вернулись поздно вечером с реферата, мать рассказала нам, как он прошел: «Мы сидели в самом конце зала. Когда Плеханов начал говорить, мы с папой услышали позади себя шепот: „Сидите тихо, не поворачивайтесь“. Это был Ленин, он, как нам показалось, не хотел сразу обнаружить своего присутствия, чтобы не помешать Плеханову высказать все до конца, раскрыть все свое предательство. Плеханов говорил долго, цветисто, призывал к поддержке войны против кайзеровской Германии, взывал к чувствам патриотизма. Когда он кончил, многие из присутствовавших, разумеется оборонцы, ему захлопали. Но тут вдруг порывисто поднялся Ленин. Для Плеханова это было, по-видимому, неожиданно, и он очень смутился, даже растерялся и, как нам показалось, испугался. Ну и досталось же ему от Ленина на орехи! И поделом — не будь изменником делу революции, делу интернационализма!»
Рассказывая это, мать от души смеялась и в лицах изображала, как Ленин просил их сидеть тихо и не показывать виду, что он тут, как он потом внезапно встал и пошел на трибуну, какое лицо было в тот момент у Плеханова и как Плеханов буквально застыл на трибуне с открытым ртом, увидя быстро идущего на трибуну Ленина. И хотя мы не были на этом реферате, но рассказ воспроизвел нам всю сцену очень выразительно и ярко, как это умела делать в таких случаях моя мать.

> Мне снова хочется привести свидетельство отца. В своих воспоминаниях он писал: «Событие, о котором я хочу рассказать, имело место в сентябре (октябре по н. ст. — Б. К.)
> 1914 г., то есть вскоре после возникновения империалистической войны.

В Лозанну, куда я в то время перебрался на жительство, приезжал из Женевы Плеханов, чтобы в тесном кругу своих единомышленников сделать доклад о войне. Надо ли говорить, что доклад представлял исключительный интерес, и особенно потому, что было уже широко известно, что в вопросе о войне Плеханов, как и большинство вождей II Интернационала, занял предательскую позицию.
Почти все русские доклады происходили в Народном доме (Maison de peuple), небольшом и довольно невзрачном помещении. Это же помещение было арендовано и для доклада Плеханова. К назначенному времени народу собралось довольно много. В воротах Народного дома я встретил Владимира Ильича, беседующего с группой товарищей. Владимир Ильич, знакомя меня с товарищем Инессой (Арманд), сказал: „Вы, кажется, оба москвичи, знакомьтесь“. Также познакомил он меня и с товарищем Крыленко, известным тогда больше по кличке Абрам.
Я прошел в зал и занял место в одном из последних рядов, недалеко от входа.
Время шло, а Плеханова не было. Тут и там среди присутствующих начинали проскальзывать иронические нотки: „Не приедет! Не решится!“ Среди устроителей заметно было некоторое волнение… „Обещал, обязательно приедет… вероятно, поезд запоздал…“ Действительно, немного спустя по залу разнеслась волнующая весть: „Приехал, приехал… Идет сюда!“

Плеханов, окруженный целой свитой приверженцев и почитателей, медленно прошел через зал к трибуне. Он успел уже заметить, что вместо тесного круга товарищей в 10–15 человек, для которых приглашали его устроить собеседование, собралась чуть ли не вся русская колония. Впрочем, такое обстоятельство мало смутило его. Он начал доклад с экскурса в гоголевские „Мертвые души“. „Ваше почтенное собрание, — с ехидной улыбкой и точно любуясь собой говорил он, — напомнило мне происшествие, имевшее место с Чичиковым, который, путешествуя в гости к Манилову, спрашивал проезжавших мужиков: „Далеко ли тут деревня Заманиловка?“ И получил ответ: „Маниловка, может быть, а не Заманиловка? Заманиловки никакой нет…“ Вот и мне хочется задать вам тот же самый вопрос“.
В начале доклада я, повернувшись в сторону, заметил Владимира Ильича, который сидел пригнувшись, будто прячась за моей спиной. Приход его, видимо, не обратил на себя внимания.
— Сидите прямо, не оборачивайтесь, — довольно строго сказал мне Ильич.
Он не хотел смущать своим присутствием Плеханова и стеснять его открыто высказывать свои социал-шовинистические взгляды.
Успех Плеханов имел большой, и немудрено, так как среди разношерстной публики большинство составляли интеллигенты и буржуа, приехавшие из Кларана, Монтрё, которым льстила основная мысль Плеханова о спасении при помощи русских казаков и свободных республиканских войск Франции западноевропейской цивилизации, попираемой германским фельдфебельским сапогом.
Кстати сказать, первой части речи, в которой Плеханов обличал предательство германской социал-демократии и ее вождей, усиленно аплодировал и сам Ильич.
Но вот Плеханов окончил свой доклад, и не успели смолкнуть бурные аплодисменты, как Владимир Ильич вскочил со стула и попросил слово. Какое впечатление произвело на Плеханова неожиданное появление Ленина, который жил в то время в Берне, судить не берусь. Теперь он с большим правом смог жаловаться на Заманиловку.
В пламенной, бичующей речи Ленин разоблачил непоследовательность и фальшь плехановской точки зрения, забвение им самых элементарных марксистских истин…
— Плеханов вполне правильно критиковал германских социалистов, — говорил Ильич, — за их поддержку кайзера и войны, но защищать подобные же действия французских патриотов, оправдывать участие их в правительстве, принимать всерьез мошеннические выдумки о нападающей и обороняющейся стороне недостойно революционного марксиста. Ведь начавшаяся война не являлась неожиданной, даже срок был предсказан, когда именно она вспыхнет. Нет, честный социалист не последует совету Плеханова… Он… будет обличать оппортунистов своей страны, бороться со своим правительством… Так поступает в Германии Либкнехт, так поступил социалистический депутат в сербской скупщине, один из всех открыто голосовавший против военных кредитов.
По мере того как говорил Ильич, поведение социалистического большинства во всех странах раскрывалось во всей своей гнусности… II Интернационал умер и никогда больше не возродится.
Ленин кончил. Казалось, каждый сознательный социалист должен признать правоту Ильича, так неотразимы и ясны были его доводы. Но собрание было оскорблено и возмущено в своем патриотическом дурмане. Раздались редкие, единичные хлопки. То было начало периода, когда Ильич с маленькой группой своих единомышленников был, казалось, изолирован от всего остального мира.
Здесь нелишне провести маленькую параллель между докладами Плеханова и Ленина. Доклады первого обычно обставлялись с большой помпой, собирали полные аудитории; публика ломилась, дорого платила за билеты; масса расфуфыренных дам с птичьими гнездами на голове были завсегдатаями собраний, где выступал Г. В. Плеханов.
Доклады Ленина посещала прежде всего партийная, рабочая и студенческая беднота, у которой не было даже десятка су, чтобы заплатить за билет. Расходы по устройству не всегда оплачивались.
Вскоре после „блестящего“ доклада Плеханова состоялся и доклад Владимира Ильича. Благодаря объявлению, что вход бесплатный, публика пришла в достаточном количестве. В своем докладе Ленин вскрыл причины и сущность империалистической войны и, ссылаясь на пример Парижской коммуны, вновь провозгласил бессмертный лозунг,

затоптанный в грязь социал-предателями, о превращении империалистической войны в войну гражданскую. Лозунг, к слову сказать вызвавший ожесточенные нападки не только открытых социал-патриотов, но и центристов „Нашего Слова“, к каковым принадлежали Троцкий, Раковский, Мартов и другие.
После доклада мы возвращались домой вместе с Ильичей. Поднимаясь в гору Шайн, Ильич спросил меня: „Скажите, вы сразу же разглядели истинные причины войны и составили определенное к ней отношение?“
Я не скрыл, что первую неделю во мне жили сомнения, но что я быстро разрешил их и теперь всецело и бесповоротно разделяю точку зрения Ильича. Ильич кивнул головой… Он и без того видел мысли и чувства каждого из нас».
Так вспоминал об этом отец.
В своих воспоминаниях о рассказе матери об этом событии я хотел написать только то, что сам запомнил, не прибавляя ничего из прочитанного мною позднее…
Шел 1915 год. Выдалось жаркое лето. Война продолжается вот уже целый год. Снова школьные каникулы. Отец собирается в Берн и берет меня с собой. Предстоит выйти из дому в два часа ночи и пройти пешком довольно большое расстояние до Фрибурга. Оттуда поездом до Берна. Обратно — тем же путем. Я слышу разговор родителей. Когда мать спрашивает отца: «Застанешь ли его в Берне?» — мне кажется, что «его» — это Ленина. Много лет спустя я узнал, что как раз в это время Ленин работал в бернской библиотеке над своими «Философскими тетрадями». В Берне мы пробыли несколько дней, отец куда-то ходил, но виделся ли он с Лениным, я так и не узнал. Может быть, отец все еще считал меня маленьким и не доверял мне серьезных вещей?
Второй раз в том же году, но уже осенью или в начале зимы, я услышал, как родители между собой говорили, что в Лозанну должен приехать Ленин. Мы страшно обрадовались, помня посещение Лениным нашей семьи в позапрошлом году в Берне. «Мы снова увидим вождя революции!» — торжественно провозгласил я. Но отец почему-то рассердился и сказал нам, что мы должны заниматься своими делами и не соваться в дела взрослых и что он нас на встречу с Лениным не возьмет. Помню, как мы расстроились от этого отказа…
…Итак, идет 1916 год. Мне уже 12 лет, я заметно повзрослел, и родители мне стали доверять больше. Отец кончил Лозаннский университет, написал и напечатал выпускную диссертацию о работе сердца. Теперь он с семьей собирался возвратиться в Россию. Он должен везти от Ленина какие-то важные директивы петроградским большевикам (среди их руководителей — Николай Ильич Подвойский). Ехать придется кружным путем — через Францию, Англию, Скандинавию, Финляндию, предстояло переплыть Ла-Манш и Северное море. Какие это директивы и каким способом повезет их отец, я, конечно, не знал. Только потом, уже после революции, мать мне рассказала, что Ленин передал отцу материалы, связанные с Кинтальской конференцией (апрель 1916 г.); они были написаны на особой бумаге вместе с указаниями, как надо вести борьбу против войны в условиях России. Эти материалы отец заделал в подметке своего ботинка.

> Вторая международная социалистическая конференция (первая проходила в Циммервальде в начале сентября 1915 г.) состоялась в Кинтале в самом конце апреля 1916 г. по новому стилю. Именно в это время, как теперь стало известно, Ленин интересовался сроками выезда нашей семьи из Швейцарии в Россию. В одном из писем, относящихся к первой половине апреля 1916 г., Ленин спрашивает: «Узнайте поточнее, когда едет Кедров? В Берне ли он еще? В Лозанне ли его жена?»
> [81]
> Письмо шло из Цюриха и было адресовано в Берн. Возможно, Ленин интересовался тем, как передать отцу предназначенные для петроградских большевиков материалы. Но где, кем и при каких обстоятельствах они были ему переданы, я не знаю. Только помнится, что накануне отъезда отец действительно ездил из Лозанны ненадолго в Берн для оформления соответствующих виз.

Зная мою отличную память, отец заставил меня запомнить много явочных адресов — как в Швейцарии (женевские адреса), так и в России.

«Записывать их ни под каким видом нельзя, будет очень плохо, если жандармы их найдут, так что ты их уж постарайся твердо запомнить», — сказал мне отец.
И я, гордый тем, что мне доверили столь важное дело, затвердил сообщенные мне адреса.
16 мая мы выехали из Лозанны в Париж, где провели несколько дней. Жили недалеко от Люксембургского сада. Помню, в Париже один русский эмигрант просил мою мать отвезти в Москву его жене конверты и писчую бумагу с красной каемкой. При этом он сказал: «Когда в России начнется революция, пусть моя жена на этой бумаге напишет мне письмо: „Приезжай! У нас — революция!"».
Прибыли в Лондон. Встретились с Людмилой Сталь. Она много рассказывала о своей лондонской жизни. Спустя восемь лет, осенью 1924 г., мы с матерью снова встретились с ней в Крыму, когда я лечился от туберкулеза. Вспоминали ту нашу встречу.
В Лондоне чувствовалась война. Верхние стекла уличных фонарей были закрашены черной краской (от налетов немецкой авиации). В русском посольстве, где мы получали визы, услышав наши разговоры, к нам подошел солдат в английской форме и спросил: «В Расею?» В глазах и в голосе чувствовалась тоска по далекой родине. Как он оказался в рядах английских войск, мы так и не узнали.
В маленькой гостинице, где мы остановились, за столом с нами сидела бельгийская беженка. Она рассказала, как в начале войны в ее родном местечке в Бельгии погибли все ее родные и близкие. И нам, которые в Швейцарии не чувствовали непосредственно дыхания войны, было тяжело и страшно слушать этот рассказ. Моя мать не выдержала и горько разрыдалась.
В Лондоне пробыли несколько дней. Потом — Ньюкасл, оттуда — через Северное море в Берген (Норвегия). Ночью наш пароход был остановлен каким-то военным судном. Сначала думали, что немецкая подводная лодка, надели спасательные пояса. Оказалось — английский военный корабль.
Перед русской границей мать нас предупредила: «Возможно, что папу заберут на границе жандармы, так как он революционер и выехал из России без разрешения властей. Если заберут его, то вы не волнуйтесь». Но проехали благополучно Торнео и скоро приехали в Куоккала, к Подвойским. Ленинские директивы были доставлены по назначению.
А ведь наша поездка могла закончиться не так благополучно, и только неповоротливость царского полицейско-жандармского аппарата нас выручила и на этот раз, как она выручила осенью 1912 г. при нашем выезде из России в Швейцарию.
Дело в том, что русское посольство в Берне, когда отец выправлял для нас выездные визы из Швейцарии, транзитные визы для проезда через Францию и Англию и въездную визу в Россию, очевидно, дало знать об этом в Петроград в жандармское управление для принятия «соответствующих мер». И вот тут-то возникла непредвиденная царскими слугами загвоздка. Она состояла в том, что во время войны из Англии можно было приехать в Россию двумя путями: один был кружной, морем, вокруг Северной Скандинавии и Кольского полуострова и далее через Белое море в Архангельск. Это был сравнительно безопасный путь, по которому шли военные грузы в Россию из Англии.
Второй путь был более опасным, и пролегал он через Северное море, непосредственно доступное для германских подводных лодок, которые не раз топили в нем гражданские суда противников. Переплыв море, далее следовали от Бергена через Христианию (Осло) и Стокгольм на север, к границе Финляндии (станция Торнео).
Царские служаки решили, что мы никак не станем рисковать (ведь было трое ребятишек!) — ехать вторым путем и что, следовательно, поедем через Архангельск. В результате такого умозаключения в Архангельск из петроградского жандармского управления полетела телеграмма, обнаруженная недавно в Государственном архиве Архангельской области, следующего содержания:
«Архангельск Петрограда 27 мая 1916
На днях выехал Лондона Петроград или Москву возможно партийным поручением проживающий Лозанне соц. — дем. доктор Михаил Кедряв, возможно Кедров, с женою двумя детьми. Случае проезда подвергните тщательному таможенному досмотру результатам, при отсутствии преступного сопровождайте наблюдателем № 788.
Вице-директор Деп. пол. Смирнов».

В этой телеграмме три неточности: первая — вместо Кедряв надо Кедров; вторая — не с двумя, а с тремя детьми; третья — не упомянута старшая сестра матери, которая вернулась вместе с нами, — Мария Августовна Дидрикиль.
Итак, мы благополучно миновали жандармские ловушки. В троицын день приехали всей семьей на дачу Подвойских в Куоккала…
Из Персии отец привез нам, ребятам, тюбетейки и восточные сладости, которые мы пробовали впервые. Взрослым он рассказывал о положении на фронте, о Шериф-Ханэ, где был главным врачом военного госпиталя и где застала Февральская революция. Вид у отца был весьма чудной, но мы, ребята, этого тогда не понимали: отец был военный фронтовик, так не все ли равно, как он был одет? На нем были погоны военврача, криво пришитые на солдатской гимнастерке; на кармане были нацеплены два знака об окончании юридического лицея и медицинского факультета университета, причем царские орлы у обоих знаков были заделаны красной материей. Кроме того, на груди висела красная лента с надписью: «Председатель Совета рабочих и солдатских депутатов района Шериф-Ханэ». Теперь я понимаю, что отец даже по тем временам выглядел достаточно живописно. Потом он рассказывал, что, когда приехал в Питер в… 1917 г. и пришел на квартиру к Ленину, Надежда Константиновна невольно воскликнула с удивлением: «Ой, какой вы разукрашенный!»
Он также рассказывал, что весь Кавказский фронт оказался в руках меньшевиков, и когда в Тифлисе (так тогда назывался Тбилиси) состоялся краевой съезд Кавказской армии, то единственной большевистской группой на этом съезде были делегаты из района Шериф-Ханэ с отцом во главе. «Мы портили собою фасад меньшевистского съезда», — шутливо говорил он и добавлял, что меньшевики дразнили их «Шерифханской республикой». Отец рассказывал, как в первые же дни после известия о Февральской революции он организовал и возглавил местный Совет, который взял в свои руки всю власть, объединив вокруг себя и военных, и рабочих…
Надо сказать, что в распоряжении Демоба оказались громадные материальные ресурсы старой армии, которые переходили теперь в распоряжение молодого Советского государства. Их не надо было национализировать, как фабрики и заводы, они были национализированы, так сказать, с самого начала. И вот у отца возникла идея: для строительства социалистической экономики в нашей стране использовать прежде всего эти ресурсы, которыми Советская власть уже располагала. В особенности он мечтал на этой базе начать электрификацию страны и буквально носился с этой идеей, говоря, что с этим планом или замыслом надо обязательно пойти к Ленину. Он добился приема у Владимира Ильича, после которого вернулся домой очень расстроенным и сердитым на самого себя. Сказал, что ничего не вышло и что Ленин разругал его. Подробностей не сообщил, как его ни расспрашивали. Только много позднее из его воспоминаний стало ясно, в чем было тогда дело. Отец писал:
«Расскажу один из не совсем приятных для меня эпизодов…
Для меня, комиссара по демобилизации старой армии, одна из важнейших задач заключалась в том, чтобы возможно безболезненно эвакуировать солдат демобилизуемых возрастов с фронта на родину и предупредить возможное скопление демобилизованных, потерявших связь с деревней, в больших городах, где они в качестве безработной, деклассированной силы представляли бы большую опасность.
Для организации общественных работ в Техническом управлении демобилизации армии были доработаны имевшиеся старые планы электрификации Волхова, подобрана группа инженеров-строителей, составлена примерная схема и смета работ, которые были опубликованы в „Вестнике Армии и Флота“ в конце 1917 г. Разумеется, и калькуляция, и сметы были весьма примитивны и очень мало походили на тот замечательный план, который два года спустя был положен в основание электрификации страны.
Оставалось получить санкцию Владимира Ильича. Созвонившись и условившись по телефону, я прихватил на подмогу из нашего финансового управления товарища Косушкина, очень настойчивого и немного надоедливого человека, которого Ильич вовсе не знал. В назначенное время мы вошли в кабинет Ильича в Смольном.
Не ограничиваясь существом дела, мы пытались изложить и самую технику электрификации. На самом интересном месте, как мне казалось, Ильич внезапно отрубил:

— Идите в Высший совет народного хозяйства!
— Владимир Ильич! — пробовал я продолжать разговор. — Ведь ВСНХ недавно только организовался.
— Товарищ Ленин! — вмешался Косушкин. — Куда вы нас посылаете? ВСНХ — ведь это пустое место.
— Вот ка-ак! — иронически произнес Ильич, прищурив глаз. — Пустое место?! В самом деле?!
— Да, пустое место. А между тем электрификация — дело исключительной важности, — и Косушкин пустился расписывать всю необходимость и прелесть электрификации.
Я заметил, что Ильич начинает терять терпение. Я понял, что сделал глупость, взяв с собой Косушкина, который начинал уже пересаливать, и поторопился подобру-поздорову ретироваться.
В тот же вечер Ильич говорил одному из наркомов:
— Передайте Кедрову, чтобы он мне больше не морочил головы такими делами. Мало того, привел с собой какого-то Косушкина. Если он будет так впредь поступать, я не буду его больше пускать к себе.
Тогда мне казалось обидным, что Ильич выругал меня, отнесся так недружелюбно к проекту об электрификации. А сколько неоценимого времени отнималось у Ильича всякими пустяками, мелочными раздорами, ведомственными дрязгами, — это я понял только значительно позже»…
Так писал отец. Как мне кажется теперь, борьба за советский Север была кульминационным моментом всей его жизни, всей его революционной деятельности. И он от начала до конца был связан с Лениным, вдохновлен Лениным. Разумеется, и позже были яркие моменты в его жизни, тоже связанные с Лениным, но они уже не имели того масштаба и характера, как те два месяца — июль и август 1918 г.
В жизни отдельного человека бывает такой момент, когда в силу внезапного стечения обстоятельств в этом человеке до конца и удивительно полно вдруг раскрываются дремавшие или не проявлявшиеся в нем до сих пор силы и способности. На короткие мгновения человек как бы вспыхивает ярким светом, и таким он потом входит в историю, в память человечества. Гак у отца такой яркой вспышкой в его биографии был июль — август 1918 г…
С конца мая до конца ноября 1919 г. — почти полгода — я ездил поездом с отцом по всем тогдашним фронтам. Ленина я видел за это время всего один раз — на Красной площади на трибуне во время демонстрации по случаю второй годовщины Октябрьской революции. Было холодно, шел снег. На мне был полушубок и ушанка. Я стоял недалеко от основной трибуны и, не отрывая глаз, смотрел на Ленина.
До этого я побывал вместе с отцом и работниками Особого отдела ВЧК в Петрограде. Там готовился белогвардейский заговор, связанный с деятельностью остатков иностранных посольств и миссий в Петрограде. Отец составил план, каким образом можно было выловить заговорщиков, блокируя иностранные миссии и посольства. С этим планом он пришел вместе с нами всеми к Сталину в Смольный. Сталин сидел на диване в своей кожаной фуражке и что-то писал. Он пожал нам руки, не вставая. Отец рассказал ему про свой план. Выслушав отца и кивнув головой, Сталин произнес только одно слово: «Давайте!»
В июле поезд отца выехал на Южный фронт, и я снова вместе с ним. В Козлове (ныне Мичуринск) стоял штаб фронта. Я участвовал в организации проверки документов в прифронтовой полосе и в задержании подозрительных лиц. Ездили мы вдвоем с таким же подростком, как и я сам. Иногда с нами был старший из числа взрослых сотрудников отцовского поезда. Работа была сопряжена с большим риском: мы могли получить пулю в лоб от какого-нибудь пьяного «героя» или задержанного врага…
В сентябре 1919 г. анархисты бросили бомбу в здание МК РКП(б) в Леонтьевском переулке. При взрыве погибли секретарь МК РКП(б) В. М. Загорский и другие товарищи. Участники собрания, живые свидетели этой трагедии, рассказывали: когда через открытое окно, выходившее в садик, влетела бомба и упала к столу президиума, Загорский бросился к ней со словами: «Тише товарищи! Спокойно!» Он хотел выбросить ее назад в окно, но не успел. Раздался взрыв. Погибла Аня Халдина, с которой я работал в агитотделе МК, погиб

и ее друг и учитель Н. Н. Кропотов, за которым она пошла в революцию, хотя сама происходила из буржуазной семьи. Мне рассказывали, что, умирая, она порывалась что-то спросить, и я подумал, что в эти последние мгновения ей хотелось узнать, жив ли ее друг и учитель…

Хоронили их на Красной площади. Среди провожавших я запомнил Ленина и его близких. Когда на минуту открыли крышки гробов, раздался громкий плач родных. Была младшая сестра Ани, очень похожая на нее, очевидно, со своими родителями. На сердце было невыносимо тяжело. Я думал о Загорском, Кропотове и Ане, о том, что по воле злых преступников ушли из жизни такие замечательные люди…

Той же осенью 1919 г. отец отправился на Западный фронт, и я, конечно, с ним. На этот раз у него был уже не поезд, а только вагон, в котором жили и его сотрудники. Задача состояла в том, чтобы создать в Гомеле укрепленный район: не дать белогвардейцам, орудовавшим на юге, образовать общий фронт с врагами, действовавшими на западе Советской России.

В ноябре, после известного мамонтовского рейда по нашим тылам, поезд отца должен был «прочесать» район этого рейда, начиная с Тамбова. В Моршанске мы ловили сбежавшего начальника местной милиции Антонова, который возглавил в 1920–1921 гг. кулацкое восстание, известное под названием «антоновщина».

Это было тяжелое, очень тяжелое время для Советской республики. Все силы были напряжены до предела. Но сильна была вера в победу над врагом, и символом этой веры неизменно служили имя и образ Ленина.

В начале зимы 1919 г. наступили сильные морозы. Весь состав ВЧК во главе с Дзержинским поехал на субботник для заготовки дров в подмосковном лесу за Останкино. Отец взял меня с Юриком. Мы, как и все, пилили деревья. У меня не было рукавиц. Увидя это, Дзержинский отдал мне свои. Вообще я должен сказать, что среди работников ВЧК я видел много хороших, отзывчивых людей, настоящих революционеров. Они пришли на эту работу с убеждением, что это исключительно важный, ответственный, трудный и опасный участок работы. В работе ЧК могли быть промахи. Но в этом были повинны не чрезвычайные органы защиты революции, а проникавшие в них, примазавшиеся элементы.

Я вспоминаю, как мне рассказывал позднее работник ВЧК П. И. Валескалн о речи Ленина в клубе ВЧК в первую годовщину Октябрьской революции.

Ленин тогда говорил о трудностях в работе ЧК, о ее необходимости в интересах революции и о том, что ошибки в ее работе должны исправляться и исправляются. Теперь я приведу несколько мест из этой речи Ленина по ее опубликованному тексту. Ленин сказал, что ему «хочется остановиться на тяжелой деятельности чрезвычайных комиссий.

Нет ничего удивительного в том, что не только от врагов, но часто и от друзей мы слышим нападки на деятельность ЧК… естественно, что ошибки чрезвычайных комиссий больше всего бросаются в глаза. Обывательская интеллигенция подхватывает эти ошибки, не желая вникнуть глубже в сущность дела… У нас выхватывают отдельные ошибки ЧК, плачут и носятся с ними.

> Мы же говорим: на ошибках мы учимся»
> [82]
> .
>
> Свою речь Ленин кончил так: «Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неоценима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, — нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом»
> [83]
> .

Читая в те годы отдельные белогвардейские газеты и листовки, слыша порой злобное шипение врагов Советской власти, я со всей отчетливостью видел, что нет такой лжи и клеветы, которую не возводили бы на ЧК и ее сотрудников наши враги. Даже сегодня отголоски этого злобного шипения появляются в качестве «воспоминаний».

Вернусь к событиям конца 1919 г.
Конец 1919 и начало 1920 г. я провел в специальном поезде ВЧК и Всероссийской комиссии по борьбе с сыпным тифом, которую возглавлял мой отец.
К концу 1919 г. на Восточном фронте Красная Армия преследовала и громила разваливавшуюся колчаковскую армию. Убегавшая армия Колчака была заражена сыпняком (сыпным тифом) и оставляла нам массы тифозных солдат. Необходимо было не дать волне сыпняка распространиться в центральные губернии Советской России, где изголодавшиеся люди стали бы жертвами эпидемии, надо было создать прочный кордон, да не один: сначала на Волге, вдоль больших волжских городов, потом на Урале и в Зауралье и, наконец, в самой Сибири — Западной и Центральной. Вот для этой цели и была создана комиссия, которую организовал и возглавил мой отец, соединив задачи борьбы против сыпняка с задачами и функциями… ВЧК. Ибо борьба с сыпняком была не менее сложной и ответственной, чем борьба с контрреволюцией.
Я тоже входил в число сотрудников названной комиссии и вел в ней активную работу, выполняя всякого рода поручения. А дел было по горло. Начали с Симбирска. Здесь организовали санитарный пункт, дезинфекцию, походную баню-поезд, прачечную, медпункт и т. д. На станции был создан наблюдательный пункт проверки всех отъезжающих в сторону Москвы, то есть на запад. Мосты через Волгу, так же как через Иртыш под Омском, были взорваны, по льду проложены рельсы. Мы выходили из вагонов и шли вперед, а вагоны — один за другим — паровозик перекатывал под хлюпающие звуки, раздававшиеся из-под льда. За Симбирском была Уфа, потом Курган, Омск, Новониколаевск… Везде вдоль железнодорожного полотна в снегу валялись трупы колчаковских солдат. Госпитали были переполнены тифозными. Врачей и медперсонала не хватало. Мы работали день и ночь. Отец считал, что от заражения сыпняком может предохранить настойка из нескольких капель йода в молоке, и действительно, товарищи (я в том числе), которые принимали ее, не заболели.

Мы выехали из Москвы, как мне помнится, в конце ноября 1919 г., во всяком случае, я помню, что 10 декабря, в день моего рождения (мне исполнилось 16 лет), наш поезд пересекал Уральский хребет, и я стоял на паровозе, любуясь зимним пейзажем Уральских гор. Мне было известно, что наша комиссия выполняет прямое задание Ленина. Как раз в эти самые дни Ленин выступал на VIII Всероссийской конференции РКП(б) в Москве и говорил, что наша задача — «борьба со вшами, теми вшами, которые разносят сыпной тиф. Этот сыпной тиф среди населения, истощенного голодом, больного, не имеющего хлеба, мыла, топлива, может стать таким бедствием, которое не даст нам возможности справиться ни с каким социалистическим строительством»
[84]
.

Так Ленин говорил 2 декабря 1919 г. А спустя три дня на VII Всероссийском съезде Советов он сказал еще резче: «И третий бич на нас еще надвигается —
вошь, сыпной тиф,
который косит наши войска. И здесь, товарищи, нельзя представить себе того ужаса, который происходит в местах, пораженных сыпным тифом, когда население обессилено, ослаблено, нет материальных средств, — всякая жизнь, всякая общественность исчезает. Тут мы говорим: „Товарищи, все внимание этому вопросу…“ И в этом вопросе мы, товарищи, действуя такими же методами, начинаем достигать успешных результатов»
[85]
. И дальше Ленин снова высказал твердую уверенность в успехе нашей борьбы против сыпняка: «…если мы напряжем все свои силы для того, чтобы стереть с лица русской земли сыпной тиф, — результат некультурности, нищеты, темноты и невежества, — если мы все те силы, весь тот опыт, который мы приобрели в кровавой войне, применим в этой войне бескровной, — мы можем быть уверены, что в этом деле,

которое все же гораздо легче, гораздо человечнее, чем война, что в этом деле мы завоюем себе успеха все больше и больше»
[86]
.

Почта тогда работала плохо, и московские газеты, в которых были напечатаны речи Ленина, мы смогли прочитать с большим опозданием. В приведенных только что словах Ленина, его призывах мы читали такую поддержку в нашей трудной работе, что выразить это на бумаге просто невозможно. О результатах нашей деятельности отец регулярно сообщал в Москву. Обратный путь мы совершили через Екатеринбург (ныне Свердловск) и Казань.
Теперь, как я делал это не один раз, вновь приведу воспоминания отца об этой санитарно-защитной экспедиции на Восточном фронте, которую он возглавлял: «Кажется, ни одно начинание в центре и даже на местах не обходилось без того, чтобы Владимир Ильич не был посвящен в мельчайшие детали его или не был так или иначе в него втянут. В каждом комиссариате руками Ильича закладывался фундамент, на котором в дальнейшем комиссариат строился и развивался.
Возьмите такой комиссариат, как Наркомздрав… Наверное, не всем известно, что идея передать все дворцы, роскошные дачи, санатории и прочее Комиссариату здравоохранения принадлежала Владимиру Ильичу, и лозунг „Курорты для трудящихся“ впервые был брошен им. Миллионы лет жизни сбережены пролетариатом с тех пор, и в этом великая заслуга Ильича.
А вот другой случай. Осень 1919 г. Гражданская война близится к концу. Деникин отогнан от Москвы, Колчак откатился к Уралу. Победа сменяет победу.

Но появился новый враг, готовый свести на нет результаты всех побед и задавить вздохнувшую было страну. Плюгавая вошь, пожирающая больше жертв, чем все фронты вкупе… „Товарищи, все внимание этому вопросу, — говорил Ильич в докладе на VII Всероссийском съезде Советов. —
Или вши победят социализм, или социализм победит вшей!“»
[87].

Канун Октябрьской годовщины. Торжественное заседание Моссовета. Я только что вернулся из Тамбова, куда был командирован после налета Мамонтова.
Увидевший меня на заседании в Большом театре Феликс Эдмундович Дзержинский остановил меня.
— Вот хорошо, что приехали, — радостно сказал он. Речь его, торопливая, нервная, увлекающая, всегда волновала и захватывала собеседника. — Образована специальная комиссия по выработке положения об улучшении санитарного состояния республики. На днях должен выйти соответствующий декрет. Вот познакомьтесь с материалами…
Феликс Эдмундович достал из портфеля несколько листков и передал их мне.
— …и скажите ваше мнение, а также согласны ли от ВЧК возглавить образуемую комиссию. Необходимо устроить день топлива, чтобы бани работали непрерывно, а также день санитарии, провести кампанию пошивки белья и пр. Полагаю, что эта работа но вашему духу.
Я поблагодарил Феликса Эдмундовича, взял материалы для ознакомления, но я был уже согласен. Из переданных мне Феликсом Эдмундовичем материалов наибольший интерес представляло постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны от 5 ноября 1919 г. Хотя о Владимире Ильиче в этом постановлении сказано всего несколько слов, но эти слова воскрешают целую эпоху, когда всякое дело начиналось и венчалось Ильичем.
Вот это постановление:
«Совет Рабоче-Крестьянской Обороны в заседании от 5-го ноября с. г. постановил:
Поручить тов. Дзержинскому делегировать вместо тов. Аванесова, если последний не выздоровеет, в самые ближайшие дни заместителя его, в Комиссию по выработке проекта декрета, по наблюдению и контролю по проведению в жизнь санитарных мероприятий.

Пополнить Комиссию тов. Лениным и поручить ей утвердить декрет от имени Совета Обороны.
Заседание Комиссии назначить в пятницу. Созыв поручить тт. Склянскому и Бричкиной.
Секретарь Совета Рабоче-Крестьянской Обороны
Бричкина».

Как эти слова — «пополнить Комиссию тов. Лениным» — в то время просто и естественно звучали! Сплошь и рядом вводились дополнительно в разные комиссии представители от заинтересованных ведомств, почему не ввести и Владимира Ильича! Ведь без него все равно ни одно дело не обойдется.

Образованная несколько дней спустя комиссия первоначально находилась при НКЗдраве, а с января 1920 г. — при Совете Рабоче-Крестьянской Обороны. Борьба с охватившей всю страну тифозной эпидемией велась в ударном порядке, и нередко приходилось, как и раньше, обращаться к Владимиру Ильичу и в тех случаях, когда комиссия была вынуждена превышать свои полномочия или когда требовалась поддержка Ильича.

Помню, в Челябинске на эвакопункте вместимостью в 3 тыс. человек оказалось приблизительно 15 тыс. тифозных. Точное число не могло быть установлено, так как все проходы, коридоры, вся площадь полов были завалены больными; чтобы попасть внутрь, нужно было через приставные лестницы влезать в окна. Почти все больные лежали в кишащей паразитами одежде и белье за полным отсутствием смены белья и халатов. Многие срывали с себя одежду, предпочитая оставаться совсем голыми.

Выздоравливающие возвращались в части или в свои деревни, унося с собой и заразу. Немногим лучше обстояло дело и в лазаретах и в больницах.

В целях изготовления достаточных комплектов белья комиссия решилась на крайнюю меру — забрать из губпродкома несколько сот тысяч аршин мануфактуры из забронированных Совнаркомом для товарообменных операций. Об этой мере мы поставили в известность Владимира Ильича, но, насколько помню, ответа на наше сообщение не получили. Как впоследствии мне говорили, Владимир Ильич не хотел санкционировать таких наших действий, с другой стороны, не считал возможным их и осудить, если они были приняты действительно ввиду крайней необходимости.

Вспоминаю еще один случай обращения к Ильичу.

Прекратив решительными мерами эвакуацию тифозных из города в город и в глубь страны и установив принцип лечения больных в месте их заболевания, комиссия натолкнулась во всех городах на отсутствие оборудованных госпиталей и вообще свободных помещений. Приходилось забирать помещения государственных учреждений и приспосабливать их под бараки, лазареты, распределители.

В Омске было решено использовать громадное здание управления Омской железной дороги под центральный коллектор-распределитель. Но выселение встретило отчаянное сопротивление не только со стороны руководящего персонала железной дороги, но и со стороны НКПС в лице замнаркомпути В. М. Свердлова, который находился в пути на Омск. Несмотря даже на постановление Сибревкома (Косарев, Смирнов И. Н. Фрумкин) очистить помещение, управление со дня на день оттягивало передачу.

Тогда снова пришлось обратиться за поддержкой к Владимиру Ильичу. Очень скоро был получен телеграфный ответ от товарища Ленина. «Раз имеется постановление Сибревкома, — говорилось в телеграмме, — здание ж. д. должно быть освобождено для устройства распределителя…»

Еще в поезде в Сибири отец мне сказал: «Ты уже много читал, но, наверное, все отрывочно, бессистемно. Попробуй теперь изложить все прочитанное и переваренное тобою — о капитале и социализме, о революции и войне, о государстве и классах — словом, о всех коренных вопросах современности. Вспомни, что ты прочел у Ленина, и попробуй связать все это вместе. Тебе же самому интересно будет».

Как всегда, советы отца я с радостью исполнял. А тут он поставил передо мной действительно интересную и важную задачу: проверить, насколько я сознательно участвую в борьбе за коммунизм, следую за Лениным, понимаю, что вокруг меня делается. Мне 16 лет, я уже больше года состою в партии, а разобрался ли я достаточно глубоко и серьезно в тех грандиозных революционных событиях, в которые я вовлечен?

Я сел писать то, что рекомендовал отец, и сразу стал в тупик: с чего начать? Никакого плана у меня в голове не было и в помине. То мне казалось, что надо начать с капиталистической эксплуатации, от которой потом перейти к борьбе пролетариата против капитализма и к пролетарской революции, то с мировой войны и уже от нее к революции, то вести изложение в описательно-историческом плане, излагая последовательно то, как я сам шаг за шагом, читая работы Ленина, проникал в суть событий. Так и не решив для себя этого вопроса, я принялся излагать свои мысли в таком порядке, в каком они мне приходили в голову в данный момент. Исписал я целую тетрадку, и получился, разумеется, детский лепет с некоторой претензией на научность, главным образом в части терминологии. Как жаль, что этот первый в жизни мой опус, написанный на теоретическую тему, но сохранился. Как бы интересно было прочесть его сегодня.

Свое «сочинение» я дал прочесть отцу. Ознакомившись с ним, он сказал: «Для первого раза получилось ничего, но тебе надо обязательно учиться». С мыслью, что мне надо учиться, я вернулся в Москву вместе с отцом…

В конце апреля 1921 г. отец отправился на Южный Каспий с целью организации добычи рыбы на Каспийском море, включая северное побережье Персии (Ирана), где Советская Россия арендовала рыбные промыслы. Одновременно в качестве полномочного представителя ОГПУ отец должен был проверить работу этих органов по пути следования и в Баку, по месту своего нахождения. Я поехал и на этот раз с ним, и это была моя последняя поездка вместе с отцом. Мы выехали из Москвы 21 апреля, по дороге ненадолго останавливались в Харькове, Ростове-на-Дону и в других городах. Основной базой для нас стал Баку, где отец создал управление рыбных промыслов Южного Каспия. Меня он отправил в качестве информатора в персидский город Энзели (Пехлеви), где был центр рыбных промыслов, находившихся раньше в руках русского миллионера Лианозова. Там я пробыл месяца три. Организовал на промыслах партийную ячейку, которая установила контакт с городским партийным комитетом в Энзели.

Откликаясь на призывы помочь голодающим Поволжья, мы на промыслах провели отчисления натурой (рисом) и отправили телеграмму в Москву, в «Правду» Марии Ильиничне, за моей подписью и за подписью председателя профсоюза рабочих промыслов. В одном из летних номеров «Правды» за 1921 г. наша телеграмма была опубликована.

Примерно в начале сентября 1921 г. отец отозвал меня из Персии в Баку, и я стал работать в его управлении. Одновременно он и И. Ф. Тубала проверяли работу АзГПУ (по-старому Азчека — Азербайджанская чрезвычайная комиссия) и обнаружили в ней серьезные ошибки и недостатки. При этом один из руководителей АзГПУ был признан главным виновником этих недостатков и был квалифицирован как не вызывающий политического доверия.

Меня отец использовал иногда как своего секретаря, который под диктовку пишет протоколы и письма. Такие записи велись в особых личных тетрадках отца (под копирку). Они так и назывались тогда и потом коротко — «тетрадками». Помню, что я под диктовку отца написал длинное письмо о политическом положении в Северной Персии, где орудовали сразу несколько «ханов», которые придерживались различной внешнеполитической ориентации: одни — английской, другие — русской, третьи — независимой.

Точно так же мне было продиктовано письмо на имя Ф. Э. Дзержинского о положении в АзГПУ.

В ноябре 1921 г. я отвез это письмо в Москву и передал его в ОГПУ для Дзержинского. Было у меня также письмо от отца к Ленину, но о его содержании я ничего не знал. Я его передал в секретариат Ленина…

Кедров Б. М.

Запечатленный образ Ленина.

М., 1986. с. 8—19, 25–37, 49–76, 131–162, 210–212

Сергей Белов
. СЕЙТЕ РАЗУМНОЕ, ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ

«Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет все. Чем не блестит эта улица — красавица нашей столицы! Я знаю, что ни один из бледных и чиновных ее жителей не променяет на все блага Невского проспекта. Не только кто имеет 25 лет от роду, прекрасные усы и удивительно сшитый сюртук, но даже тот, у кого на подбородке выскакивают белые волоса и голова гладка, как серебряное блюдо, и тот в восторге от Невского проспекта… Едва только взойдешь на Невский проспект, как уже пахнет одним гуляньем. Хотя бы имел какое-нибудь нужное, необходимое дело, но, взошедши на него, верно, позабудешь о всяком деле. Здесь единственное место, где показываются люди не по необходимости, куда не загнала их надобность и меркантильный интерес, объемлющий весь Петербург».

Ах, как писал Николай Васильевич Гоголь! Еще с гимназии запомнились эти слова, — Кедров обладал феноменальной памятью. Он родился в Москве, но действительно «не променял бы на все блага Невского проспекта». Для него проспект тоже «составляет все», он спешит в дом № 110 по Невскому, и нет для него сейчас ничего важнее этого дома и этого проспекта.

Правда, ему не 25 лет от роду, а на три года больше, но у него тоже «прекрасные усы и удивительно сшитый сюртук».

Все верно, вот только в одном ошибся Николай Васильевич. «Взошедши» на Невский проспект, он никогда не мог позабыть о своем деле. Совсем наоборот: всегда показывался там по «необходимости», и его всегда «загоняла» сюда именно «надобность».

Удачно он все-таки подобрал этот дом по Невскому проспекту! Даже самый опытный конспиратор не мог бы ни к чему придраться. Рядом Знаменская площадь, и если не сможешь уйти от шпиков на Невском, то на площади непременно затеряешься. Ну а если уж и на площади от них не оторвешься, то вот он — Николаевский вокзал, а там на любой поезд, и поминай как звали!

А дом 110 каков! Четыре проходных двора с выходом на четыре улицы и две лестницы — парадная и черная — в издательстве и книжном складе. Да и сам он — Михаил Сергеевич Кедров — поселился в этом же доме, имея надежно изготовленный паспорт на имя Иванова…

Казалось бы, чего ему не хватало! Отец — потомственный дворянин, крупный нотариус, имел собственный дом на 1-й Мещанской улице. Мать — музыкально одаренный человек — научила его играть на рояле, как будто предчувствуя, что это очень пригодится. В общем, безбедная, спокойная жизнь ему была написана на роду: путешествие по Европе, музицирование, 2-я московская гимназия, юридический факультет Московского университета и одновременно вольнослушатель в Лазаревском институте восточных языков.

И вдруг — гром среди ясного неба! В 1899 г. его исключили из университета за участие в революционных студенческих выступлениях.

Оказывается, этот красивый и стройный юноша, одетый всегда с иголочки, имеющий собственный выезд, уже давно жил напряженной духовной жизнью, о которой даже близкие не догадывались. В 15 лет он прочел «Преступление и наказание» и заплакал. Особенно поразили и запомнились слова: «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца».

У него рано возникло убеждение, что никто не должен проходить мимо бесправия, царящего в мире. Каждый человек ответствен не только за собственные поступки, но и за зло, совершающееся на каждом шагу.

Он начал задаваться вопросами: отчего одни счастливы и богаты, а другие бедны и несчастны? Почему это так? Однако он был еще слишком молод и не знал путей борьбы против несправедливо устроенного мира. Но зерна уже были посеяны. Прошло четыре года — и его глаза открылись: Кедров впервые знакомится с марксизмом…

Было еще одно немаловажное обстоятельство, почему Михаил Сергеевич выбрал дом именно на Невском проспекте. Буквально в пяти минутах ходьбы (если идти быстрым шагом) находилась Караванная улица, где его друзья и товарищи организовали первое легальное большевистское издательство «Вперед».

Это было очень кстати. В случае необходимости, убегая от полиции, можно было скрыться на Караванной. И наоборот, «впередовцы» могли у него спрятаться. Получался такой взаимный «обмен» товарищами, преследуемыми охранкой. Да и вообще было легче работать, зная, что совсем рядом надежные и верные соратники по партии, большевики. Наконец, можно было всегда посоветоваться с руководителем издательства «Вперед» Владимиром Дмитриевичем Бонч-Бруевичем. У того огромный опыт в издательских делах. Кедров пока не имел никакого опыта. Но революционной биографии Михаила Сергеевича мог позавидовать каждый…

…Подкоп велся через баню Таганской тюрьмы. Крайне опасное и очень ответственное дело. Надо было не только обмануть бдительность полицейских, охранявших тюрьму, но и не привлекать внимания окружающих. Центральный Комитет поручил Кедрову принять участие в этой смелой операции по освобождению из Таганской тюрьмы Н. Э. Баумана, В. А. Носкова и других членов Северного бюро ЦК. Шел 1905 год.

Главное — все делать незаметно, чтобы комар носа не подточил. И тогда решили напротив тюремной бани, через дорогу, открыть небольшую лавочку. Поселился в ней одни человек; для полиции и местных жителей лавочник, торгующий хозяйственными мелочами. На самом деле большевик П. А. Красиков, лавочка которого служила для того, чтобы незаметно увозить вырытую землю из подземного хода. Трудились круглые сутки.

Подкоп до конца не довели, так как Бауман и его товарищи были вскоре освобождены из заключения…

В 1905 г. подмосковная дача Михаила Сергеевича стала явкой и надежным убежищем для революционеров. Но лишь немногие знали, что в подвале дачи он хранил оружие, которое приобретал на свои деньги…

Последний раз Кедров шел на Невский, 110, с Караванной улицы. Издательство «Вперед» разгромлено. На прощание Бонч-Бруевич передал ему несколько листков бумаги и сказал:

— Мы хотели выпустить Собрание сочинений Ленина, но не успели. Он составил список своих работ, которые предполагал включить в это издание. Владимир Ильич разрешил передать этот список вам, Михаил Сергеевич. Может быть, вам больше повезет.

Издать легально первое Собрание сочинений Ленина — какая невероятно трудная и ответственная задача! А главное, это очень важное, необходимое для революционного движения издание. Именно сейчас, летом 1907 г., когда революция потерпела поражение и многих охватили растерянность и уныние, выход произведений вождя большевистской партии прозвучит ободряющим призывом, ленинские мысли укажут революционной социал-демократии верный путь. Конечно, он постарается сделать все, чтобы Собрание сочинений Владимира Ильича было выпущено.

С этими мыслями Кедров быстро преодолел расстояние между Караванной и Невским, 110, неся в потайном кармане драгоценный список. Вот и хорошо знакомая вывеска: «Издательство „Зерно“». 11 июля 1907 г. руководитель издательства большевик Михаил Сергеевич Кедров вошел в свой рабочий кабинет на втором этаже в сильно приподнятом настроении…

А в это время с другой стороны Невского, от Знаменской площади, к издательству «Зерно» приближался мужчина неопределенных лет, высокого роста, одетый прилично, но как-то уж очень неряшливо. Обращали на себя внимание его глаза — темные, воспаленные и навыкате; казалось, в них притаилась какая-то идея, словно он что-то замыслил, но никак не может решиться. Мужчина шел в глубокой задумчивости, не замечая прохожих. Не так давно он прибыл из Европы. Работал в «Искре». Сначала ему правились все эти

восторженные юноши, которые бредили Марксом, рассуждали о переделке мира, о социализме, коммунизме, о будущей счастливой и радостной жизни.
Вернувшись в Петербург, он узнал, что многие из этих юношей уже сидят в тюрьме или находятся в ссылке. И испугался, причем так сильно, что целых полгода не мог справиться с нервным тиком. «Все, с прошлым покончено», — решил он и устроился на должность управляющего в типографию Безобразова. Но быстро сообразил, что если порвет сразу, то это будет слишком заметно для его бывших знакомых, которые, как он знал, смелы и решительны в подобных случаях. И он продолжал по инерции с некоторыми из них встречаться (правда, все реже и реже) и даже кое-что печатать из их сочинений в своей типографии, как будто предчувствуя, что эти бывшие друзья ему еще пригодятся.
Конечно, должность управляющего в типографии Безобразова придала ему больше уверенности в себе. Во-первых, хоть маленькая, но все же власть, а ему ее всегда страсть как хотелось. Во-вторых, деньги. Не бог весть, правда, какие, но все же деньги.
Господи! Зачем нужна была ему эта работа в «Искре»? Зачем ему это будущее счастливое социалистическое общество? Живем-то ведь один раз, значит, надо наслаждаться жизнью и ни о чем не думать. А после нас хоть потоп! Скорее, скорее все взять от жизни — он и так потерял столько времени.
Но нужны деньги, много денег. Где их раздобыть? Он уж и так наодалживал, где только мог. Надо было как-то кардинально поправить свое материальное положение. Но как? Правда, какая-то идея, точнее, даже не идея, а проблески ее в нем забрезжили давно, но так смутно, что, казалось, им никогда не принять реальных очертаний. Да и слава богу! Ибо как только смутные проблески этой идеи принимали реальные очертания, страх сжимал его сердце с такой силой, что он тут же покрывался холодным потом и крестился (хотя был неверующим), как бы отгоняя прочь наваждение.
Но проходило немного времени — и что-то опять смутно его тревожило, и уже, кажется, не было больше сил сопротивляться искушению.
11 июля 1907 г. бывший наборщик «Искры» и нынешний управляющий типографией Безобразова Михаил Львович Шнеерсон вошел в издательство «Зерно». Еще по работе в газете он знал многих авторов и сотрудников «Зерна». Михаил Сергеевич Кедров предупредил его, чтобы он захаживал в ближайшие дни — возможно, будет что-нибудь очень важное для печатания в типографии Безобразова. И вот он на Невском, 110…

В кабинете Кедрова уже ждал старый друг и товарищ по партии публицист Ольминский.
— Михаил Степанович! Вы знаете, что это? — и Кедров вытащил драгоценные листки. — Это же будущее Собрание сочинений Владимира Ильича, которое нам доверено выпустить! Да, да, список его работ. После разгрома издательства «Вперед» их выпуск поручен нам. Ну-ка, зовите товарищей, надо немедленно объявить эту новость.
Когда все собрались, Кедров повторил то, что сказал Ольминскому, и добавил:
— Давайте попросим товарища Шнеерсона напечатать Собрание сочинений Владимира Ильича в своей типографии. Я думаю, Михаил Львович возражать не будет. Да вот и он, легок на помине. Здравствуйте, Михаил Львович, проходите, садитесь.
Кедров пожал ему руку и вдруг почувствовал непонятное беспокойство. И так было каждый раз, когда он видел этого человека.
— Ваша типография вполне благонадежная, а марку издательскую мы снимем, да и сочинения Владимира Ильича будут выходить под псевдонимом. Так что возьметесь печатать, Михаил Львович?
— Возьмусь, — ответил тот и как-то странно посмотрел на Кедрова. Всю жизнь потом Михаил Сергеевич не мог забыть этот взгляд…

«Зерно» — последнее легальное большевистское издательство периода первой российской революции…
Деятельность издательства приобрела особенно важное значение в годы столыпинской реакции, когда легальная печать большевиков была разгромлена, когда царизм повел яростное наступление на революционеров. Именно тогда «Зерно» стало осуществлять связь между Центральным Комитетом РСДРП и местными партийными организациями.

Книжный магазин издательства был конспиративным центром партии, где нелегальные работники получали адреса явочных квартир.
В своей издательской деятельности Кедров умело применял общий для всей большевистской печати принцип сочетания легальных и нелегальных форм работы. Так, в начале 1907 г. «Зерно» выпустило под вымышленной маркой, без указания типографии, политическую сказку в стихах С. Верхоянцева (Басова) «Конек-Скакунок», в острой сатирической форме высмеивавшую царя и призывавшую к его свержению.
Уже после наложения ареста на эту книгу Кедров несколько раз переиздал ее, изменяя фамилию автора, название произведения и место издания. Полиция сбилась с ног, пытаясь найти автора сказки и ее издателя, и даже объявила крупное вознаграждение тому, кто поможет их найти. Но все было тщетно. Руководитель «Зерна» теперь уже стал талантливым конспиратором. «Успех этой брошюры, — вспоминал Кедров, — показал, что спрос на популярную революционную книжку еще далеко но иссяк, что, несмотря на суровые репрессии, еще вполне возможно успешное издание в легальных типографиях нелегальных брошюр и широкое их распространение».
Весной 1907 г. в «Зерне» выходит серия агитационных социал-демократических брошюр для широких масс под названием «Книжки для всех». От Михаила Сергеевича потребовалось много выдумки при издании и распространении этой серии: книги печатались им в Петербурге и Москве, в разных типографиях, занижался официальный тираж, несколько брошюр объединялись в сборник; чтобы спасти их от конфискации, на обложках не указывалось издательство.
Одновременно с изданием массовых революционных брошюр «Зерно» приступило к выпуску крупных работ. В конце 1906 — начале 1907 г. была издана работа М. Н. Лядова «История Российской социал-демократической рабочей партии. Часть II. Создание РСДРП (1897–1902 гг.)».
В начале лета 1907 г. Кедров задумал выпустить для рабочих «Календарь для всех на 1908 год». В качестве авторов решено было привлечь Ленина и других видных партийных литераторов. «Зерно» обратилось к Владимиру Ильичу, жившему тогда в Финляндии, с просьбой написать статью для «Календаря». Кедров отправил ему также проспект издания и список его участников.
Ленин горячо откликнулся на это обращение, прислав специально для «Календаря» статью «Международный социалистический конгресс в Штутгарте», в которой давалась характеристика не только Штутгартскому, но и всем предшествовавшим конгрессам Социалистического интернационала.
К концу августа 1907 г. «Календарь для всех на 1908 год» был подготовлен к печати. Оставалось найти типографию. Конечно, печатание «Календаря» было делом достаточно солидным и выгодным, и любая типография приняла бы такой заказ. Но «Зерно» предложило еще два конфиденциальных условия: в книге заказов типография указывает тираж не 63 тыс., а всего 3 тыс. экземпляров и на несколько дней задерживает доставку в цензурный комитет отпечатанного «Календаря».
Типография «Русская скоропечатня» на Екатерининском канале приняла эти условия. В документах издательство «Зерно» не упоминалось, а заказчиком и издателем «Календаря» числился мифический «коллежский асессор Александр Васильевич Траубе», который на случай отъезда из Петербурга выдал доверенность на получение тиража «Александру Васильевичу Масленникову» (по этому паспорту нелегально проживал в Петербурге Ангарский (Клестов).
Кедров не зря оказался таким предусмотрительным. Он чувствовал, что, как только о «Календаре» станет известно властям, он будет немедленно запрещен. Так и случилось. Но Кедров уже успел принять меры к спасению издания…
Необычайное оживление царило в доме № 94 по Екатерининскому каналу, где помещалась типография «Русская скоропечатня». Утро 21 октября 1907 г. выдалось довольно сумрачным и холодным. Однако те, кто пришел в этот ранний час в типографию, не чувствовали холода. Их согревала работа. Часть людей упаковывала книги в тюки, ящики, бандероли, другие надписывали адреса, а третьи носили готовые посылки на подводы, тут же отъезжавшие на вокзалы, почтамт, петербургские фабрики и заводы, чтобы быстро вернуться за срочным грузом.

Работало много людей, но суеты не было: все обязанности распределили еще накануне. А главное, этой «операцией» по вывозу книг умело руководил высокий стройный мужчина лет тридцати, и по тому, как он четко отдавал распоряжения, чувствовалось, что он уже не первый раз занимается этим делом.

— Товарищи, товарищи! — подбадривал он работающих. — Помните, что спасение «Календаря» со статьей Владимира Ильича — важное партийное дело! Книгу ждут наши товарищи на заводах и фабриках, в провинции, за границей. Знаю, что вы устали, шутка ли — тираж больше шестидесяти тысяч экземпляров! Но прошу вас, еще немного, и мы все вывезем.

— Михаил Сергеевич, — обратилась к говорившему одна из сотрудниц, — у нас кончилась бечевка.

— Попросите у управляющего типографией, а заодно скажите ему, пусть не волнуется. Скоро вывезем то, что нам нужно, как мы с ним предварительно условились. А когда нагрянет полиция, пусть все валит на нас — мы же все-таки фирма легальная, и ответственность по закону ложится на издательство, а не на типографию.

К обеду все буквально падали с ног от усталости, но работу не бросали: вот-вот могла явиться полиция, ибо обязательный экземпляр издания вчера уже пошел в цензуру.

Полиция прибыла лишь через несколько дней… В поисках «Календаря» были перерыты все книжные склады и магазины столицы. Повальные обыски шли и в других городах. Но лишь считанные экземпляры попали в руки полиции. Почти все 60 тыс. экземпляров этого издания разошлись среди рабочих, солдат и матросов.

> Вспоминая об издании «Календаря» со статьей Владимира Ильича, Кедров с законной гордостью писал: «Можно с уверенностью сказать, что ни одна статья товарища Ленина не имела такого широкого распространения вплоть до 1917 г.»
> [88]
> .

Летом 1907 г. Кедров приступил к выпуску первого в России Собрания сочинений В. И. Ленина. Казалось бы, сама идея выпустить подобное издание в условиях разгула реакции в стране неосуществима. Но не таков был Кедров — профессиональный революционер, опытный подпольщик, стойкий ленинец, чтобы заниматься фантастическими проектами.

Владимир Ильич дал согласие на выпуск трехтомника под названием «За 12 лет». «Все мы, — вспоминал Михаил Сергеевич, — ликовали: будем переиздавать статьи Ленина, большинство которых видело свет только на страницах зарубежных „Искры“, „Зари“, „Пролетария“!»

В сентябре 1907 г. Ленин написал предисловие к сборнику. Он блестяще воспользовался возможностью дать очерк истории российской социал-демократии.

Договорились о печатании сборника тиражом 3 тыс. экземпляров в типографии Безобразова. Учитывая нелегальный характер издания, заказ оформили на имя фиктивного редактора-издателя. Ни в одном из документов «Зерно» не фигурировало. В книге заказов типографии Кедров указал тираж лишь 1600 экземпляров вместо 3 тыс.

В 20-х числах ноября первый том сборника статей «За 12 лет» вышел из печати. «Корректуру этого сборника, — вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич, — читал сам Владимир Ильич… причем, по свидетельству т. Ангарского, сильно ее правил, целыми страницами „добавлял“».

Литератору-большевику Николаю Семеновичу Ангарскому Кедров поручил встретиться с Лениным в Финляндии, чтобы подробнее поговорить о выпуске трехтомника в «Зерне». (Михаил Сергеевич очень хотел поехать сам, но не мог ни на минуту оставить издательство в это тяжелое время.)

…Ангарский не переставал удивляться поразительному умению Владимира Ильича чувствовать пульс времени, понимать задачи партии в каждый момент. Вот и сейчас, скрываясь от полиции в Финляндии, он думал о самом насущном: тактике большевиков в условиях поражения революции. Именно с этого Ленин начал разговор.

Николай Семенович вообще человек не очень-то разговорчивый, но после приезда из Финляндии его было ив узнать.

— Вы знаете, что мне сказал Владимир Ильич?! Нет, вы послушайте!
Он подходил к каждому сотруднику «Зерна» и говорил:
— Владимир Ильич сказал, что мы молодцы! Даже сама по себе одна попытка издать его Собрание сочинений в мрачный период столыпинской реакции чего стоит! И если нам удастся выпустить хоть один том, то это уже подвиг! Вот что просил вам всем передать Владимир Ильич.
— А скажите, пожалуйста, Николай Семенович, Ленин ничего не говорил о содержании томов? — поинтересовался Кедров.
— Он обещал написать вам об этом подробно.
Сразу же после выхода 1-го тома «За 12 лет» на него был наложен арест. Петербургский комитет по делам печати сообщал прокурору судебной палаты, что все статьи сборника и предисловие к нему «заключают в себе изложение учения социал-демократии… и отличаются явно революционным направлением. Они имеют главнейшею целью уяснить способы борьбы рабочего класса и крестьянства с капиталистическим и существующим в России государственным строем, с абсолютизмом вообще и русским самодержавием в особенности, развивать и поддерживать в названных классах стремления к ниспровержению самодержавия путем вооруженного восстания и провозглашению демократической республики».
Однако основную часть тиража Кедрову удалось спасти и сохранить на нелегальном складе. Но против него как распространителя издания было возбуждено судебное преследование…

27 апреля 1908 г. многочисленные пешеходы Невского проспекта, даже спешащие по делам, невольно замедляли шаг и останавливались у дома № 110. Сам дом и все четыре проходных двора были полны городовых, шпиков и дворников из соседних домов.
— Что случилось? Что происходит?
— Да опять, наверное, с нелегальщиной борются.
Усиленный наряд полиции в буквальном смысле слова громил издательство и книжный склад «Зерно». Картина была удручающая. Огромная куча книг была свалена в центре складского помещения. Обыск продолжался шесть часов. Было найдено и конфисковано около 17 тыс. экземпляров революционных книг и брошюр.
— Ну что ж, славно мы сегодня потрудились! — заключил наконец пристав и, тяжело дыша и вытирая пот со лба, сел писать протокол.
Затем он объявил оказавшемуся в это время в издательстве большевику Николаю Ильичу Подвойскому, что тот арестован. А вскоре был арестован и Кедров.
Уже в то время, когда Михаил Сергеевич находился в тюрьме, вышло в свет последнее издание «Зерна» — сборник «Карл Маркс», в который вошла работа Ленина «Марксизм и ревизионизм». На книгу сразу же был наложен арест.
В середине ноября 1908 г. суд приговорил Кедрова и Подвойского к трем годам тюрьмы.
Получилось так, что Михаил Сергеевич издавал работы Ленина, переписывался с ним, но их первая встреча произошла только летом 1913 г. в Берне. Владимир Ильич пришел на концерт, устроенный кассой взаимопомощи русского студенчества. Весь сбор от концерта шел на оказание помощи российским политэмигрантам. Михаил Сергеевич выступал в качестве пианиста…
Все еще под впечатлением только что исполненной им увертюры Бетховена «Кориолан», Кедров прогуливался по фойе. Вдруг услышал, что его зовут. Оказалось, его хотел с кем-то познакомить большевик Шкловский.
— Знакомьтесь, Владимир Ильич, — сказал Шкловский, обращаясь к своему спутнику. — Это тот самый Михаил Сергеевич Кедров, который издавал ваши работы в «Зерне».
— Вот мы и встретились, Михаил Сергеевич! А вы, оказывается, не только издатель, но и прекрасный пианист.
Кедров смутился, а Ленин, чувствуя его состояние, взял его под руку и стал расспрашивать о деятельности руководимого им издательства.
— Скажите, Михаил Сергеевич, почему все-таки разгромили «Зерно»?

— Нашелся предатель, Владимир Ильич, донесший обо всем полиции. Он был управляющим в типографии Безобразова, которая печатала ваш сборник «За 12 лет». А когда-то работал наборщиком в «Искре»…

Владимир Ильич помрачнел, как бы ушел в себя. Потом снова начал задавать ему вопросы. Когда они прощались, еще раз поблагодарил Кедрова за «Зерно», за издание своих произведений и крепко пожал ему руку.

Потом они встречались неоднократно. Однажды Владимир Ильич, пытливо глядя в глаза, сказал:

— Михаил Сергеевич! Я давно вас хочу спросить. Почему вы назвали издательство «Зерно»? По некрасовским строчкам?

— Конечно, Владимир Ильич. «Сейте разумное, доброе, вечное».

— Замечательные слова! И знаете, о чем я подумал? Хорошие вы зерна в «Зерне» посеяли. Идея, за которую мы боремся, неподвластна смерти. Нас с вами не будет, а идея наша останется, а значит, останемся и мы. Идея наша победит, потому что мы сеяли разумное, доброе, вечное…

Считая главной задачей издательства «Зерно» выпуск ленинских работ, Кедров выполнил указание большевистской партии о необходимости сделать гениальные идеи вождя достоянием широких народных масс.

И потом, после Великого Октября, где бы ни работал — а партия поручала ему самые боевые дела, — on всегда сеял разумное, доброе, вечное.

Белов С. В.

Стремянная, 12

М., 1986, с. 98—111

Теодор Гладков, Николай Зайцев
. И Я ЕМУ НЕ МОГУ НЕ ВЕРИТЬ…

— Н-но! Трогай! В путь! — И, залихватски гикнув на лошадей, Христиан Фраучи вскочил на телегу.

Артур, вихрастый мальчуган лет двенадцати с ярко-синими глазами, утонув в сене, задумчиво жевал стебелек вики и с грустью смотрел на провожавших его ребят. Они остаются в деревне, а он едет куда-то в неизвестную даль.

Семья Христиана Фраучи, приехавшего из Швейцарии в Россию в 1881 г. и поселившегося в имении Попова Апашково Тверской губернии, где работал его старший брат, прибывший в эти края двумя годами раньше, покидала обжитую усадьбу Юрино, переезжала на новое место. Их будет много, таких переездов, в юной жизни Артура: усадьбы Ждани, Михайловское, Путятино, Петровское, село Давыдково… Христиан Петрович часто перебирался из одной усадьбы в другую. Все зависело от того, в какой степени владелец или управляющий нуждались в услугах лучшего в губернии мастера-сыровара, выходца из Швейцарии, страны, издавна славящейся, как известно, этим замечательным продуктом — сыром.

Работая сыроваром в имении Николаевна, Христиан женился на Августе Дидрикиль, девушке с выразительными серыми глазами, пышными волосами и статной фигурой. Вскоре молодая семья поселилась в имении Устиново Кашинского уезда. Здесь 4 февраля 1891 г. и родился первенец. Назвали его Артуром.

Вот так и вышло, что все дети Фраучи, швейцарца итальянского происхождения, появились на свет в русских деревнях, да и выросли русскими людьми.
Христиан, управляя лошадьми, то и дело поглядывал за детьми: не растрясло ли их? Девочки ерзали в телеге. Проселочная дорога, известно, колдобина на колдобине. Наконец лошади благополучно довезли телегу со всем добром семьи Фраучи — несколькими баулами — по разбитой конскими копытами, размытой дождями дороге до Кашина.
Дети с любопытством озирались по сторонам. После Юрина даже захолустный Кашин казался им настоящим большим городом. Заметив их интерес к окружающему, Августа Августовна стала увлеченно рассказывать о центре всей губернии — древней Твери. У матери Артура было всего четыре класса образования. В свое время она жила в Вологде, где младшие сестры учились в гимназии, а она, как старшая, опекала их. В Вологде жило тогда много ссыльных революционеров. Сестры водили с ними знакомство, приносили домой полученные от них книги, в том числе по истории России. Эти книги, естественно, не прошли мимо внимания Августы, от природы пытливой и любознательной. К тому же она обладала отличной памятью и живым воображением. Вот и теперь с искренним увлечением она рассказывала маленьким слушателям о правлении на Твери брата Александра Невского — Ярослава Ярославовича, о том, как посадские мужики убили за жестокость и бесчинства татарского хана Щелкана, о более поздних временах, когда творил в городе знаменитый зодчий Казаков, сочинял басни «дедушка» Крылов, переводил «Илиаду» Гнедич, читал первые главы своей «Истории государства Российского» Карамзин, жил и работал великий писатель Салтыков-Щедрин. Говорила Августа Августовна и о славном путешествии в далекую и таинственную Индию тверского гостя Афанасия Никитина…
Дети слушали внимательно. Заключительные слова материнского рассказа глубоко запали в душу Артура:
— Тверская земля — твоя родина, и ты должен хорошо знать историю своего края. Не может быть по-настоящему свободным человек, у которого нет родной земли. Историю делают люди. Твои великие земляки для тебя — живой пример.
Артур уже знал, что в Жданях отец будет заниматься не только сыроварением: Христиан Петрович арендовал здесь и участок земли, чтобы самому его обрабатывать с помощью подрастающих детей. Летом, конечно, потому что зимой мальчику предстояло учиться в новгородской гимназии. Артур знал также, что на новом месте ему предстоят новые встречи с дядей Мишей и дядей Колей. Для Артура они были невероятно интересными, всегда желанными взрослыми друзьями их дома и семьи, людьми загадочными и притягательными. Они привозили с собой необычные книги (особо Артуру запомнилось дарвиновское «Путешествие вокруг света на корабле „Бигль“» в чтении дяди Миши), говорили с мальчуганом, как с равным, о серьезных вещах. Позднее Артур понял, что дядя Миша и дядя Коля были профессиональными революционерами, членами большевистской партии. Он также узнал и то, что Михаил Кедров и Николай Подвойский и их некоторые друзья-большевики приезжали в усадьбу не только для того, чтобы навестить семью Фраучи, но и укрыться на время от недреманного ока царской охранки.
Так уж вышло, что далекий от политики Христиан Фраучи и русские революционеры Михаил Кедров и Николай Подвойский стали свояками. Они женились на родных сестрах — соответственно Августе, Ольге и Нине Дидрикиль. Это была большая и дружная семья, в которой за несколько поколений причудливо перемешалась эстонская, латышская, русская и даже шотландская кровь. Ольга и Нина были политическими единомышленницами своих мужей. Занималась активной революционной деятельностью и четвертая сестра, Мария, — долгое время она работала вместе с Вячеславом Менжинским. Дядя Миша Кедров был чрезвычайно одаренным человеком, которого хватало на все: он учился на юриста, одновременно слушал лекции в Лазаревском институте восточных языков, впоследствии, не прерывая ни на день революционную деятельность, получил и высшее медицинское образование. Кроме того, он был превосходным пианистом, давал концерты, сбор с которых шел в фонд помощи политэмигрантам-большевикам. С горящими глазами Артур слушал рассказы Кедрова о том, как тот с товарищами вел в Москве подкоп под баню

Таганской тюрьмы, чтобы освободить своего друга, революционера-большевика Николая Баумана, как с дружинниками захватил на Волге пароход со взрывчаткой…
По мере того как Артур рос, темы разговоров с Михаилом Кедровым становились все серьезнее. Высокообразованный марксист раскрывал перед юношей уже не только романтическую сторону революции, но и глубокие экономические и социальные корни движения пролетариата за свое освобождение от гнета царизма и капитала. Во время очередного приезда Кедрова в Ждани Артур рассказал о своих успехах в математике, отечественной истории и языках. Сознался, что не ладится у него с законом божьим, не идет на ум, и все тут.
— Новой России нужны будут образованные люди, — сказал Кедров, — много образованных людей, неумехи и полузнайки нам не нужны. Закон божий не только гимназический предмет, с этой точки зрения он, точно, тебе не нужен. Но знать религию необходимо для каждого революционера. Религиозный дурман — один из серьезнейших противников нашего марксистского, материалистического мировоззрения. А противника всегда нужно изучать, иначе его не победишь. Вот и подходи к закону божьему с этой меркой…
На этот раз Кедров недолго гостил в Жданях. Дела требовали его присутствия в Петербурге…
Прощаясь с Кедровым, Артур стал горячо просить дядю Мишу взять его с собой для помощи в делах.
— Что ж, — ответил Кедров, — хорошие помощники мне нужны. Только имей в виду, наша работа — занятие для людей не робкого десятка. Полиция и охранка с нас глаз не сводят, малейшая ошибка и — тюрьма.
— Не бойся, дядя Миша, — горячо заверил Кедрова Артур, — я не оплошаю.
— Что ж, раз так, то приезжай. Но предупреждаю еще раз — тебя ждут многие препятствия и опасности. Впрочем, преодоление препятствий уже само по себе есть осуществление свободы. Так сказал один очень умный человек.
Очередные летние каникулы Артур Фраучи провел в Петербурге. Одетый в новенькую гимназическую форму, он раскатывал на извозчике по данным ему дядей Мишей адресам и развозил пакеты с литературой, которую получал в доме № 110 по Невскому проспекту, где размещалось издательство и книжный склад. Ни у городовых, ни у дворников — соглядатаев полиции молодой «барич»-гимназист никаких подозрений не вызывал. Так Артур приобрел первые навыки конспирации.
Вполне естественно, что Артур не только распространял нелегальную литературу, но и читал ее с жадным интересом. Этому способствовали и частые беседы с Кедровым, который не уставал наставлять своего юного соратника:
— Люди перестанут мыслить, когда перестанут читать…
Эти слова заставляли задуматься. К сожалению, знакомство с марксизмом оказалось не слишком продолжительным: оно было прервано разгромом царскими властями издательства «Зерно» и арестом Кедрова.
Серьезным политическим самообразованием Артур Фраучи занялся, уже став студентом металлургического отделения Петербургского политехнического института. Процесс этот был далеко не простым и не безболезненным.
Российская интеллигенция (следовательно, весьма значительная и активная ее часть — студенчество) после поражения революции 1905 г. и начавшейся реакции так и не вышла еще из кризиса духа, идейных шатаний и разброда. В «образованном обществе» читали переводные сочинения философов-идеалистов, реакционных политических мыслителей — подражателей Ницше, стихи поэтов-декадентов, многие увлекались столоверчением и прочей мистикой, масонством и т. п.
Было от чего пойти кругом голове любознательного юноши, очутившегося в Петрограде после окончания провинциальной гимназии. И нет ничего удивительного в том, что новомодные идеи и веяния на какое-то время задели и Артура Фраучи. К счастью, у него была светлая голова, и кратковременные увлечения чуждыми ему, в сущности, идеями, бытовавшими в студенческой среде, не сбили молодого человека с истинного пути. Артур Фраучи в конце концов примкнул к нелегальным кружкам марксистского направления. Большую роль в этом — окончательном, на всю жизнь — выборе сыграло новое прочтение

марксистских книг авторов-большевиков, особенно ленинских философских работ, с которыми его впервые познакомил еще М. С. Кедров.
Студент Фраучи оказался человеком разносторонних интересов. Он одинаково увлеченно знакомился с философскими сочинениями, проглатывал книжные и журнальные литературные новинки, посещал спектакли, особенно часто — оперу и Народный дом, где выступали в ту пору известнейшие певцы Федор Шаляпин, Леонид Собинов, Антонина Нежданова, исполнительница цыганских романсов Варя Панина. Артур и сам много пел в ту пору — вначале только на дружеских студенческих вечеринках, потом в том же Народном доме. У Фраучи оказался красивый лирико-драматический тенор. Специалисты находили, что он при желании вполне мог бы стать профессиональным оперным певцом. А пока что студент-политехник успешно исполнял теноровые партии в… 11 спектаклях, поставленных актерами-любителями в Народном доме. Через много лет Артур Христианович охотно выступал на сцене клуба ОГПУ перед сотрудниками, исполнял чаще всего арии Радамеса из «Аиды», Хозе из «Кармен», романсы, в том числе свой любимый, на музыку Шуберта, «Я не сержусь», который пел на немецком языке…
Активное участие в нелегальных кружках, другие занятия не мешали Артуру серьезно овладевать будущей профессией. Звездой первой величины в Политехническом институте заслуженно считался профессор Владимир Ефимович Грум-Гржимайло, крупнейший инженер-металлург России, к тому же видный ученый, создатель первой теории печей. «Громоподобный» — так не без основания называли за глаза профессора — приметил способного студента Фраучи, и когда тот получил диплом инженера, пригласил его в свое «Металлургическое бюро», находившееся на Большом Сампсониевском проспекте. «Металлургическое бюро» В. Грум-Гржимайло являлось единственным в своем роде проектным учреждением. Оно не было ни казенным, ни частным… На второй год мировой войны выяснилось, что русской армии катастрофически не хватает трехдюймовых артиллерийских снарядов. Их стали изготавливать на мелких и средних предприятиях, незнакомых с таким производством. Корпуса снарядов вытачивались на станках, затем подвергались термообработке в специальных печах. Вот этих-то печей и не было на заводах, подключенных нуждой к выполнению заказов военного производства.
Проекты печей и стал добровольно разрабатывать, можно сказать, на дому профессор Грум-Гржимайло. Когда стало очевидным, что в одиночку с делом, приобретавшим все больший размах, не справиться, он снял в доходном доме на Большом Сампсониевском квартиру в несколько комнат, где и разместились со своими кульманами приглашенные им на свой страх и риск конструкторы. Их число никогда не превышало пятнадцати. «Бюро» фактически было бездоходным — получаемые от заводов деньги за исполнение срочных заказов полностью уходили на жалованье сотрудникам, аренду помещения, бумагу ватман и прочие производственные нужды.
Лучшей школы для молодого инженера Фраучи и придумать было нельзя. Здесь генерировались самые прогрессивные технические идеи. Достаточно сказать, что «Бюро» разработало для отечественной промышленности за два с небольшим года около 150 типов различных печей и иного оборудования!
Сослуживцы сулили Артуру Фраучи блестящую карьеру на инженерном поприще, о том же недвусмысленно и не раз говорил и сам «Громоподобный». Но в Петрограде началась Февральская революция, народ сбросил трехсотлетнюю корону с обветшалого дома Романовых — царизм пал. Вернулись из ссылок, тюрем, эмиграции многие большевики. В эти дни Михаил Сергеевич предложил племяннику принять участие в революционной работе в Питере. Артур Фраучи хотя и с сожалением, но без колебаний оставил работу по профессии.
Уже после Октябрьской революции Михаил Сергеевич Кедров скажет однажды об Артуре:
— Судьба подарила мне друга славного, преданного, мягкого в словах и великого в помощи, не терпящего отдаления, широкого по милости, верного догадкой. Словом, у меня есть настоящий политический сын.
В свою очередь Артузов оставит такое искреннее признание: «Как и многие юноши из интеллигентных семей, я долго метался, пока не нашел себя и ту единственную правду земли, без которой не может жить честный человек. Она, эта правда, заключается в том, чтобы люди, которые трудятся, были сыты и свободны… Не знаю, что было бы со мной,

если бы не дядя Миша. Большевиком я стал исключительно под влиянием незаурядной личности Михаила Сергеевича Кедрова».
В том же 1917 г. Артур Фраучи организационно оформил свою принадлежность к партии большевиков, идеи и позиции которой он разделял с юношеских лет…
К работе в Демобе Кедров привлек и Артура Фраучи. В распоряжении ведомства оказались огромные технические ресурсы, дорогостоящее военное имущество, автомастерские и т. п. Разобраться во всем этом хозяйстве, оказавшемся безнадзорным, мог только человек с инженерным образованием. Артур Фраучи подходил для этого, как никто другой, тем более что владел немецким, английским и французским языками. Это тоже имело важное значение, так как значительная часть техники была иностранного производства. Фраучи стал работать в отделе Демоба, который занимался материально-техническим снабжением армии, а также вопросами мобилизации и использования солдат, обладавших техническими знаниями. Так продолжалось несколько недель. А затем Артуру пришлось на время покинуть Москву… Весной 1918 года…
Секретарем «Ревизии» стал Артур Фраучи.
Поехал в Архангельск и сослуживец Артура по Демобу — Иоганн Тубала, а попросту Ваня Тубала. Его мать и сестра — добрые знакомые Кедровых — оставались в Эстонии, и юноша фактически воспитывался в семье Михаила Сергеевича, дружил с его детьми и племянниками. По рекомендации Кедрова он, как и Артузов, станет чекистом. Позже Иван Тубала породнится с Артуром, женившись на его сестре Вере Фраучи.
* * *
Трубы английского крейсера «Аттентив», стоявшего на архангельском рейде, вдруг густо задымили. Темная завеса заволокла небо, придавила свинцовое море. Меньшевики и эсеры, захватившие власть в городе, не на шутку всполошились: «Неужели уходит?» Срочно был послан гонец к представителю генерала Пуля. Тот хладнокровно заверил: «Генерал проводит очередную проверку боевой готовности».
Пуль, осознавая недолговечность непопулярной в народе меньшевистско-эсеровской власти, зря времени не терял: держал экипаж на «товсь», с тем чтобы в нужный момент овладеть положением. На планшеты офицеров были нанесены координаты стратегических пунктов города. Орудия крейсера в любую минуту могли обрушить на них залповый огонь. Разведывательные группы проводили промеры глубины у берегов на случай, если придется высаживать десант.
После генеральского заверения жизнь в Архангельске пошла своим чередом: городская дума заседала, купцы и судовладельцы, хозяева фабрик и лесопилок, как и в прежние времена, раскатывали в дорогих пролетках, швыряли в ресторанах «моржовки», обеспеченные английскими фунтами. У складов между тем стояли часовые в иностранной форме. Официально английские, французские и американские солдаты находились здесь с весны якобы для защиты от немцев боеприпасов и военного снаряжения. На деле они были форпостом будущей интервенции.
Тем временем реакционно настроенные офицеры, поняв, что в главных пролетарских центрах им на успех рассчитывать не приходится, тайно переправлялись из Петрограда, Москвы, других крупных городов России на Дон, в Сибирь, а также в Архангельск и Мурманск, где бывшие союзники — Англия, Франция, а затем и Америка — располагали реальной военной силой. Офицерам тайно помогали некоторые военспецы, засевшие в московских и других штабах, в частности в Военконтроле — так теперь называлась бывшая военная разведка. И потекли бывшие подпоручики, штабс-капитаны, полковники на окраины России, чтобы начать оттуда поход против Советской власти. Потекли уже не на свой страх и риск, а с подлинными документами, к которым не придерешься.
Именно такое положение застал нарком Кедров в Архангельске. Сотрудники его «Ревизии» делали все, чтобы укрепить органы Советской власти, ликвидировать контрреволюционные гнезда, создать надежные подразделения и части Красной Армии.
Очень скоро Кедров понял, что враги республики используют Военконтроль в своих антинародных целях. Он незамедлительно отдал приказ, чтобы красноармейские патрули повсеместно задерживали всех офицеров, которые направлялись в Архангельск из Москвы, Петрограда и Вологды. Очень скоро таких набралось несколько десятков. У всех были, как и ожидал нарком, документы, выданные Военконтролем Вологды. Офицеров обыскали.

Почти у каждого были найдены в кармане две пуговицы — черная и белая. Даже для непосвященных в таинства конспирации стало ясно, что пуговицы служили опознавательными знаками. Установили, что все офицеры с пуговицами шли к белогвардейскому генералу Овчинникову. Так было выявлено и доказано, что вологодский Военконтроль засорен врагами. Об этом Кедров доложил Ленину.
Артур Фраучи в «истории с пуговицами» оказал Михаилу Сергеевичу весьма существенную помощь. Успокаиваться, однако, не приходилось. Каждый день приносил новые тревоги.
…Английский консул Дуглас Юнг прислал Кедрову письмо, не оставляющее никаких сомнений, касающихся захватнических намерений своего правительства. Ознакомившись с ним, Кедров бросил в сердцах лощеную, с британским золотым львом, бумагу на стол. Гневно сказал:
— Разве все это уже не оплачено русской кровью?
Артур взял письмо, быстро пробежал глазами:
«…я нахожу своим долгом во избежание всяких недоразумений в будущем через посредство ваше ясно и категорически объявить местным фактическим властям мнение британского правительства относительно собственности груза, находящегося в Архангельске. Британское правительство считает весь ввезенный в Архангельск груз исключительно собственностью союзников, а не России».
— Что скажешь на это? — спросил Кедров.
— Категоричное письмо. И наш ответ тоже должен быть категоричным.
Артур хорошо знал дядю Мишу. Он был уверен, что своим наглым письмом английский консул не только не запугает Кедрова, а, наоборот, подтолкнет его к самым решительным шагам. Так оно и вышло. Какую-то минуту нарком сосредоточенно обдумывал что-то молча, потом твердо заявил:
— Разгружать порт и немедленно вывозить склады в глубь России!
— И я того же мнения, — откликнулся Артур. Кедров развернул карту, стал рассуждать:
— Реки вскрылись от льда, часть грузов направим речным путем в Котлас, остальное — по железной дороге в Вологду. С чего начнем?
— С угля.
— Почему? А цветные металлы? Ценности?
Фраучи покачал головой:
— Без ценностей Советская власть просуществует. А без угля все станет.
— Пожалуй, резон в этом есть. Вот и займись в первую очередь вывозом угля и боеприпасов.
С этого дня Артур с головой окунулся в организацию эвакуации грузов. В короткий срок из Архангельска было вывезено до 40 млн пудов угля. С боеприпасами обстояло сложнее — они охранялись куда строже, нежели топливо. Однако Артуру все же удалось под прикрытием надежных воинских команд с помощью железнодорожников, портовиков, речников проникнуть на склады, перегрузить часть снарядов в пароходы и вагоны, следующие в глубь страны. Часовые союзников не рискнули оказать вооруженное сопротивление.
Англичане хорошо понимали значение Архангельска и Мурмана и готовили их захват. О близком наступлении интервентов В. И. Ленин предупреждал VII съезд партии: Англия или Франция захотят у нас отнять Архангельск. Кедров на сей счет получил ориентировку наркоминдела Чичерина: «Есть известия, что можно опасаться английской экспедиции на Мурман и Архангельск». Через неделю от него была получена новая телеграмма: быть готовым к отпору. Задачи «Ревизии» Кедрова отныне расширялись. Выполняя указания правительства, М. С. Кедров направил британской, французской и американской миссиям предупреждение:

«…объявляю, что ввиду известного международного и политического положения прибытие иностранного военного судна, в особенности с вооруженной командой, в Архангельск, где в настоящее время сосредоточено огромное количество военного и взрывчатого материала, будет рассматриваться как начало активных действий, которые могут иметь самые тяжелые последствия.

Народный комиссар Михаил Кедров.

Секретарь Ар. Фраучи».

Воздержавшись на какое-то время от прямых военных столкновений с советскими частями, англичане тем не менее вовсю занимались шпионажем. Чтобы расстроить планы врага, необходимо было нанести удар по разведке интервентов. По поручению Кедрова Фраучи занялся делом английского шпиона Масспарта. Его и серба Илича задержали на берегу моря. В вещах нашли карту, на которой была обозначена тропа от Соловской бухты на Исакогорку. Что она означала? Артур пришел к выводу, что тропа, явно уже разведанная шпионами, не что иное, как предполагаемый маршрут десанта. Значит, англичане изучали возможность пройти на Исакогорку по суше, минуя Архангельск.
Заинтересовал Артура и такой факт. В бухте появилось незнакомое судно. Оказалось, что это морской буксир «Митрофан». Для выяснения, чем он занимается, был послан ледокол «Горислав». На гудки «Горислава» буксир не ответил. Тогда выстрелили из пушки. Это подействовало. «Митрофан» застопорил ход. На буксире оказались 10 английских военных моряков под командованием офицера с крейсера «Аттентив». Несомненно, это была разведка.
Шпионов Масспарта и Илича посадили в архангельскую тюрьму. Им было разрешено получать продовольственные передачи, которые, конечно, тщательно проверялись. И вот однажды в куске мыла, предназначенного для арестованных шпионов, были обнаружены деньги и записка: «Друзья! Мною приняты меры для освобождения вас из тюрьмы. Когда вы выйдете на свободу, в свою очередь помогите и мне выбраться отсюда… Я хочу служить в английских войсках». Выяснилось, что письмо написал… командир 1-го советского полка Иванов. Предатель, конечно, был обезврежен.
Все эти факты говорили о том, что англичане готовят захват Архангельска.
— Функции «Ревизии» заканчиваются, мой друг, — сказал по этому поводу Кедров Артуру, — теперь наша работа приобретает уже чисто военный характер.
Вероятно, именно в эти дни Артур получил ту фамилию, под которой он вошел в историю советских органов государственной безопасности Рядовые красноармейцы, вместе с которыми ему пришлось очищать город от шпионов и контрреволюционеров, плохо запоминали и произносили его необычную фамилию — Фраучи. И как-то незаметно, словно само собой, его стали называть Артузовым, сделав из его имени вполне по-русски звучащую фамилию.
При поступлении в том же 1918 году на работу в ВЧК с согласия своих руководителей Ф. Э. Дзержинского и М. С. Кедрова Артур Христианович взял эту фамилию официально…
Интервенты и белогвардейцы наступали. Малочисленные отряды красных отходили к Обозерской. Поддерживаемые иностранными самолетами, части противника продвигались вдоль железной дороги. Вскоре они вплотную подошли к Обозерской.
Кедров был напряжен до предела. Через несколько часов, может быть утром, интервенты и белогвардейцы ворвутся в Обозерскую. А здесь сосредоточены грузы. Противника надо задержать хотя бы на сутки, чтобы успеть эвакуировать людей и имущество, вагоны с углем и ценностями. Кедров понимал, что 33 латышских стрелка готовы стоять насмерть. Но лавину горсткой храбрецов не остановить.
Кедров ходил по штабному вагону, обдумывая положение. Изредка поглядывал в окно. Возле пакгауза работали высокие светловолосые бойцы — латыши. Погрузкой руководил Артузов. Работы были организованы хорошо, по-инженерному, и дело велось споро.
В конце концов Михаил Сергеевич нашел единственное решение: необходимо уничтожить железнодорожный мост на пути интервентов. И лучше всех с этим справится Артур. Правда, нет под рукой взрывчатки, но Артузов — инженер, должен придумать, как это сделать, имея артиллерийские снаряды.
Михаил Сергеевич вызвал в вагон Артузова.

— Я выбрал тебя, — как можно спокойнее сказал Кедров Артуру, когда тот вошел в вагон. — Возьмешь несколько бойцов, паровоз с платформой и доберешься до моста. Уничтожь его и возвращайся в Обозерскую. Таков мой приказ. Я не вижу иного средства задержать наступление противника.
На лице Артура Кедров не прочитал никаких иных чувств, кроме полного понимания и готовности выполнить боевое задание. Ничего не надо было добавлять — об отсутствии взрывчатки Артур и сам знал. Потому он и задал единственный вопрос:
— Когда выступать?
Кедров вынул из кармана часы на никелированной цепочке, щелкнул крышкой, прикинул время и с сожалением ответил:
— Немедленно. Через час может быть уже поздно. Я полагаю, смысл приказа тебе ясен. Откровенно говоря, я не представляю, как ты обойдешься без взрывчатки. Можно ли использовать снаряды?
Артур в раздумье покачал головой.
— Без взрывчатки, конечно, трудно. Но есть другой способ: мост деревянный, а в пакгаузе я приметил керосин. Я просто сожгу мост. Ни пешие, ни конные не пройдут. Восстановят, конечно, быстро, но день провозятся.
— Тогда — действуй, молодой декан! — И Кедров крепко обнял Артура.
И вот уже на полных парах локомотив с командой на платформе мчит к мосту. В голове Артура и сопровождающих его бойцов одна мысль — не опоздать! Только бы разъезды противника уже не перешли этот проклятый мост, они могут разобрать пути, и команда окажется отрезанной от своих. Это не помешает ей выполнить задание, но будет означать верную гибель. Впереди темным пятном на сером фоне показался мост.
— Зажечь факелы! — приказал Артур. Вспыхнули в руках бойцов желто-алые огни. Это было сигналом и машинисту: он сбавил ход и стал осторожно подгонять платформу к мосту.
— Поливай! — отдал Артузов новую команду, и в тот же миг с той стороны ударили ружейные выстрелы. Вражеский разъезд! Но теперь он не страшен, мимо платформы по узкому настилу кавалеристам не прорваться. Роли заранее распределены: часть бойцов открыла заградительный огонь по противнику, остальные поливали керосином доски настила и бревна опор. И вот уже затрещали змейки пламени, разбегаясь по всему сооружению, запахло дымом и гарью, потом все загудело, и ввысь взметнулись длинные языки набиравшего силу огня.
— Всем на платформу! — подал команду Артур.
Отстреливаясь из драгунок, бойцы отбегали от охваченного бушующим пламенем моста и прыгали на платформу. Последним вскочил на нее Артузов. Издавая пронзительные победные гудки, старенький паровозик мчал подрывную команду к Обозерской…
Артузов не мог, конечно, тогда предвидеть, что в ближайшие месяцы ему придется уничтожить еще два моста — уже во вражеском тылу. Теперь же он задумался вдруг, почему Кедров, прощаясь, назвал его молодым деканом? Потом вспомнил, что слово это в старину, кроме общепризнанного, имело еще и другое значение: служитель или борец за веру.
Сразу стало ясно, какой смысл вложил Кедров в прощальную фразу: он должен был отправиться на задание с верой в победу.
Так начались боевые действия на Северном фронте. Был образован штаб фронта, в котором Артур Артузов стал начальником инженерного отдела.
В обязанности Артузова и сотрудников его отдела входили инженерное обеспечение войск, организация диверсий во вражеском тылу и т. п. Может быть, поэтому Артузову пришлось заниматься и контрразведывательными делами. Постепенно именно эта работа стала для него самой интересной, а затем и главной.

Гладков Теодор, Зайцев Николай.

И я ему не могу не верить…

М., 1986, с. 5—26

Людмила Пинчук
. ЖИТЬ НАДО БОРЦОМ

Отец всегда появлялся неожиданно.
Так было на даче под Москвой и на квартире в Петербурге, так же неожиданно приезжал он, бывало, и в село Ждани. И тогда не было на свете детей более счастливых, чем сыновья Михаила Сергеевича Кедрова.
…Сегодня именно такой радостный день, когда отец и мать дома. Можно взять за отца, можно крепко прижаться к маме. Отец — красивый; лицо его одухотворенно, он похож на артиста, у него длинные и тонкие пальцы пианиста. Мать — молода, изящна, всегда необычайно деятельна.
Дети знают: вечером к родителям придут в гости друзья. Они будут пить чай, говорить о забастовках и нелегальных квартирах, о явках… Потом тихо, вполголоса, начнут петь. Чаще всего они поют романс Даргомыжского… Только последняя строчка в этом романсе изменена.

Не пылит дорога,
Не дрожат листы,
Погоди немного —
Попадешь в «Кресты»…

Вместе со взрослыми, с отцом и матерью этот романс поет и старший сын Кедровых, семилетний Бонифатий. Он уже знает, что «Кресты» — это «государева тюрьма» в Петербурге, куда заключают людей, борющихся против царя, за свободу и справедливость.
По-разному складывалась жизнь в семьях большевиков до революции. В каждой семье по-своему устанавливались отношения между детьми и родителями. Одни не сразу раскрывали детям свою принадлежность к партии, другие, как это было в семье Кедровых, никогда не скрывали от сыновей свое участие в борьбе с самодержавием, свою принадлежность к большевистской партии.
Участник трех революций, впоследствии известный военачальник Красной Армии, один из первых советских чекистов и соратников Ф. Э. Дзержинского, Михаил Сергеевич Кедров до победы Октябрьской революции, вел обычную жизнь большевика-подпольщика. Устраивал конспиративные явки, вел пропаганду большевистских идей, готовил массы к революции. Сидел в тюрьме, томился в ссылке, уходил в эмиграцию…
Не раз бывало и так: за тюремной решеткой одновременно с Михаилом Сергеевичем оказывалась и Ольга Августовна, его жена и соратник по партии и совместной борьбе…
Михаил Сергеевич и Ольга Августовна страдали от того, что детство их сыновей было полно тревог, опасностей, неустроенности. Но они глушили в себе эту боль и никогда, ни разу не свернули с избранного пути. Они сумели внушить детям, что человек не может быть по-настоящему счастлив, если он равнодушен к горю и бедам других людей, если он закрывает глаза на страдания народа, что истинное назначение человека — борьба за справедливость, против зла и насилия, пока они существуют.
Почему Кедровы так поступали? Что заставляло их откровенно беседовать с детьми на эту серьезную тему, говорить со своими сыновьями об опасных делах?

Мне кажется, что причин было много. Поначалу Михаилу Сергеевичу и Ольге Августовне надо было просто объяснить своим ребятам, почему жандармы нередко врываются в квартиру, отчего отец часто не бывает дома. Старшему сыну Бонифатию было шесть лет, когда он увидел в руках матери конверт из плотной серой бумаги. На нем четко выделялся овальный фиолетовый штемпель «государевой тюрьмы». Это было письмо от отца.
В квартире Кедровых время от времени появлялись какие-то таинственные люди. Они подолгу жили в семье. Этих людей тщательно скрывали от посторонних. Мальчишки — народ смышленый; они, конечно, догадывались, что с обычными гостями так не поступают. Значит, родители вынуждены были рано откровенно говорить с детьми. Это, видимо, диктовалось еще и желанием научить ребят лучше разбираться в жизни, стремлением отца и матери воспитать сыновей достойными людьми.
Михаил Сергеевич и Ольга Августовна рано открыли своим детям глаза на то, что в жизни идет жестокая борьба между богатыми и бедными, что честный человек должен быть всегда на стороне обездоленных. Это необходимо было сделать еще и потому, что сама семья Кедровых не принадлежала к классу неимущих. Михаил Сергеевич по своему происхождению был дворянином… Семья жила на его литературный заработок; жила скромно, но не бедно. Ольга Августовна и Михаил Сергеевич стремились с ранних лет привить своим сыновьям тревогу за тех, кто был голоден, кого оскорбляли и унижали. Этой тревогой жила лучшая часть русской интеллигенции, ею были пропитаны многие книги русских писателей, картины русских художников.
С глубоким волнением дети Кедровых заучивали наизусть слова поэта:

Где трудно дышится,
Где горе слышится,
Будь первым там…

Михаил Сергеевич и Ольга Августовна хотели воспитать своих детей прежде всего борцами, людьми убежденными, преданными благородной идее служения народу. Они хотели, чтобы сыновья были их единомышленниками, чтобы дело родителей стало и делом детей.
Сыновьям Кедровых была знакома героическая биография отца. Они знали о его смелом, необычайно дерзком подкопе под баню Таганской тюрьмы, чтобы освободить Николая Эрнестовича Баумана. Мальчишкам было известно и о динамитных шашках, хранившихся под верандой на даче в Перловке. А в коридоре петербургской квартиры старший сын Бонифатий мог видеть аккуратно сложенные вдоль стены, еще пахнувшие типографский краской пачки книг. В пачках этих находились произведения В. И. Ленина…

> Возвращаясь в 1916 г. в Россию (из Швейцарии. —
> Ред.),
> Михаил Сергеевич обратился за помощью к старшему сыну… Адреса явок записывать на бумаге было рискованно. Их надо было заучить наизусть…

— У тебя хорошая память; постарайся, пожалуйста, запомнить несколько важных адресов…
Можно представить себе, что могли подумать дети о своих родителях, если бы не знали, ради чего они должны солгать. Ведь отец и мать никогда не обманывали мальчишек, они постоянно учили их говорить только правду. Михаил Сергеевич и Ольга Августовна сумели объяснить своим сыновьям, во имя чего и против кого они ведут борьбу…
Михаил Сергеевич и Ольга Августовна были людьми большой культуры, высокообразованными. Они учили детей любить природу, книги, искусство. Сыновья с детства были приучены слушать и понимать хорошую музыку…
Революционная деятельность Михаила Сергеевича и Ольги Августовны Кедровых вынуждала их переезжать с места на место. Это лишало детей возможности нормально

посещать школу. С ними занимался отец. Он обучал сыновей русскому языку, математике, физике, естествознанию. Дети очень любили слушать его рассказы о природе.
До эмиграции семья Кедровых некоторое время жила у старшей сестры Ольги Августовны в селе Ждани Новгородской губернии. Здесь Михаил Сергеевич скрывался от ищеек царской охранки. Вокруг села были чудеснее леса, куда он вместе с детьми нередко уходил на прогулки. Во время прогулок Михаил Сергеевич пользовался случаем, чтобы научить мальчишек многим полезным вещам: пользоваться компасом, определять по коре возраст деревьев, правильно разжигать костер, ориентироваться в лесу.
Михаил Сергеевич с юности интересовался медициной и естественными науками. Будучи взрослым, отцом семейства, получив юридическое образование, он решил серьезно заняться медициной…
Михаил Сергеевич часто рассказывал ребятам — своим сыновьям и племянникам, жившим в Жданях, — о Чарлзе Роберте Дарвине, которого в знак почтения к великому английскому ученому называл полным именем. Никто из детей не читал еще книгу Дарвина «Путешествие на корабле „Бигл“», и во время прогулок Михаил Сергеевич пересказывал им ее содержание. Воображение мальчишек тотчас уносилось вслед за великим ученым — в далекие австралийские прерии, на дикие острова Океании, в знойную пустыню Аравии, где изучал природу Чарлз Дарвин. Потом, следуя маршрутами Дарвина, они отправлялись на знаменитом парусном корабле «Бигл» в кругосветное путешествие…
— Это были захватывающие рассказы, — вспоминал старший сын М. С. Кедрова, Бонифатий Михайлович. — Характерно, что в этих рассказах отца на первый план выступали не научные изыскания Дарвина, открывшего закономерности развития в природе, а его нравственный подвиг во имя науки, его яростная и упорная борьба с реакционерами биологами, с церковными фанатиками… И как-то незаметно разговор начинал касаться подвига. Подвига человека — будь то подвиг борца, ученого или солдата.
— Что такое подвиг? — спрашивали мальчишки Михаила Сергеевича.
— Подвиги бывают разные. Дарвин совершил подвиг ученого. Русские революционеры, — объяснял Михаил Сергеевич, — тоже совершают подвиг. Они ведут полную опасности борьбу, чтобы уничтожить на земле зло, насилие, несправедливость. Подвиг заключается и в том, чтобы всегда оставаться верным своим убеждениям, уметь их отстаивать, бороться за них. Поняли? — спрашивал Михаил Сергеевич.
— Да, — не слишком уверенно отвечали мальчики.
— Взгрустнулось, что не можете подвиг совершить? — улыбаясь, спрашивал Михаил Сергеевич. — Броситься в огонь, спасти утопающего или открыть новый закон в науке? Но подвиг может быть и в том, чтобы в нужный момент помочь человеку, попавшему в беду, оказать ему всяческую поддержку…
Много лет спустя автору этих строк довелось убедиться в самоотверженности и душевной щедрости, которую семья Кедровых воспитала в своих детях.
В Московском университете я училась вместе с Сильвой Кедровой, дочерью Михаила Сергеевича. Она родилась после революции и была намного моложе своих братьев. Мы учились на историческом факультете, только специализировались по разным отраслям науки: я занималась историей славянских стран, а Сильва изучала философию Индии. Сдержанная, несколько замкнутая, Сильва многим казалась даже суховатой.
Однажды у нас на курсе случилась беда, по тем временам очень горькая: у одной студентки, жившей в общежитии, украли хлебную карточку. Шла война, и возместить такую потерю было совсем не легко. Лишнего хлеба ни у кого не было. Первой, кто протянул девушке талон от своей хлебной карточки, была Сильва Кедрова. На другой день такой же талон отдала другая студентка, потом третья, и так девушка продержалась до конца месяца, пока ей выдали новую продовольственную карточку.
Сильва жила тогда одна, родителей уже не было, старший брат Бонифатий находился в армии, ей, как и всем в годы войны, жилось трудно. Но «сработало» годами воспитанное в семье, почти инстинктивное стремление немедленно броситься на помощь тому, кто попал в беду. Сильве не потребовалось много времени на размышление, и, поделись с товарищем последним куском хлеба, она сделала это так искренне и деликатно, что увлекла своим примером остальных.

После этого случая мы как-то теснее сблизились с Сильвой, и она чаще, доверительней рассказывала о своем отце, вспоминала о книгах, которые он советовал ей читать. Поторопившись, я спросила:

— Это были, наверное, «Овод», «Спартак», «Что делать?» Чернышевского?

— Отец, конечно, ценил эти книги, — ответила Сильва. — Он считал, например, что никто не имеет права пройти мимо романа Войнич. Но он называл наивными людьми тех, кто думал, что, прочитав «Овод» или роман Тургенева «Накануне», можно тут же стать убежденным борцом-революционером. Отец советовал мне обязательно читать Пушкина и Лермонтова, Достоевского и Толстого, Чехова и Герцена, Шекспира и Гёте. Он был убежден, что из человека, которого не волнуют переживания Печорина, страдания Отелло, который равнодушен к судьбе Лизы Калитиной и Наташи Ростовой, ничего путного получиться не может…

Человек редкостной скромности и благородства, Михаил Сергеевич Кедров никогда не добивался ни для себя, ни для своих сыновей каких-либо особых привилегий, не искал для них легких путей.

Сыновья, помогавшие отцу еще детьми, стали впоследствии активными участниками великих преобразований в нашей стране.

Весной 1918 г… Штаб фронта размещался… в Вологде. Вместе с командующим в походном вагоне жил его тринадцатилетний сын Юра. Он служил у отца ординарцем и мужественно переносил все тяготы военного времени. Когда в городе начался голод, Михаил Сергеевич ввел для всех работников штаба твердую норму продовольствия. Вместе с жителями Вологды и бойцами командующий фронтом и его сын получали по 200 граммов хлеба в день.

— Режим один для всех! — говорил Михаил Сергеевич. — Суровый, голодный, но справедливый.

То был принцип жизни, норма поведения.

Совсем молодым начал сражаться с врагами Советской республики старший сын М. С. Кедрова — Бонифатий. Вместе с отцом… участвовал в Петрограде в разгроме белогвардейских групп, укрывавшихся в зданиях иностранных миссий. В то время юному чекисту было всего 15 лет. Он уже вступил в партию, работал помощником ответственного секретаря газеты «Правда» Марии Ильиничны Ульяновой. Затем он участвовал в ликвидации банд Антонова на Тамбовщине.

Чекистом стал и младший сын — Игорь Михайлович Кедров.

В одном из номеров «Комсомольской правды» за 1966 г. мне бросилась в глаза заметка, в которой чекисты 20-х годов тепло вспоминали своего комсомольского вожака Игоря Кедрова.

«Достойное место в боевом отряде чекистов, — писала „Комсомольская правда“, — занимал молодой, глубоко преданный партии и революционной законности секретарь комсомольской организации ВЧК Игорь Кедров. Его отличало высокое понимание революционного долга и готовность отдать все свои силы и жизнь во имя революции».

Не только своим детям помогал Михаил Сергеевич найти верный путь. Он был неизменно внимателен ко всем, кто стоял на пороге жизни, кого волновали жизненные проблемы и вопросы, на которые требовались ясные и четкие ответы.

Большое влияние оказал Михаил Сергеевич на своего племянника, который, как и его дети, стал коммунистом.

Читавшие книгу Льва Никулина «Мертвая зыбь» наверняка запомнили мужественного чекиста, соратника Ф. Э. Дзержинского, одного из ответственных сотрудников ВЧК — товарища Артузова. Это он организовал и блестяще провел операцию «Трест», осуществил арест английского шпиона Сиднея Рейли, а также ярого врага Советской власти правого эсера Бориса Савинкова…

Артур был красивым, черноглазым, с копной темных волос, романтически настроенным юношей. Окончив гимназию с золотой медалью, Артур поступил в Петербургский политехнический институт, блестяще защитил диплом и стал инженером. Из Петербурга он уехал на Урал, где работал на одном из металлургических заводов.

Давняя привязанность Артура к Михаилу Сергеевичу, беседы, которые тот вел с юношей на прогулках в Жданях и в своей петербургской квартире, да и сама удивительно яркая личность дяди оказали огромное влияние на юношу.

Артур не мог стоять в стороне от великого дела, которое совершалось в России. Однажды он поделился своими раздумьями с дядей Мишей. Михаил Сергеевич не стал агитировать племянника. Он лишь напомнил Артуру известную английскую пословицу, которая гласит: «Самое главное — понять, в чем состоит твой долг. Выполнить его легче легкого».

Артур понял свой долг. Он стал большевиком, одним из первых советских чекистов, завоевавших полное доверие, любовь и уважение Ф. Э. Дзержинского.

У родных Артура Христиановича Артузова хранится напечатанная им на пишущей машинке автобиография. В короткой, написанной на полутора страницах истории своей жизни Артур Артузов рассказывает: «Как и многие юноши из интеллигентных семей, я долго метался, пока не нашел „себя“ и ту единственную правду земли, без которой не может жить честный человек. Она, эта правда, заключается в том, чтобы люди, которые трудятся, были сыты и свободны… Не знаю, что было бы со мной, если бы не дядя Миша. Большевиком я стал исключительно под влиянием незаурядной личности Михаила Сергеевича Кедрова».

Давно ушел из жизни кристально честный большевик, соратник Ленина и Дзержинского М. С. Кедров. Нет в живых и его сыновей. Тяжелая болезнь оборвала недавно жизнь Сильвы Кедровой, талантливого ученого, специалиста по истории Индии, доброго, душевно тонкого человека. Нет и племянника М. С. Кедрова — Артура Артузова.

В Москве жил и работал Бонифатий Михайлович Кедров. После окончания гражданской войны он, молодой тогда большевик, поступил в Московский университет.

Видимо, яркие рассказы отца о Дарвине, о его учении и борьбе за свое открытие пробудили у старшего сына М. С. Кедрова интерес к естествознанию, которому он впоследствии посвятил жизнь. Когда началась Великая Отечественная война, Б. М. Кедров обратился по радио к ученым нашей страны с призывом вступить в народное ополчение. Сам Бонифатий Михайлович вместе с женой одними из первых стали бойцами 21-й дивизии народного ополчения. Они сражались в одной батарее. Бонифатий Михайлович стал командиром орудия, жена подносила снаряды…

— Более полувека я занимаюсь историей философии и естествознания, — говорил Бонифатий Михайлович Кедров, — и на этом поприще считаю себя борцом партии. Не мне судить о моих научных работах. Но если я стал ученым, то прежде всего потому, что отец и мать не готовили меня в философы, а просто старались воспитать во мне человека и борца.

Пинчук Людмила.

Моим детям вместо завещания.

М., 1985, с. 148–158

Краткие сведения об авторах

АЛЕКСЕЕВА Нина Сергеевна
— член КПСС с 1945 г., бывший партийный работник.

АРАЛОВ Семен Иванович

— офицер старой армии, служил в Красной Армии, член КПСС с 1918 г., делегат II Всероссийского съезда Советов. Участник гражданской войны.

БЕЛОВ Сергей Владимирович —
беспартийный, кандидат филологических наук, член Союза писателей СССР. Автор ряда книг о русских издателях.

БЕЛУГИН Василий Георгиевич — член
КПСС с 1919 г., трудовую деятельность начинал пекарем в Москве. Участник Февральской и Октябрьской революций, чекист. Участник гражданской и Великой Отечественной войн.

БЕЛЫХ Григорий Самуилович —
член КПСС с 1926 г. Трудовую деятельность начинал в Донбассе на угольной шахте № 5 в г. Кадиевке. Далее — на политической работе в пограничных войсках. Член Союза журналистов СССР.

ВАСИЛЕВСКИЙ И. В. —
рабочий-железнодорожник, член КПСС с 1917 г. Командир отряда, затем батальона, стрелкового полка железнодорожной охраны. Участник гражданской войны на Севере.

ВИКТОРОВ Иван Васильевич
— член КПСС, участник гражданской войны на Севере.

ВОЛКОВА Елена Андриановна
— учительница в селе Зобнино, затем в г. Кашине Тверской губернии.

ГЛАДКОВ Теодор Кириллович
— член КПСС с 1975 г., член Союза писателей СССР. Автор ряда книг о советских разведчиках. Лауреат Золотой медали им. Н. Кузнецова.

ГЛАЗУНОВ Михаил Михайлович —
член КПСС с 1948 г. Работает в Вёрховном суде СССР. Заслуженный юрист РСФСР, член Союза журналистов СССР.

ДЕМИДОВ Георгий Васильевич
— офицер старой армии, с 1918 г. — в Красной Армии. Участник гражданской войны. Позже — на хозяйственной работе.

ЕПИФАНЦЕВ Михаил Васильевич
— член КПСС с 1918 г., слесарь на Александровском и Семянниковском заводах в Петрограде. Участник гражданской войны. В дальнейшем — на хозяйственной работе.

ЗАЙЦЕВ Николай Григорьевич
— член КПСС с 1941 г., участник Великой Отечественной войны, военный журналист, член Союза журналистов СССР.

КЕДРОВ Бонифатий Михайлович
— член КПСС с 1918 г., старший сын М. С. Кедрова. Участник гражданской войны, академик, организатор и популяризатор науки, писатель-мемуарист.

КЛАДТ Анатолий Павлович
— член КПСС с 1946 г., историк-архивист. Участник Великой Отечественной войны.

КОЛМАКОВ В. —
член КПСС, участник первой российской и Октябрьской революций. Активный член Ярославской партийной организации.

КУБАСОВ Александр Семенович
— член КПСС с 1920 г. Участник гражданской и Великой Отечественной войн, чекист. Далее — на административно-хозяйственной работе.

ЛОТОВА Елена Ивановна
— член КПСС с 1944 г., врач, доктор медицинских наук, участница Великой Отечественной войны.

МИЛОВИДОВ Владимир Леонидович
— член КПСС с 1954 г., доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории КПСС Костромского педагогического института, автор ряда работ по истории партии.

МИТРОФАНОВ Борис Алексеевич —
член КПСС с 1955 г. Работает в Верховном суде СССР. Заслуженный юрист РСФСР, член Союза журналистов СССР.

НАБОКИН Андрей Иванович —
член КПСС с 1932 г., из крестьян. В 30-е годы — на комсомольской и партийной работе, чекист.

НОВОСЕЛОВ Виталий Иванович
— беспартийный, врач Вологодской областной психиатрической больницы.

ПЕТРУШАНСКАЯ Римма Иосифовна
— беспартийная, журналист, музыковед. В настоящее время на пенсии.

ПИНЧУК Людмила Романовна
— беспартийная, историк, литератор, член Союза писателей СССР.

ПЛАСТИНИН Владимир Никандрович
— приемный сын М. С. Кедрова, кандидат исторических наук. Работал в спортивном движении в Воронеже.

ПЛЕШКОВ П. А. —
член КПСС с 1918 г., из крестьян, участник гражданской войны на Севере.

ПОДВОЙСКАЯ Ольга Николаевна —
член КПСС с 1929 г., инженер-технолог, кандидат технических наук. Во время Великой Отечественной войны работала на оборонном заводе.

РОШАЛЬ Михаил Григорьевич
— член КПСС с 1915 г., участник Октябрьской революции. Секретарь Новгородского губкома РКП(б), в дальнейшем — на хозяйственной работе.

САМОЙЛО Александр Александрович —
член КПСС с 1944 г. На военной службе с 1890 по 1948 г. Участник гражданской и Великой Отечественной войн.

СВОЙЧАКОВ Максим Иванович
— член КПСС с 1939 г., журналист. Участник Великой Отечественной войны. Кандидат исторических наук, член Союза журналистов СССР.

СМИРНОВ Михаил Александрович
— член КПСС с 1939 г., рабочий. В дальнейшем — на советской и профсоюзной работе. Участник Великой Отечественной войны. С 1940 по 1970 г. — в пограничных войсках, на партийно-политической работе. Член Союза журналистов СССР.

СТОПАНИ Александр Митрофанович —
член КПСС с 1893 г. Участник псковского совещания по созданию «Искры». В 1905–1907 гг. — секретарь Костромского комитета РСДРП. После Октябрьской революции — на советской работе.

ФРАУЧИ Виктор Христианович
— врач, заведовал кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии Казанского медицинского института, доктор медицинских наук.

ФРАУЧИ Евгения Христиановна
— беспартийная. Работала в Госсанинспекции (Санэпидстанции) Коминтерновского района г. Москвы помощником санитарного врача.

ЧИСТЯКОВ Николай Федорович —
член КПСС с 1939 г., рабочий. Участник Великой Отечественной войны. Почетный сотрудник госбезопасности, кандидат юридических наук.

ШАРШАВИН Григорий Матвеевич —

член КПСС с 1917 г. Активный участник трех российских революций и установления Советской власти в Вологодской губернии. В дальнейшем — на советской, партийной и хозяйственной работе.

Иллюстрации

М. С. Кедров. 1897 г.

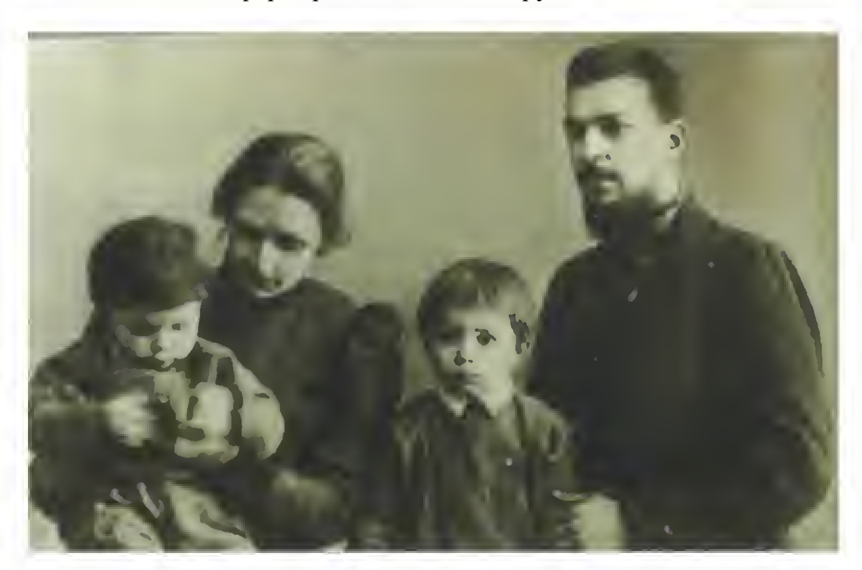
М. С. Кедров. Ярославль. 1902 г.

Молодые большевики, участники революционного движения в Ярославле в начале века. Слева направо: Александр, Нина Дидрикиль, Ольга и Михаил Кедровы, Мария Дидрикиль (фото 1903 г.).

Дача в Перловской (под Москвой), принадлежала М. С. Кедрову. В революцию 1905–1907 гг. здесь формировались боевые дружины.

М. С. Кедров с семьей. Тверь, 1906 г.

Окна квартиры в доме № 110 по Невскому проспекту (современный вид), где в 1907–1908 годах помещалось издательство «Зерно».

Вл. Ильинъ

За 12 лѣтъ

Собраніе статей

Томъ первый

С.-Петербургъ

Обложка I тома Сочинений В. И. Ленина «За 12 лет».

Момент проводов М. С. Кедрова на суд. Слева от него стоят жена и старший сын Бонифатий, справа тетя Мери. В санях сидят средний сын Юрий и Рудольф Фраучи (в фуражке).

М. С. Кедров. Москва, 1913 г.

Берн. Вальдхеймштрассе. 36 (бывш. Мульденштрассе, 57, дом в глубине улицы). Здесь летом 1913 г. В. И. Ленин слушал игру М. С. Кедрова.

М. С. Кедров среди раненых и персонала госпиталя в г. Кашине. 1916 г.

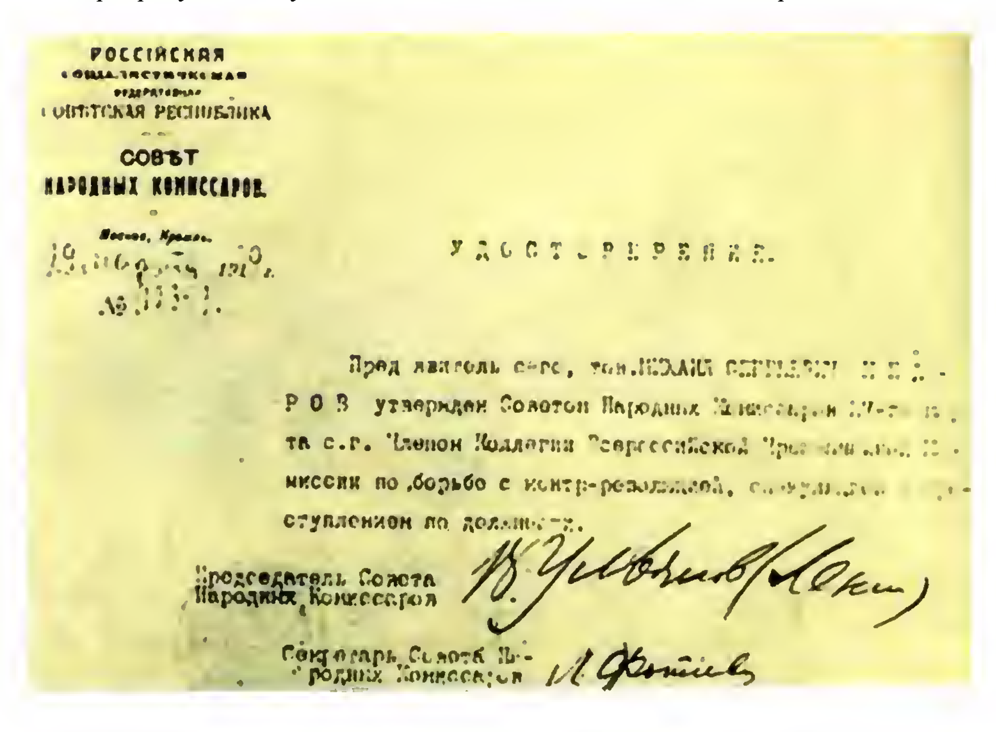
Мемориальная доска была установлена на здании вокзала.

Вокзал станции «Вологда», где размещался штаб Северо-Восточного участка отрядов завесы в сентябре 1918 г. (современный вид).

М. С. Кедров (рядом с постаментом) на открытии временного памятники Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу на площади Революции в Москве. 7 ноября 1918 г.

РОССІЙСКАЯ
[illegible]
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

СОВѢТ
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

Москва, Кремль.
19 [illegible] 191[illegible] г.
№ [illegible]

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Предъявитель сего, тов. [illegible] РОВ утвержден Советом Народных Комиссаров [illegible] с.г. Членом Коллегии Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией, [illegible] ступлением по должности.

Председатель Совета Народных Комиссаров [illegible]

Секретарь Совета Народных Комиссаров [illegible]

Удостоверение члена коллегии ВЧК М. С. Кедрова, подписанное В. И. Лениным. Март 1919 г.

М. С. Кедров (в центре) с группой чекистов. Архангельск. 1920 г.

Н. И. Подвойский и М. С. Кедров (сидят слева) среди старых большевиков участников революционных событий 1905 года в Костроме.

М. С. Кедров. Москва, 1928 г.

М. С. Кедров на отдыхе. 1936 г.

Примечания

1

Центральный государственный архив Октябрьской революции (далее: ЦГАОР СССР), ф. 102, он. 226, д. 3, ч. 150, т. 10, л. 50.

2

«Кресты» — название царской тюрьмы в Петрограде.

3

ЦГАОР СССР, ф.102, оп. 246, д. 5, ч. 1, литер 13, л.36.

4

От Февраля к Октябрю (Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1957, с. 172.

5

Война и революция. М., 1928, кн. 2, с. 36.

6

Декреты Советской власти. М., 1959, т. 2, с. 280.

7

Ленин В. И.
Полн. собр. соч., т. 50, с. 370.

8

Завеса — своеобразное объединение отдельных отрядов при отсутствии регулярной армии. Завеса СВУ в дальнейшем послужила основой для развертывания 6-й армии и Северного фронта.

9

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти т. М., 1984, т. 3, с. 132–136.

10

Кедров М. С.
Боевые задачи Красного спортивного интернационала. М., 1930, с. 13.

11

Кедров М. С.
За советский Север. Л., 1927, с. 184–185.

12

Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее: ЦПА ИМЛ), ф. 124, оп. 1, д. 852, л. 2–3.

13

Ныне Республиканская.

14

М. С. Кедров по поручению Северного комитета РСДРП занимался сбором средств для приобретения оружия.

15

Ленин В. И.
Полн. собр. соч., т. 11, С. 336–337.

16

Партийный архив Костромской области, ф. 383, оп. 1, д. 47, л. 11.

17

В собственноручно заполненной анкете М. С. Кедров указывал, что его отец умер в 1892 г., а мать — в 1897 г.

18

Артур Христианович Фраучи — Артузов.

19

Ярославское земство возглавлял князь Шаховской, либеральный и гуманный человек, допускавший в число земских сотрудников так называемых «неблагонадежных» лиц. Одним из таких сотрудников и был профессиональный революционер-марксист Александр Митрофанович Стопани. Познакомившись с сестрами Дидрикиль, он безошибочным чутьем опытного подпольщика сразу понял, какой благодатный человеческий материал встретился ему, и немедленно предложил сестрам войти в марксистский кружок.

20

Ангарский (Клестов) Николай Семенович, член партии с 1902 г. Сотрудничал с М. С. Кедровым в издании в 1908 г. произведений В. И. Ленина «За 12 лет», «Аграрный вопрос» и других в издательстве «Зерно». Принимал участие в создании полулегального книжного склада «Весна», который обслуживал легальной и нелегальной литературой большевистские организации.

21

Е. А. Дидрикиль — двоюродная сестра О. А. Кедровой.

22

Ленин В. И.

Полн. собр. соч., т. 47, с. 116–117.

23

Там же, с. 133.

24

ЦПА ИМЛ, ф. 124, д. 852, л. 3.

25

Кедров М. С.
Из Красной тетради об Ильиче. М., 1957, с. 8—10.

26

Ленин В. И.
Полн. собр. соч., т. 36, с. 14.

27

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 3, с. 130.

28

Ленин В. И.
Полн. собр. соч., т. 35, с. 224.

29

Центральный государственный архив Советской Армии (далее: ЦГАСА), ф. 33987, оп. 2, д. 38, л. 59.

30

Документы внешней политики СССР. М., 1957, т. 1, с. 349.

31

Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) — РКП(б) с местными партийными организациями (Март — июль 1918 г.). Сборник документов. М., 1967, с. 311–312.

32

Ленин В. И.
Полн. собр. соч., т. 50, с. 370.

33

Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 379.

34

«Союз возрождения России» — контрреволюционная организация, образовавшаяся в 1918 г. из кадетов, «народных социалистов», правых эсеров, меньшевиков и непосредственно связанная с иностранными миссиями и разведками. «Союз» ставил своей задачей вооруженное свержение Советской власти и восстановление капиталистических порядков.

35

Кедров М.
Под игом английских громил. М.-Л., 1927, с. 12–13.

36

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 2, д. 38, л. 157.

37

Дипкорпус в России (посольства США, Великобритании, Франции, Италии, Японии, Китая, Сербии и Бразилии) выехал из Петрограда в Вологду в конце февраля 1918 г., объяснив это угрозой германского наступления. Советское правительство предложило дипломатам переехать в Москву, но на все ноты Г. В. Чичерина старейшина дипкорпуса посол США Фрэнсис отвечал отказом, ссылаясь на отсутствие связи у дипломатов со своими правительствами. Фрэнсис и английский посол Бьюкенен надеялись вскоре увидеть в Вологде свои войска.

38

ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 74, л. 176.

39

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 3, с. 132.

40

ЦГАСА, ф. 28361, оп. 1, д. 404, л. 9.

41

8-й Латышский стрелковый полк (487 бойцов), несший гарнизонную службу, и часть 1-го Вологодского Советского полка (80 бойцов), участвовавшего в подавлении мятежа в Ярославле (ЦГАСА, ф. 1, оп. 2, д. 17, л. 141).

42

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 2, д. 38, л. 302.

43

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 3, с. 133–134.

44

Ленин В. И.
Полн. собр. соч., т. 50, с. 141.

45

ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 33, л. 329.

46

С ними состоялось соглашение о невывозе только румынских грузов. Ввиду обнаруженных злоупотреблений в самой Чкорап Кедров ликвидировал ее деятельность 20 июня.

47

Бывшего в 1917 г. военным работником при Керенском.

48

ЦГЛСА, ф. I, оп. 2, д. 37, л. 207.

49

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 31, л. 14.

50

Государственный архив Вологодской области, ф. 585, д. 9, л. 355.

51

Ленин В. И.
Полн. собр. соч., т. 39, с. 240.

52

Ленин В. И.
Полн. собр. соч., т. 50, с. 143.

53

Оперативный отдел Всероссийского главного штаба.

54

В сентябре 1918 г. на базе роты был сформирован Вологодский батальон коммунистов, а К. А. Авксентьсвский назначен губернским военным комиссаром.

55

ЦГАСА, ф. 1, оп. 2, д. 37, л. 148.

56

Там же, л. 164.

57

26 августа М. Д. Бонч-Бруевич телеграфировал Б. П. Позерну: «Нарком Кедров сообщает о крайне плохом, малонадежном и частично деморализованном состоянии частей, посылаемых в его распоряжение, в частности в плохом состоянии выслан Петроградский полк…».

58

М. С. Новов — член Коммунистической партии с 1903 г., член Архангельского губисполкома.

59

См.:
Ленин В. И.
Военная переписка. 1917–1920. М., 1956 г. с. 58.

60

Северный фронт (1918–1920). Документы. М., 1961, с. 111.

61

См.:
Софинов П. Г.
Очерки истории ВЧК. М., 1900, с. 129.

62

В конце 1918 г. ВЧК арестовала по обвинению в шпионаже и контрреволюционной деятельности группу офицеров бывшего Генерального штаба. Высший Военный совет обратился в Совет Рабоче-Крестьянской Обороны с жалобой на действия ВЧК.

63

Ленин В. И.
Полн. собр. соч., т. 50, с. 325.

64

Ленин В. И.
Полн. собр. соч., т. 38, с. 399.

65

Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1987, с. 178.

66

Ленин В. И.
Полн. собр. соч., т. 39, с. 50.

67

Ленин В. И.
Полн. собр. соч., т. 39, с. 54, 59.

68

См.: Ленинский сборник XXXVIII, с. 272.

69

Ленин В. И.
Полн. собр. соч., т. 39, с. 44.

70

Дом заключения.

71

Ленин В. И.
Полн. собр. соч., т. 39, с. 359.

72

Там же, с. 407, 409, 410.

73

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 3, с. 138.

74

Лечебно-санитарное управление Наркомздрава.

75

Эндоартериит облитерирующий — заболевание с обширным поражением сосудистой системы, сопровождающееся нарушением питания тканей, преимущественно нижних конечностей.

76

См.:
Ленин В. И.
Полн. собр. соч., т. 16, с. 79–89.
Ред.

77

См. там
же,
с. 67–74.
Ред.

78

Ленин В. И.
Полн. собр. соч., т. 6, с. 319.
Ред.

79

«Теория прибавочной стоимости».
Ред.

80

Ленин В. И.
Полн. собр. соч., т. 47, с. 116–117.
Ред.

81

Ленин В. И.

Полн. собр. соч., т. 49, с. 212.

82

Ленин В. И.
Полн. собр. соч., т. 37, с. 173.

83

Там же, с. 174.

84

Ленин В. И.
Полн. собр. соч., т. 39, с. 359.

85

Там же, с. 410.

86

Там же, с. 411.

87

Ленин В. И.
Полн. собр. соч., т. 39, с. 410.

88

Здесь неточность: современные исследования историков показывают, что наибольшее распространение в дореволюционное время получила брошюра В. И. Ленина «К деревенской бедноте», тираж которой превышал 100 тыс. экземпляров. —

Авт.

